

«ВДУМЧИВЫЙ, ЖЕСТКИЙ, ГЛУБОКО
ПРОДУМАННЫЙ И ОЧЕНЬ НЕШАБЛОННЫЙ
РОМАН. В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКЕ НЕТ НИЧЕГО ПОДОБНОГО».

THE GUARDIAN

ПУСТОШЬ,
ЧТО ЗОВЕТСЯ
МИРОМ

Аркади Мартин

fanzon

18+

Аркади Мартин
Пустошь, что зовется миром
Серия «Fanzon. Sci-Fi
Universe. Лучшая новая НФ»
Серия «Тейкскалаан», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68856492
Пустошь, что зовется миром: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-181555-4*

Аннотация

Премия «Хьюго» за лучший роман.

Премия «Локус» за лучший НФ роман.

Финалист премий «Небьюла», ДрагонКон, Артура Ч. Кларка, Goodreads и премии Британской ассоциации НФ.

Лучшая книга года по версии Publishers Weekly, Bookpage и Amazon.com

Инопланетная армада появляется на границе пространства космической империи Тейкскалаан. Командующий имперским флотом отчаянно пытается наладить дипломатические отношения с превосходящими силами захватчиков. Теперь Махит Дзмаре сталкивается с невыполнимой задачей — начать общение с враждебным существом. Ее провал гарантирует миллионы смертей в бесконечной войне.

А успех предотвратит распад Тейкскалаана и обеспечит продолжение хищнической имперской экспансии.

Или же будет создано нечто совершенно немыслимое.

«Мартин плетет драматическую и напряженную историю о политических интригах и первом контакте с чужими... каждый персонаж прорисован в мельчайших деталях». – Booklist

«Головокружительная, волнующая история дипломатии, заговора и первого контакта, удостоенная премии "Хьюго"... Эта сложная и ошеломляющая космическая опера обещает изменить жанр». – Publishers Weekly

Содержание

Прелюдия	9
Глава 1	12
Глава 2	54
Глава 3	79
Глава 4	121
Интерлюдия	162
Глава 5	168
Конец ознакомительного фрагмента.	192

«ТЕЙКСКАЛАН»

- Память,
что зовется
империей

- Пустошь,
что зовется
миром

Аркади Мартин

Пустошь, что зовется миром

Эта книга посвящается всем изгнанникам: релокантам, беженцам, людям без гражданства; тем, кто был брошен, и тем, кто бросал; тем, кто впал в отчаяние, и тем, кто обрел свободу.

(А также Станиславу Петрову, который знал, когда воспротивиться приказу. ¹)

Прежде всего, мир рухнул. Все правила поведения, привычные для инков, перестали существовать одновременно, будь то личные контакты (визуальные, вербальные и тактильные), питье или употребление пищи. Когда Сиквинчара впервые столкнулся с завоевателями, ему позволили делать то, что не мог ни один индеец, а теперь ситуация радикально изменилась. Поскольку больше не существовало никакого осмысленного контекста, который регулировал бы их взаимодействия, люди подвергались огромному риску. Атахуалпу могли убить или же отравить Сото и Хернандо...

Гонзоло Ламана. «По ту сторону экзотики и сходства: Различия и здравый смысл в ходе колониального контакта» в «Сравнительных исследованиях общества и истории», том 47, №1 (2005): 4-39

Разорение, бойня, узурпация власти под выдуманными титулами – вот что принято называть империей, а пустошь, которую они оставляют после себя, зовется миром.
Тацит (цитата из Калгака). «Агрикола» 30

Arkady Martine

A DESOLATION CALLED PEACE

Copyright © 2021 by AnnaLinden Weller

© Г. Крылов, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке. «Издательство «Эксмо»,
2023

Прелюдия

Мыслить. Не разговаривать. Не думать языком. Подумать «мы» – и не воспроизвести ни звука, ни крика для кристаллических глубин этого слова. Отказаться от звуков там, где они непригодны. Мыслить как личность, а не как голос, полный желания, как ослепленный жаждой оголодавший зверь, не как ребенок, не имеющий ничего, кроме себя самого и криков своего рта. Смотреть сквозь пространство из двух или трех колец одного из наших звездолетов и видеть каждый источник света, сердце каждой звезды. Увидеть образ, который создают в наших глазах эти звезды, отражая другой, запечатленный в памяти, во тьме старой планеты. Как сияли наши глаза в доме – в доме грязи и крови! Мы закрыли их и стали невидимыми, падальщиками тьмы, охотниками за тайнами! И теперь наши звездолеты сияют в домах – в домах войда² и света, а мы ускользаем прочь, словно закрывая глаза, и становимся невидимыми!

Мыслить как единая личность из поющего потока частиц по имени «мы» и видеть те места, которые мы еще не опустошили, еще не вскрыли в поисках тайн когтями, искусными, как скальпель хирурга.

Ах, эта другая жажда, жажда частиц «мы», которая никак

² Войд (от *англ.* void – пустота) – обширные области, в которых отсутствуют или почти отсутствуют галактики и скопления планет.

не связана с телом. Жажда тянуться все дальше и дальше.

Тело – это плоть, полная генов силы и дикости, плоть, полная генов терпимости и обнаружения закономерностей. Это любопытное тело, тело наблюдателя, хорошо подготовленное для астронавигации и геодезии, тело с когтями, пронизанными металлическими волокнами, которые позволяют исполнить свою песню не только частицам «мы», но и любому звездолету, к которому они прикасаются. Это тело почти не стало «мы», вместо этого оно чуть не стало мясом – но при этом оно «мы», является телом для превращения в мясо других тел, для сотворения и других тел из своего. Это тело наполнено инструментами, и его умелые руки лежат на спусковых крючках энергетических пушек звездолета.

Эти тела, поющие в потоке частиц «мы», поющие вместе о плоти тел, которые не есть «мы», но которые сотворили звездолеты и энергетические пушки, которые являются мясом и не могут петь! Тела, которые *мыслят языком*, кричат своими ртами и роняют воду из глаз, тела без когтей, но злобные в собственной жажде тянуться все дальше. Тела, уже изрядно вкусившие войда и очень близко подошедшие к гипервратам, за которыми находятся все наши дома крови, новые и старые.

Эти тела поют: умное мясо умирает, как любое другое, как умираем «мы», но оно не помнит, что знало это мертвое мясо. Поэтому мы доставили наши единоутробные тела на одну из их планет, не в дом крови, а в дом грязи, полный

ресурсов для опустошения, и мы сделали их пригодными для использования – и мясо, и ресурсы.

Петь – удовлетворять жажду. Петь – понимать. Вот только...

Другое тело создает контрапункт, диссонанс. Это тело, любопытное тело, тело-наблюдатель, упрямое и контролирующее тело, которое ускользало прочь, пропадало из зоны видимости в том же секторе войда в течение стольких циклов, но все равно так и осталось любопытствующим. Именно оно поет в «мы», поет о нескольких умных телах, которые все-таки помнят то, что знало их мертвое мясо. Но не все из них знали одно и то же. Это не та же песнь, что у «мы».

Вообразите «мы» из фрагментов, «мы», которое не сбивается в стаю, помнит, но не может сохранить форму! Мы воспеваем жажду тянуться все дальше и дальше, стоит только представить эту раздробленность! А еще мы задаемся вопросом: «Что такое есть у этого умного мяса, чего нет у нас? Что это у них за разновидность пения, которую мы не можем услышать?»

И мы посылаем звездолеты кружить как можно ближе к ним. Настолько близко, чтобы можно было попробовать на вкус.

Глава 1

...ЗАПРЕТ ПРИОСТАНОВЛЕН – на срок до четырех месяцев, приостановка может быть продлена приказом Совета. Запрет на тейкскалаанский военный транспорт в зоне Станции приостановлен, все корабли, имеющие тейкскалаанский военный позывной, могут двигаться дальше через Анхамематские врата. Приостановка не является разрешением для тейкскалаанских кораблей, как военных, так и остальных, причаливать к Станции Лсел без получения предварительного пропуска, одобрения и прохождения таможенной очистки – ПРИОСТАНОВКА ОДОБРЕНА ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОВЕТА ПО ШАХТЕРАМ (ДАРЦЕМ ТАРАЦЕМ) – повторяю...

Сообщение с высоким приоритетом для распространения на дипломатических, коммерческих и общих частотах в Секторе Бардзраванд 52-го дня 1 года в 1-й индикт³ Императора Всего Тейкскалаана Девятнадцать Тесло

Ваше Великолепие, вы оставили мне весь мир, и все же я чувствую себя обделенной;

³ В Древнем Риме: период в пятнадцать лет (пятнадцатилетний период, в течение которого римляне три раза собирали дань с побежденных, а также учрежденный в Византии в IV веке цикл пятнадцатилетнего исчисления времени вместо прежнего четырехлетнего). Здесь продолжительность индикта другая – об этом говорится в одной из глав книги.

*я бы предпочла поменяться местами с вашим
проклятым звездами бесноватым призраком,
о Шесть Путь, лишь бы он научил меня не спать.
Личные записи Ее Великолепия Императора
Девятнадцать Тесло, без даты, заблокировано
и зашифровано*

Девять Гибискус в третий раз просмотрела картографический цикл за последнюю неделю со всеми зарегистрированными изменениями, а потом выключила его. Без точек-звезд и подсвеченных аркообразных линий перемещения Флота стол стратегии на мостике «Грузика для колеса» представлял собой тускло-матовое пространство, замершее в нетерпеливом ожидании новой информации, – как и его капитан.

Однако ничего не поступало. Девять Гибискус могла и не смотреть на картограф – она помнила, как точки планет на столе мигнули в первый раз красным цветом бедствия, а потом сигнал пропал. Все почернело – планеты исчезли, словно их смыло приливом. Как бы густо ни были прочерчены на картографе линии наступающих тейкскалаанских кораблей, ни одна из них не продвинулась сквозь это черное безмолвие. «Мы боимся, – подумала Девять Гибискус не без мрачного предчувствия, – боимся увидеть, что там, за этой точкой».

Ее «Грузик для колеса» был вторым ближайшим кораблем к пространству без коммуникаций. Всего один корабль отправила она дальше, чем увезла бы своих людей. Это был

гибридный разведывательно-боевой корабль, называвшийся «Девятое цветение острия ножа», почти невидимый осколок, выскользнувший из разверстой пасти ее флагманского корабля в безмолвную пустоту. Отправка этого корабля, скорее всего, стала первой ошибкой Девять Гибискус в качестве только что назначенного яотлека Ее Великолепия Императора Девятнадцать Тесло, командира всех командиров Флота, в чьем подчинении находилось множество тейкскалаанских легионов. «Если Император назначил нового яотлека, жди войны, без одного нет другого» – Девять Гибискус впервые услышала эту старую поговорку, когда была кадетом. Сейчас она примерно раз в неделю думала, что этой прописной истине не нужны доказательства.

Недавно коронованная Девятнадцать Тесло отчаянно хотела развязать войну.

Поэтому теперь, находясь на передовой этой войны, Девять Гибискус надеялась, что отправка «Острия ножа» в конечном счете не была ошибкой. Было бы хорошо избежать ошибок, не вызванных внешними обстоятельствами, с учетом того, насколько новым яотлеком она была. Было бы хорошо вообще избежать ошибок, но Девять Гибискус была офицером Шести Раскинутых Ладоней – Тейкскалаанской императорской армии, чьи руки тянутся во всех направлениях, – достаточно долго, чтобы понимать, что ошибки на войне неизбежны.

Пока «Острие ножа» двигался столь же тихо, как и мерт-

вые планеты впереди него, и картограф вот уже четыре часа не производил никаких обновлений. Так что этот гамбит мог далее разыгрываться совершенно любым образом.

Она уперлась локтями в стол стратегии. Позднее в этих местах появятся жирные следы: мягкая, податливая плоть ее рук оставит отпечатки на матовой поверхности, и придется использовать очиститель экрана, чтобы их стереть. Но Девять Гибискус нравилось *прикасаться* к своему кораблю, чувствовать его даже в периоды, когда он просто ждал приказов. Чувствовать, даже на большом расстоянии от двигателя, гудение мощнейшей машины, для которой она служила мозгом – или по меньшей мере нервным узлом, центральной точкой. Капитана Флота можно было назвать фильтром всей поступающей на мостик информации – яотлек был значительно *больше* этого. Яотлек дотягивался дальше, у него было больше рук, которые можно протянуть во всех возможных направлениях. Больше *кораблей*.

Девять Гибискус потребуются все руки, что у нее есть. Ее Императорское Величество, судя по всему, хотела, чтобы война вонзилась зубами ее властвования в места еще более отдаленные, однако война, побеждать в которой она отправила Девять Гибискус, уже приобрела уродливые формы – уродливые и таинственные. Ядовитая волна омывает границы Тейкскалаана. Все началось со слухов, историй о пришельцах, которые безо всяких предостережений или требований нанесли удар, уничтожали и исчезали, оставляя по-

сле себя обломки кораблей в войде – если от кораблей хоть что-то оставалось. Впрочем, что точно оставалось, так это полные ужаса истории о призраках в черном. Все солдаты Флота выросли на подобных историях и передавали дальше новым кадетам. Эти слухи поползли внутрь Империи от соседей со станций Верашк-Талай и Лсел, периферии, не имевшей особого значения – по крайней мере до смерти старого императора, вечно-солнцеликого Шесть Путь, который, умирая, провозгласил, что все эти слухи правдивы.

После этого война стала неизбежной. Она началась бы так или иначе даже *до того*, как пять тейкскалаанских форпостов по другую сторону гиперврат в Парцравантлакском секторе стали безмолвными и глухими, как камни. А истории, полные ужаса, непременно поползли бы, раз им вообще было суждено ползти из черных пространств между звездами. Просто это могло бы произойти не так скоро.

Ее Великолепие Девятнадцать Тесло была императором уже два месяца, и практически половину этого времени Девять Гибискус была яотлеком этой войны.

Атмосфера вокруг ее мостика была одновременно и чрезмерно деловой, и чрезмерно спокойной. За каждым пультом сидел офицер. Навигация, двигатель, оружие, средства связи – все вело к ней и стратегическому столу, основательной увеличенной версии голографического рабочего пространства, которое она могла оживить с помощью облачной привязки. Эта стеклометаллическая накладка на правом гла-

зу связывала ее с глобальной сетью, базой данных и событий, благодаря которой империя существовала как единое целое – даже здесь, на краю тейкскалаанских владений.

Все на мостике были заняты. Каждый старался выглядеть так, будто ему есть чем заняться, кроме как ждать и задаваться вопросом, не застанет ли их врасплох сила, победить которую их отправили, и не сделает ли с ними то, что делали пришельцы, уничтожая планетарные системы коммуникаций, как пламя в вакууме. Они – Флот Шести Раскинутых Ладоней Тейкскалаана, они привыкли завоевывать, а не дожидаться неизбежного, замерев в томительной тишине на передовой. Шесть легионов кораблей подошли вплотную к опасности, но все еще оставались неподвижными.

Так или иначе, когда Ее Великолепие Девятнадцать Тесло отправила своего яотлека вести эту войну, Девять Гибискус полагала, что Император позволит ей сделать ее корабль флагманским. Все офицеры были тейкскалаанцами, она знала их еще до нынешней войны, она служила с ними, командовала – и привела их к победе при подавлении восстания в системе Каураан менее трех месяцев назад. Эти офицеры были *ее людьми*. И сейчас они продолжают доверять ей еще некоторое время, до тех пор пока «Острие ножа» не вернется с какой-нибудь информацией, требующей принятия срочных мер. Тогда она сможет позволить им чуточку выпустить пар, вкусить немного крови, пыли и огня, которым расцветает умирающий инопланетный корабль. Флот мог долго дер-

жаться на таких крошечных глотках игрушечного насилия, если верил: их яотлек знает, что делает. По крайней мере, именно так считала Девять Гибискус, когда служила под командованием капитана Флота Девять Тяги, до перевода той на сидячую работу в Городе. Девять Гибискус даже писала свое имя с тем же самым цифровым символическим знаком, что и Девять Тяга, и пока не пожалела о выборе выразить себя в письменной форме именно таким образом, хотя этот выбор был сделан в позднем подростковом возрасте, когда ее душа стремилась к звездам. Девять Тяга выросла до министра войны при умершем Императоре, и Девять Гибискус была уверена, что она сохранит должность и при новом владыке, *ждала* этого.

Но Девять Тяга ушла в отставку почти сразу же после воцарения Девятнадцать Тесло. Она окончательно покинула Город, уехала в свою родную систему, и пока у ее прежних подчиненных не было шанса повидаться с ней и спросить, по какой причине она ушла, почему именно сейчас, и задать все остальные вопросы, порожденные слухами. Вместо этого Девять Гибискус, лишенная радости наставничества, – хотя, если говорить откровенно, ей повезло, что оно продолжалось так долго, – однажды проснулась из-за срочного послания-инфокарты от самого Императора. Назначение.

Если в этой войне можно одержать победу, то я хочу, чтобы вы ее одержали. Темные скулы императора были похожи на ножи, на копыя солнечных лучей, испускаемых тро-

ном, на котором она сидела.

И теперь, возвращаясь в настоящее время и к себе самой, Девять Гибискус услышала обращенный к ней тихий голос слева от нее. Этот голос не мог испугать ее даже с такого близкого расстояния – к тому же он был единственным, кто вообще мог подойти к ней настолько близко.

– Значит, пока ничего, сэр?

Двадцать Цикада, ее икантилос-прим, офицер самого высокого ранга, который подчинялся непосредственно капитану Флота и никакой другой административной единице. Двадцать Цикада был ее адъютантом и первым заместителем – и это было лишь частью того, что позволял его ранг, а она не могла себе представить в этой позиции никого, кроме него. Его руки были аккуратно сложены на груди, тощей как у покойника, одна бровь выразительно изогнута. Как и всегда, форма на нем сидела безупречно, он представлял собой образ идеального тейкскалаанца-солдата из пропагандистского фильма – если не обращать внимания на бритую голову и на то, что выглядел он так, будто не ел целый месяц, а также на завитки татуировок, выполненных зелеными и белыми чернилами, которые показывались на его запястьях и горле, когда униформа смещалась при движении и дыхании.

– Ничего, – сказала Девять Гибискус достаточно громко, чтобы это услышали все на мостике. – Полная тишина. «Острие ножа» перемещается в безмолвии, и при нынешней скорости он не вернется еще полторы смены – если только

не придется бежать от чего-то ужасного. Но «Острые ножа» мало что может напугать.

Двадцать Цикада знал об этом. Эти слова прозвучали не для него – для опустившихся на дюйм плеч Восемнадцать Резца из навигации, для того чтобы Два Пена, офицер связи, наконец-то отправила послания, которые медлила отправлять последние пять минут, – послания остальному многолегионному Флоту о том, что небо по-прежнему чисто.

– Отлично, – сказал Двадцать Цикада. – Тогда вы позволите занять вас на минуту, яотлек?

– Скажите мне, что у нас все еще нет проблем со зверьками, сбежавшими по воздушным трубопроводам на пятой палубе, и тогда я не буду возражать против того, чтобы вы меня заняли, – сказала Девять Гибискус, распахнув глаза в почти ласковой усмешке.

Зверьки – маленькие пушистые существа, которые приятно урчали и поедали вредителей, особая разновидность котов родом с Каураана, – появились на борту во время их последнего спуска на эту планету, когда Девять Гибискус была еще не яотлеком, а капитаном Флота десятого легиона. Зверьки не доставляли проблем – и вообще не были тем, о чем Девять Гибискус *должна знать*, – пока не решили расплодиться и переместиться для этого в воздухопровод пятой палубы. Двадцать Цикада громко сетовал, что зверьки нарушают гомеостаз среды обитания в «Грузике для колеса».

– Нет, я не по поводу зверьков, гарантирую, – сказал Два-

дцать Цикада. – Поговорим в конференц-зале?

Раз обсуждение вопроса требует конфиденциальности, это явно не к добру.

– Отлично, – сказала Девять Гибискус, поднимаясь на ноги. В ширину она в два раза превосходила Двадцать Цикаду, но он обошел ее так, будто ничем не уступал ей физически. – Два Пена, мостик твой.

– Мостик мой, яотлек, – отозвалась Два Пена, как положено, и Девять Гибискус отправилась узнавать, что не так с ее кораблем – точнее, *теперь* с ее Флотом.

На «Грузике для колеса» было два конференц-зала: большой для стратегических совещаний и малый для обсуждения проблем. Девять Гибискус переоборудовала его из вспомогательной станции оружейного контроля сразу после того, как ее назначили капитаном. Она была убеждена, что корабль нуждался в помещении для проведения *приватных* официальных разговоров, – и оказалась права. Малый конференц-зал был наилучшим местом для решения вопросов личного состава под запись корабельных камер, видимых и невидимых одновременно. Она пропустила Двадцать Цикаду внутрь и заперла дверь на замок едва заметным движением глаза – облачная привязка Девять Гибискус привела в действие алгоритм искусственного интеллекта корабля.

Двадцать Цикада не был расположен к преамбулам; Девять Гибискус знала его как *эффективного*, расторопного, честного и безжалостно прямолинейного. Он прошел в дверь

и, к ее удивлению, не повернулся, чтобы сделать рапорт. Вместо этого он направился прямо к узкому иллюминатору комнаты и положил руку на пластисталь, отделявшую его тело от вакуума. Девять Гибискус почувствовала прилив тепла при виде этого знакомого жеста – тепла, смешанного с неприятным страхом: Двадцать Цикада, как и она, прикасался к кораблю, но так, словно хотел, чтобы космос пришел и поглотил его руку. Девять Гибискус помнила этот его жест со времени знакомства на их самом первом задании.

А было это так давно, что даже не хотелось считать, сколько лет прошло.

* * *

– Пчелиный Рой, не томи. Что происходит? – спросила она. Это прозвище он приобрел во время того самого первого задания, и она почти перестала называть его так в целях соблюдения воинского этикета.

– Сэр, – отозвался он, продолжая вглядываться во мрак. Он использовал смягченное официальное обращение, на камеру – хотя записи из этого помещения никогда не увидит никто, кроме нее: никого выше рангом яотлека нет. Но он был предельно корректен, настоящий офицер Флота, тейкскалаанец из тейкскалаанцев, безупречный в роли икантлоса-прима и адъютанта. Этот человек вполне мог бы быть героем «Истории экспансии» или «Первых стихов

фронтира», но эти произведения были написаны до того, как Тейкскалаан поглотил систему, на которой обитал его народ. Правда, он все еще придерживался некоторых особых культурно-религиозных практик своей системы, но нерешительность не принадлежала к таковым – по крайней мере, ей об этом было неизвестно.

– Слушаю вас, икантлос. Докладывайте.

Наконец он повернулся, округлив глаза в иронически смиренном удивлении, и сказал:

– Часа через два, сэ, вы получите официальное коммюнике, адресованное лично вам как яотлеку, командующему объединенным Флотом. Это коммюнике будет от капитана Флота Шестнадцать Мунрайз с «Параболического сжатия» Двадцать четвертого легиона. В этом коммюнике она потребует объяснения, чем вызвана приостановка действий. Оно также будет подписано капитаном Флота Сорок Оксид Семидесятого легиона и капитаном Флота Два Канал Шестого легиона. У нас проблема.

– Семнадцатый и Шестой? – переспросила Девять Гибискус. – Они же ненавидят друг друга. Их соперничеству уже две сотни лет. Каким образом Шестнадцать Мунрайз удалось уговорить их обоих поставить подпись?

Да, у них действительно возникла серьезная проблема. Ее объединенный Флот состоял из шести легионов: ее собственный, Десятый, и еще пять, у каждого свой капитан Флота – с недавних пор они были полностью в ее власти. Традицион-

но яотлек имел в подчинении шесть Флотов, что обеспечивало тактическую эффективность и символический жест – для победы в войне одной живой силы было мало. Однако ее хватало, чтобы войну начать, в чем и состояла сейчас задача Девять Гибискус в ее понимании. Начать, а потом одержать победу своими ресурсами и теми, которые потребуются вызвать из центра Тейкскалаана при необходимости.

Но если три капитана из шести были готовы нанести удар по авторитету яотлека... Необходимости произносить это вслух не было: и она, и Двадцать Цикада знали, что означает такого рода письмо. Это была попытка отыскать слабые места, легкая артподготовка с целью обнаружения наилучшей позиции, с которой можно было внести клин и атаковать. Плохо было уже то, что в состав ее Флота включили и Шестой, и Семнадцатый легионы, но она была готова к конфликтам между ними и собиралась купировать их, выдавая им равно привлекательные задания. А вот столь удивительной демонстрации политического единства через недовольство Девять Гибискус никак не ожидала.

– Из сведений, которые я получил от моих информаторов на кораблях, Шестнадцать Мунрайз, с одной стороны, возвала к более длительному боевому опыту Сорок Оксида, а с другой – к страстному желанию Два Канал занять место яотлека вместо вас. Никто из них не знал, что другой решил подписать это коммюнике, пока не согласились на его отправку, – сказал Двадцать Цикада.

Двадцать Цикаду прозвали Пчелиным Роем не случайно, и причиной тому было не только его необычное имя – живого существа, а не какого-либо предмета, цветка или растения, как было принято. Он был Пчелиным Роем, потому что одновременно присутствовал всюду, кого-нибудь знал на каждом корабле Флота, и эти кто-нибудь считали своим долгом информировать его обо всем значимом, что у них происходило. Девять Гибискус сжала зубы, задумавшись.

– Политика, – произнесла она. – Ну что ж. Мы и раньше сталкивались с политическими играми.

Политика не раз и не два настигала Девять Гибискус. Она настигала любого, кто становился капитаном Флота и намеревался сохранить эту позицию, одерживая победы вместе со своим легионом. Увы, такого рода тейкскалаанизм приводил к появлению врагов – и врагов завистливых.

Но прежде, когда Девять Гибискус сталкивалась с политическими играми, в министерстве была Девять Тяга, к чьей помощи она в крайних случаях могла обратиться. Новый министр войны Три Азимут не была чьим-то конкретным другом – во всяком случае, она точно не была другом Девять Гибискус.

– Дело не в Два Канал и не в Сорок Оксид, – сказал Двадцать Цикада. – Зачинщик – Шестнадцать Мунрайз. Именно ее вы должны обезвредить.

– Может быть, она согласится занять позицию во главе наступления, когда придет время.

– Прямолинейно, сэр, – сказал Двадцать Цикада сухим, как обработанный воздух на корабле, голосом.

Она не смогла сдержать улыбку: варварский оскал, дикое выражение; ее лицо наслаждалось этим. Наслаждалось так, словно они уже готовились к действиям вместо того, чтобы ожидать и ожидать, снова и снова.

– Они хитрят и маневрируют, а я проявляю чрезмерную осторожность.

– Я могу составить этот приказ. Если угодно, Двадцать четвертый будет заменен в ходе пересменки и с победными криками брошен в любой войд, который пожирает наши планеты.

Одна из проблем с Двадцать Цикадой состояла в том, что он всегда предлагал именно то, что хотела она, и настаивал на предложении достаточно долго, пока она не уяснит, что идея плохая. Эта особенность относилась к одной из тысячи причин, по которым Девять Гибискус никогда даже не думала о том, чтобы заменить его на кого-нибудь из более ассимилированных миров.

– Нет, – сказала она. – Давайте сделаем что-нибудь лучше. Слава погибнуть за империю первой слишком хороша для Шестнадцать Мунрайз, вы так не считаете? Пригласите-ка ее лучше на обед. Обращайтесь с ней так, будто она – любимый коллега, перспективный со-командер. Новый яотлек вроде меня нуждается в союзниках, не так ли?

Выражение лица Двадцать Цикады стало непроницае-

мым, словно он производил перерасчет в обширных вычислениях сложнейшей системы. Девять Гибискус рассудила, что если он захочет возразить, то так и сделает, и потому продолжила, подозревая, что возражать он не станет:

– Четвертая смена – это даст ей достаточно времени, чтобы прибыть на «Колесо» со своим адъютантом. Мы обсудим стратегию вчетвером.

– Сэр, как только письмо поступит официально, я отправлю приглашение и сообщу на кухню, что мы ждем гостей. Не нравится мне это, – добавил Двадцать Цикада после небольшой паузы. – Под запись: слишком рано для того, чтобы кто-то давил на вас подобным образом. Я такого не ожидал.

– Мне это тоже не нравится, – сказала Девять Гибискус. – Но с каких пор это имеет значение? Мы продолжаем делать свое дело, Пчелиный Рой. И побеждаем.

– Стараемся, – и снова это ироническое удивление. – Но колесо продолжает крутиться...

– Вот поэтому мы и «грузик» для этого колеса, – ответила Девять Гибискус корабельной прибауткой, популярной среди ее солдат, и улыбнулась.

«Игра продолжается, – подумала она. – Шестнадцать Мунрайз, чего бы ты ни хотела от меня – приходи, сыграем».

Затем по связи раздался бестелесный голос Два Пены:

– Яотлек, поступило видеоизображение «Острия ножа». Трехчасовая давность. Они возвращаются – быстро. Уносят ноги.

– Черт бы побрал эти звезды, – со злостью выплюнула Девять Гибискус, инстинктивно выругавшись, но так, что никто, кроме нее и Двадцать Цикады, не слышал этих слов.

Она подала сигнал своей облачной привязке перевести ее на частоту громкой связи и сказала:

– Я возвращаюсь на мостик. Не стрелять, пока не станет ясно, что ничего другого не остается.

* * *

Станция Лсел представляла собой некое подобие Города – если представлять его в виде оживших машин, организмов, сделанных из взаимосвязанных частей, и людей, обитающих в такой тесноте, в какой только и могут обитать эти формы жизни. На Лселе было тридцать тысяч станциосельников, все они находились в движении, вращались во тьме гравитационного колодца, в безопасности тонкой металлической оболочки, которая представляла собой кожу станции. Как и любой другой город, станция Лсел была подходящим местом для прогулки – если знать, куда пойти, а куда не стоит. Прогулки достаточно долгой, чтобы измотать себя размышлениями.

<Очаровательная теория, – сказал Искандр. – Я говорю о той, которую ты опровергаешь сейчас, вот в этот самый момент>.

Махит Дзмаре ввиду некоторых бюрократических проце-

дур все еще оставалась послом Лсела в Тейкскалаане – хотя покинула свой пост три месяца назад, один из которых находилась на Лселе в якобы немилости. Ей удалось довести до совершенства искусство *осмысления* ощущений, испытываемых при закатывании глаз.

«Я еще недостаточно далеко продвинулась, – сказала она имаго – обоим сразу, старому Искандру и фрагментарным останкам молодого. – Дай мне время».

<У тебя двадцать минут до встречи с советником Амнардбатом>, – сказал Искандр. Сегодня он по большей части был молодым, веселым и лукавым, жадным до впечатлений, переполненным бравадой и новообретенной легкостью в тейкскалаанских манерах и политике. Версия Искандра, практически потерянная ею вследствие повреждения имаго-машины, которая изначально и подарила ей его сознание, размещалась в основании ее черепа, наполненная живыми воспоминаниями и опытом, которые были ей необходимы, чтобы быть хорошим послом Лсела на сверкающем Городе-планете Тейкскалаана. Это повреждение осуществил – *возможно*, уверена она не была, – советник, с которым она должна была пообедать через двадцать минут.

В другой жизни они с Искандром все еще оставались бы в Городе и в конечном счете интегрировались бы в единую непрерывную сущность.

«Так никогда не могло случиться, – сказал Искандр, и это говорил другой он, на двадцать лет старше первого, Искандр,

который настолько хорошо помнил собственную смерть, что Махит иногда просыпалась ночью, задыхаясь от психосоматической анафилаксии. – Никакой другой жизни нет, кроме той, которую мы живем>.

Махит вмещала в себя слишком много людей, поскольку она поверх своего поврежденного имаго поместила имаго того же человека, но старше на двадцать лет. У нее было некоторое время подумать об этом. Она *почти* привыкла к этому ощущению, к линиям раскола между тремя их сущностями, трущимися друг о друга, как планеты в тектоническом движении.

Ее сапоги тихонько шуршали по металлическому полу коридоров станции. Она была уже в конце палубы и едва могла разглядеть кривизну пола, уходящего вдаль. Бесконечное петляние по станции начиналось как тактика повторного привыкания и превратилось в привычку. Искандр больше не знал географию станции – в Городе его знания, в зависимости от версии имаго, устарели на пятнадцать лет или на три месяца с момента его смерти, но здесь он был всего лишь чужаком, изгнанным из дома давным-давно. За пятнадцать лет внутренние, неструктурные стены сместились, палубы получили другое назначение, магазинчики пооткрывались и закрывались. Кто-то в «Наследии» сменил все шрифты навигационных знаков, что Махит почти не помнила – ей ведь тогда было *восемь*, – но она поймала себя на том, что пялится на них. Абсолютно безобидный знак МЕДИЦИНСКИЙ

СЕКТОР: НАЛЕВО вдруг стал поражающим воображение.

«Мы оба здесь чужаки», – подумала она тогда и возненавидела себя за такие мысли. Она отсутствовала всего несколько месяцев. Она не имела права вешать на себя этот ярлык. Она была дома.

Нет. Не была – и знала это. Такого места, как дом, для нее более не существовало. Но прогулка была некоторым подобием привычного, ведь она действительно *помнила*, где что находилось, помнила конфигурацию и ритм Станции, живой и полной народа, и вместе с Искандром они испытывали одинаковую радость, открывая новые места. Именно это сыграло с ними злую шутку – они были пойманы с поличным.

На палубе находились офисы «Наследия», а в жилой части индивидуальные спальные капсулы цвета кости висели уютными рядами, перемежаясь с местами общего пользования. С этой палубой Махит была почти не знакома. Здесь было полно детей и ребят постарше, на три четверти пути приблизившихся к тесту на имаго-способности. Они беззаботно сидели на перемычках, собирались в шумные группки вокруг торговых киосков. Большинство из них совершенно не замечали Махит, и это грело ее душу. Весь месяц с ее возвращения на Станцию, когда она сталкивалась со старыми друзьями по детскому саду или школе, все хотели, чтобы она «рассказала им о Тейкскалаане». А что она могла сказать? «Я его полюбила, Тейкскалаан почти проглотил меня и вас всех, вместе взятых, и поэтому мне нечего рассказать».

<Пропаганда очаровывает, когда она внутри твоей головы, – пробормотал Искандр. – Меня бесконечно удивляет, с какой эффективностью Город внедряет принудительное молчание>.

«Ты предпочел умереть там, лишь бы не возвращаться и не связывать свою дальнейшую жизнь со станцией, и при этом читаешь мне нотации по поводу молчания?» – огрызнулась Махит и почувствовала, как кончики ее пальцев превращаются в шипящие искры.

Неврологические остаточные изображения саботажа. Этот побочный эффект не прекратился, он становился более очевидным, когда она спотыкалась на одном из мест, по которым у них с Искандром еще не случилось ни малейшей интеграции. Ее отношение к его присутствию перешло в состояние кипения, сдержанного и наблюдательного. Будучи погруженной в разговор с имаго и совершенно не замечая, куда идет, она оказалась у одного из киосков. Вероятно, ей нужно обращать больше внимания на подобные осечки, больше, чем прежде. На потерю бдительности, когда она была не вполне самой собой, не вполне в своем теле. Она остановилась у одного из киосков, встав в очередь за тем, что в нем продавалось.

Оказалось, что это литература в переплете ручной работы. На киоске она прочла надпись ПРИКЛЮЧЕНИЯ/МИСТИКА. На витрине было выставлено множество книг-комиксов, рисунки не в стираемых записях на инфокарте, а на бумаге,

изготовленной из тряпичных отходов. Махит протянула руку и потрогала обложку ближайшей к ней книги, ощутила пальцами ее грубую поверхность.

– Привет, – сказала менеджер киоска. – Вам она нравится? «Опасный фронтир!»

– Опасный что? – переспросила Махит, внезапно почувствовав себя столь же озадаченной, что и в момент, когда к ней в Тейкскалаане впервые обратились с вопросом, – она не чувствовала контекста. «О каком фронтире речь? Разве они не все опасны?»

– У нас есть все пять томов, если вас интересуют книги о первичном контакте. Лично мне нравится. Художник третьего тома рисует имаго капитана Камерона как Чадру Мава, видимого только в отражающих поверхностях и в контурных изображениях...

Менеджеру не могло быть больше семнадцати, подумала Махит. Короткие в крутых кудрях волосы над белозубой улыбкой, восемь сережек в виде больших колец в ряд на краю одного уха, по новой моде. Когда Махит была этом возрасте, все носили *удлиненные* серьги. «Я старая», – подумала она с каким-то особым удовольствием.

<Ты сама древность>, – согласился Искандр с насмешливой иронией. Он был на много лет старше.

«Я стара и понятия не имею, что любят читать ребята на Лселе. Даже будучи ребенком, я этого не знала. Правда». Это не казалось важным до ее тестов – и какой толк об этом

думать, если есть столько тейкскалаанской литературы, что в ней можно утонуть? Хватает, чтобы научиться говорить поэтическим языком.

– Я их еще не читала, – сказала Махит менеджеру. – Могу я взять первый том?

– Конечно, – ответила та, нырнула под прилавок и достала книгу. Махит протянула свой кредитный чип, и менеджер провела по нему считывателем.

– Их рисуют прямо здесь, на этой палубе, – сказала она. – Если хотите – приходите во вторую смену через два дня, сможете увидеть художника, он будет подписывать книги покупателям.

– Спасибо, если будет время...

<У тебя остается десять минут до встречи с советником Амнардбат, который собирается накормить тебя обедом>.

Менеджер улыбнулась, словно говоря: «Слушайте, взрослые, а чем вы можете заниматься?» и ответила:

– Да, если у вас будет время.

Махит, помахав, двинулась дальше, немного ускорив шаг. «Опасный фронтир!» лежал у нее во внутреннем кармане, словно политический памфлет. Точно такого же размера, что интересно само по себе. Даже если книга окажется ужасно скучной, *это* было интересным.

Офисы «Наследия» представляли собой клетки с аккуратными ярлычками, семь или около того дверей по каждую сторону коридора, который сузился с широкого до че-

го-то, более напоминающего дорогу. Все дополнительное пространство за этими дверями, вероятно, заполнено кабинетами людей, назначенных на работу в «Наследии». Главным образом, назначенных аналитиками – аналитиками исторических прецедентов, здорового воздействия искусства и образования, числа имаго-совпадений в разных секторах народонаселения, – а также составителями аналитических и пропагандистских текстов.

Как изменил ее Тейкскалаан и как быстро! Когда Махит в последний раз была в кабинетах «Наследия» на окончательном собеседовании перед утверждением ее в должности посла и получением имаго, она даже не думала о «Наследии» как об участнике пропагандистского бизнеса. Но чем они занимались, когда приспособляли образовательные материалы для той или иной возрастной группы, пытаясь за пять лет развить способности таким образом, чтобы получить больше пилотов или медицинского персонала – изменяя наклонности, подгоняя их под желания?

Она колебалась, задержавшись перед средней дверью с аккуратной табличкой, выполненной новым шрифтом.

«Когда я перестану замечать этот долбаный новый шрифт, Искандр?! На самом деле никакой он не новый, новый он только для тебя!»

Надпись на табличке гласила: АКНЕЛЬ АМНАРДБАТ, СОВЕТНИК «НАСЛЕДИЯ». Она медлила, потому что не видела советника Амнардбат со времени того последнего со-

беседования с последующим утверждением, а еще потому, что так и не могла понять, почему эта женщина пожелала нанести повреждения имаго-машине Махит. Уничтожить еще до того, как та попытается творить добро посредством имаго-линии, частью которой она является. Несла ли за это ответственность Амнардбат? Махит на сей счет располагала только мнением другого советника, Декакель Ончу, советника по пилотам, – и располагала этим мнением по той причине, что, будучи приписанной к Тейкскалаанскому двору, получила письма Ончу, адресованные Искандру.

Она тосковала – с неожиданным и острым всплеском чувства – по Три Саргасс, координатору по культуре, женщине, которая должна была придавать больше смысла явлениям, кажущимся несчастному, порученному ее заботам варвару несообразными. Три Саргасс просто открыла бы дверь.

Махит подняла руку и постучала. Назвала свое имя – Махит Дзмаре, – как это было принято на Лселе: здесь не существовало никаких облачных привязок и двери не открывались едва заметным движением глаз. О своем приходе может объявить только она сама.

«Ты не одна», – сказал Искандр – шепоток в голове, призрачная мысль, почти ее собственная мысль.

«Да, я не одна. Амнардбат не знает, что есть еще вы двое и значит, нас здесь трое – и это ее проблема».

Дверь открылась, и Махит перестала думать об опасной лжи, которую мысленно озвучила. Если об этом не думать,

то легче скрыть существование. Этому она тоже научилась где-то в Империи.

Советник Амнардбат была худеньким существом средних лет с волосами, завитыми в серебристые колечки, – на тот манер, что любят космонавты; у нее были длинные и узкие глаза серого цвета на широкоскулом лице, глядя на которое неизменно возникало впечатление, что она подвергается избыточному солнечному излучению – кожа потрескавшаяся, и довольно грубо. Она улыбнулась, увидев Махит, улыбка была приветливой и теплой. Если она перед появлением Махит работала со своим персоналом, в непосредственной близости они не просматривались. «Наследие», впрочем, было небольшим управлением. У советника Амнардбат был секретарь, который вел переписку, – именно он отправил Махит приглашение по межстанционной электронной почте, – но в кабинете не оказалось никого, кроме советника. Одни только стулья, стол, заваленный информационными бюллетенями, экран на стене с изображением, передаваемым с некоторых камер, которые ведут наблюдение за пространством вокруг станции. Прямо сейчас он показывал медленное вращение звезд.

– Добро пожаловать домой, – сказала советник Амнардбат.

<Она целый месяц ждала, чтобы сказать тебе это?>

«Это гамбит», – подумала Махит. Она почувствовала, как Искандр погружается в настороженное, внимательное мыча-

ние. Он присутствовал в большей мере, чем когда-либо за последнее время. Она ощущала себя так же – более пробужденной, более сосредоточенной на происходящем в настоящий момент времени. И причиной тому опасный разговор с влиятельной персоной в ее кабинете – в точности как этого ждали от нее в Тейкскалаане.

– Я рада быть здесь, – сказала Махит. – Что я могу сделать для вас, советник?

– Я всерьез обещала пообедать с вами, – сказала Амнардбат, продолжая улыбаться; Искандра передернуло, и Махит почувствовала отзвук этого. А передернуло его оттого, что он вспомнил страх: министр науки в Тейкскалаане предлагал ему яд под видом еды. Она оттеснила это воспоминание на периферию сознания. Это *не ее* эндокринная реакция на травму.

Она пожалела, что не доверила интеграционному терапевту Лсела тайну о том, что совместила в себе два Искандр-имаго. В памяти Махит не было реакций на травму – вероятно не было, – но границы между Махит и Искандром были размыты. Размытость постоянно нарастала, и она не знала, что делать с *его* реакцией.

– Я, несомненно, ценю ваше приглашение, – сказала Махит, – но уверена, что у вас немало дел, чтобы *просто* решить разделить трапезу с возвратившимся посланцем.

Выражение лица советника Амнардбат не изменилось. Она излучала приятный, резко положительный настрой, со-

пряженный с чуть ли не родительской заботой.

– Проходите, садитесь, посол Дзмаре. Поговорим. Я позволила себе приправить рыбные котлеты и лепешки – подумала, что вы соскучились по лсельской еде.

Махит и в самом деле тосковала по местной еде, но утолила тоску в первую неделю после возвращения, отправившись в одно из своих излюбленных заведений, где до отвала наелась чешуйчатой белой тушеной рыбы. Наелась так, что почувствовала себя плохо и поспешила покинуть это место, пока не попала на глаза кому-нибудь из давних друзей, которые вполне могли там оказаться, поздравить с возвращением и забросать вопросами. Что-то в эмоциональной хронологии советника Амнардбат было искажено – может быть, намеренно. Но какой цели это могло служить? Проверка на наличие приобретенной в Тайкскалаане порче вкуса? Но ведь если Махит принадлежит к станциосельникам, которые ненавидят рыбные котлеты, то это всего лишь *предпочтение*...

– Очень мило с вашей стороны подумать об этом, – сказала она, садясь за стол совещаний напротив стола советника и – снова – получая заряд адреналиновых сигналов от ее имаго. Опасность здесь ожидалась не от еды. Напротив, еда так хорошо пахла, что у Махит чуть не слюнки потекли: чешуйчатая рыба с красным перцем, углеродный запах слегка обуглившейся лепешки из зерна – настоящего и потому драгоценного. Амнардбат сидела напротив нее, и добрые две минуты они были всего лишь обычными станциосельника-

ми за трапезой: заворачивали рыбу в лепешку, жадно поедая первый кусок, а следующий уже медленнее.

Вскоре советник проглотила последний кусок первой лепешки, в которую завернула рыбу.

– Давайте сразу закроем неудобный вопрос, – сказала она. Махит попыталась не позволить своим бровям взлететь до линии волос, и ей это *почти* удалось. – Почему вы так быстро вернулись? Я спрашиваю вас об этом как советник «Наследия»: я хочу знать, может, мы не обеспечили вас *необходимым* для пребывания в Империи? Я знаю, что процесс интеграции был укорочен...

«К тому же повредили меня», – сказал Искандр, и Махит порадовалась – с долей тревоги, – что без ее разрешения он не может быть услышан посторонним. Не может выскользнуть наружу.

«Может быть, она сама нас и повредила, – напомнила она ему. – Если верить Ончу, с которой мы тоже еще не беседовали...»

Она слишком боялась этого разговора. Слишком боялась того, что Ончу окажется правой или неправой, чувствовала себя слишком выпотрошенной внезапной и необратимой чужеродностью того, что прежде было ее домом, и потому никак не могла избавиться от страха.

– Нет, – вслух сказала она. – У меня не было ничего, в чем я бы нуждалась, но чем Лсел не попытался меня обеспечить. Конечно, я хотела бы больше времени провести с Искандром

до отъезда, но мой опыт вряд ли можно назвать самым коротким периодом интеграции в мировой истории, уверена.

– Тогда почему? – спросила Амнардбат и откусила очередную порцию рыбной котлеты. Вопрос задан, теперь можно поесть и послушать.

Махит вздохнула, пожала плечами, с покаянным видом и готовностью к самоуничтожению, что было отзвуком того неловкого чувства, которое она испытывала, воображая, как «Наследие» отнесется в станциосельнику, погрязшему в делах Тейкскалаана.

– Я была втянута в беспорядки и последовавший за ними кризис, связанный с вопросом престолонаследования, советник. Бушевало насилие, и это оказалось тяжело – и в личном, и в профессиональном плане. Поэтому, как только я заручилась обещанием нового императора не покушаться на нашу независимость, мне захотелось отдохнуть. Некоторое время.

– И вы вернулись домой.

– Да, я вернулась домой. «Пока еще хотела вернуться».

– Вы провели здесь уже месяц, но так и не перезагрузились в новую имаго-машину для вашего преемника на этом посту, посол. Хотя вы прекрасно знаете, что наша предыдущая загрузка категорически устарела, а ни одной вашей у нас пока нет.

«Черт. Вот, значит, чего ей надо. Она хочет знать, сработало ли повреждение моего имаго...»

<Значит, ты все же веришь, что она нас повредила>.

«...в данный момент верю».

– Мне это не пришло в голову, – сказала Махит. – Еще и года не прошло... простите меня, это мой первый в жизни год с имаго. Я предполагала, что существует какое-то расписание с отправкой напоминаний.

Она искала себе оправдание, ссылаясь на собственное бюрократическое невежество. Это, по ее мнению, должно было еще и послужить щитом – пусть и временным, пусть и ненадежным, – мешающим Амнардбат узнать, что у нее, Махит, было целых два имаго. Перегрузка информации приведет к ее разоблачению и быстрому наказанию за этот маленький обман. Махит понятия не имела, какое наказание предусмотрено на Лселе за такие деяния и предусмотрены ли за это наказания. Она хотела надеяться, что нет, не предусмотрены. Ее поступок явно вступал в противоречие с заведенным порядком. И конечно, она пошла на него через муки совести, корчась от стыда, – но все же пошла.

<Ты сожалеешь...>

«Нет. Ты был мне нужен. Мне все еще... нужны мы».

– Конечно же, есть расписание, – сказала Амнардбат. – Но мы в «Наследии» – и сейчас я говорю за *всех* – проводим политику поощрения тех, кто пережил важные события или имеет достижения и готов перегружать записи со своего имаго чаще, чем это предписано календарем.

Махит из вежливости откусила еще немного лепешки, ко-

торой была обернута рыба, разжевала ее и проглотила, преодолевая спазм в горле.

– Советник, – сказала она, – теперь, зная о действующих правилах, я, конечно, могу записаться на сеанс к перезагрузчикам. Вы хотели побеседовать об этом? Очень мило с вашей стороны приготовить для нас столько рыбы и настоящую лепешку, хотя вы вполне могли просто отправить мне сообщение.

«Пусть поразмыслит над моим намеком о растранижении ею ресурсов», – подумала Махит. Несколько поколений назад советников «Наследия» наказывали и за меньшие нарушения. Та имаго-линия больше не передавалась новым советникам. Законсервированная, хранящаяся где-то в банках записанных воспоминаний, она считалась непригодной: тот, кто отдает приоритет собственным целям перед утвержденными испокон веков потребностями станции, не должен влиять на советника, посвятившего себя сохранению непрерывности существования станции.

<Ты настолько умна, что это вызывает раздражение>.

«Некоторые весьма милые тейкскалаанцы и мой имаго вступили в заговор с целью научить меня превращать знания в оружие».

Но Амнардбат сказала: «Это не любезность», и тут Махит поняла, что она недооценила советника, потому что недооценила причины ее поведения, предполагая, что советником можно манипулировать так же, как тейкскалаанцами –

с помощью аллюзий и интерпретаций.

– Это приказ, посол. Нам нужна копия вашей памяти. Мы должны убедиться, что вами не завладели те же соображения, которые так долго вынуждали Искандра Агавна избежать процесса перезагрузки.

Удивительно, как она сохраняла хладнокровие. Настолько, что пальцы ощущали ледяное, электрическое покалывание, и она даже не чувствовала, что держит ими остатки лепешки. Предельно хладнокровна и в то же время напряженно сосредоточенна. Напугана. *Жива*.

– Завладели? – спросила она.

<Нас не отравили?> – прошептал Искандр, но Махит проигнорировала его.

– Потеря нашего гражданина по причине его перехода на сторону Тейкскалаана – это ужасно, – сказала Амнардбат. – Повод встревожиться о том, что в империи есть нечто такое, что похищает наше лучшее. Я с перезагрузчиками буду ждать вас на этой неделе, Махит.

Когда советник снова улыбнулась, Махит подумала, что теперь понимает, почему тейкскалаанцы так нервничают, видя оскаленные зубы.

* * *

«Острые ножа» находился в пределах видимости, когда Девять Гибискус вернулась на мостик, немного запыхавшись

от этого быстрого, хотя и короткого перехода. Она вдыхала воздух, как оратор, настраивающий легкие, в попытке ограничить любые адреналиновые реакции. Теперь мостик принадлежал ей, ее мостик и ее командование. Все офицеры повернулись к ней, словно цветы, реагирующие на восход солнца. Несколько мгновений все, казалось, идет как положено. Но потом она заметила через иллюминаторы, как быстро «Острие ножа» приближается к остальной части Флота, увеличиваясь в размерах прямо у нее на глазах. Похоже, двигатели работают в максимальном скоростном режиме, подумала она. «Острие ножа» мог достичь такой скорости, но поддерживать ее сколь-нибудь долго не мог: он был разведчиком, корабль слишком мал и имел ограниченные запасы топлива. Если его пилот двигался с такой скоростью, можно было не сомневаться: их преследовали.

– Мы знаем, кто гонится за ними? – спросила она у Два Пены, которая в ответ отрицательно покачала головой со своего кресла связиста.

– Все пусто, – сказала она. – Один «Острие ножа» и мертвый войд за ними, но через две минуты они уже будут в зоне слышимости...

– При первой возможности выведи их в голограмму. И поднимай «Осколки». Если за «Острием» кто-то есть, мы не позволим им пройти далеко.

– Поднимаю, яотлек, – сказала Два Пена, ее глаз за облачной привязкой стал совершать быстрые движения. Повсю-

ду вокруг них в «Грузике для колеса» возник высокий чистый свист. Первая линия обороны Флота, самая подвижная: рой одноместных кораблей, оснащенных смертоносным оружием и навигационными средствами ближнего радиуса действия. Давным-давно, во время своего первого задания, Девять Гибискус сама была пилотом такого корабля, и до сих пор сигнал тревоги «Осколкам» отзывался сладостной вибрацией в мозгу ее костей: «Взлет, взлет, взлет. Взлетай, и если ты умрешь, то умрешь ярко вспыхнувшей звездой».

Чувствуя, как в ней поет сигнал тревоги, Девять Гибискус сказала:

– И давайте полностью зарядим две энергетические пушки.

Она снова устроилась в своем капитанском кресле. Пять Чертополох, дежурный офицер-оружейник, улыбнулся ей широкой, счастливой улыбкой.

– Сэр, – сказал он.

Им всем так хотелось этого. И ей тоже. Огонь и кровь сражения, наконец-то работа! Реальная схватка, голубое и белое энергетическое оружие пускают свои дуги в черноту, разбивают и сжигают.

Когда, сверкая в иллюминаторах, взлетели первые «Осколки», появилось то, от чего спасался «Острие ножа».

Он не возник в поле зрения. Он появился так, словно все время был там, спрятанный под мантией-невидимкой. Черное ничто пространства – в этом секторе было очень

мало звезд – разорвалось, принялось корчиться, как голожаберный моллюск, к которому кто-то притронулся пальцем, нечто, вызывающее огромное и непреодолимое отвращение. Первый корабль врага, которого не видел еще ни один тейкскалаанец, – по крайней мере ни один тейкскалаанец, который выжил бы и рассказал об увиденном другим. Три серых обруча, быстро вращающихся вокруг шара в центре. Смотреть на это было трудно, и Девять Гибискус не знала почему – часть этого отскакивающего, извивающегося визуального искажения, вызывающего отвращение, заставляла серый металл корпуса казаться скользким от масла и придавала ему расфокусированный вид.

Только что его не было, и вдруг он возник. Прямо на хвосте «Острия ножа», такой же высокоскоростной и сокращающий расстояние между ними...

– Говорит яотлек Девять Гибискус, – сказала она по громкой связи. – Заблокируйте ему дальнейшее продвижение и окружите. Стрелять только в случае, если огонь будет открыт по вам.

И словно продолжение ее воли, ее выдоха, «Осколки» на высокой скорости устремились навстречу чужеродному объекту, который осмелился *настолько* приблизиться к ним. У них ушло несколько мгновений, чтобы выстроиться вокруг инопланетного корабля. Они не знали таких форм, к тому же корабль двигался неожиданным образом, неустойчивым вращением, словно смазанный шарикоподшипник. Но

«Осколки» были проворны и к тому же действовали взаимосвязанно – каждый корабль обеспечивал позиционный и визуальный фидбек не только со своими пилотами через облачные привязки, но со всеми пилотами роя, и они быстро обучались. «Острие ножа» наконец оказался между сверкающими искрами «Осколков», словно шаттл, пробивший атмосферу, а еще через мгновение – в вытянувшейся ему навстречу сети безопасности ангарной палубы «Грузика для колеса».

Два Пена вывела капитана «Острия ножа» на голограмму: вид у капитана был испуганный, он смотрел широко раскрытыми глазами, тяжело дышал, его руки заметно побелели в костяшках пальцев, держащих рычаги управления кораблем.

– Хорошая работа, – сказала ему Девять Гибискус, – на вас ни царапинки. Дайте нам минуту, чтобы разобраться с этой штуковиной, которую вы к нам привели, и я доставлю вас на доклад...

– Яотлек, – прервал ее капитан, – они были невидимыми, пока не захотели стать видимыми, и, вероятно, это не единственный корабль, и их огневая мощь...

– Отставить, «Острие ножа», – сказала Девять Гибискус. – Теперь это наша проблема, и у нас тоже имеется огневая мощь.

Да, мощь имелась. Энергетические пушки и более мелкое, более жестокое, более страшное оружие в виде ядерных пла-

нетарных бомб – если возникнет необходимость.

– Я перехватил сообщение, – сказал он, словно и не слышал ее.

– Отлично. Включите его в ваш доклад.

– Оно не на языке, яотлек...

– Два Пена, разберись с этим. Мы сейчас немного заняты.

У инопланетного корабля огневая мощь и в самом деле была немалая – нечто, напоминавшее довольно стандартные, но очень точные энергетические пушки, располагалось в ряд по внешнему из трех вращающихся оброчей. Беззвучные вспышки света ослепили ее через иллюминатор, а когда она сморгнула остаточное изображение, оказалось, что число «Осколков» уменьшилось на три аппарата.

– Значит так, ограничения сняты. Пять Чертополох, передай приказ «Осколкам»: освободить линии огня для артиллерии.

Офицерам Девять Гибискус не требовалось подтверждения приказа – они ее услышали, они уже действовали. Пять Чертополох жестикулировал внутри голографического пространства оружейной станции, перемещал корабли и векторные линии на карте звездного поля, представлявшей собой миниатюрную версию ее собственного картографического стола. «Осколки» соответственно перемещались в реальном пространстве, образуя новый рисунок, освобождая место для прицельной стрельбы основных пушечных бортов «Грузика для колеса».

Электрическая голубизна. Свет, который, по представлениям Девять Гибискус, всегда видел человек при случайном попадании в зону действия промышленного облучателя, если только он вообще успевал что-то увидеть. Свет смерти с его гудением, похожим на сигнал тревоги, знакомый, как дыхание – или его остановка.

Долю секунды она размышляла, не стоит ли ей сначала попытаться взять в плен это чудище – оглушить его таргетированными электромагнитными импульсами, пока он еще довольно далеко и ЭМИ не зажарят ее собственный корабль, затянуть его на борт... Но «Острие ножа» сказал, что они перехватили какое-то сообщение, к тому же инородец уже уничтожил трех ее солдат. Четыре – еще один «Осколок» исчез в беззвучной вспышке пламени, свеча, загоревшаяся и погасшая в стремительной последовательности.

Полная огневая мощь осветила инородца, как маяк, сотрясла его, нанесла частичный урон его прилизанной и изворотливой наружности – детали внешнего кольца, которые были сорваны в результате выстрела, казалось, были металлическими, напоминали совершенно стандартный космический мусор. Но полная огневая мощь не уничтожила корабль. Он стал быстрее вращаться, он стрекотал – Девять Гибискус вообразила, что слышит звук его вращения, хотя знала, что это невозможно. И перед вторым пушечным залпом, который поразил внутренний шар, распотрошил его до полного исчезновения, корабль выпустил из второго свое-

го поврежденного кольца какое-то вязкое вещество, которое странными *жгутами* провалилось в невесомость.

«Плевок», – с отвращением подумала Девять Гибискус.

Пять Чертополох уже по всем каналам передавал предостережение держаться подальше от этих жгутов, и огромные, приводимые в действие реактором двигателя «Грузика для колеса» ожили и сдали назад, подальше от жгутов, образовавших что-то вроде жидкой сети в том месте, где только что был корабль.

Какая жидкость могла двигаться таким образом? Она словно была ищущей, подвижной, чрезмерно вяжущей. Поверхностное натяжение на ней связало все это в единый шар – не настолько, чтобы слипнуться в клубок, но достаточно, чтобы раскручиваться тонкими, тянущимися струнами...

Один из «Осколков», сверкающий клин, легко перешел в новый вектор, ярко светясь вспомогательными двигателями, но при этом пересекся с одной из этих выплюнутых струн. Это произошло на глазах Девять Гибискус. Она видела, как ярко вспыхнул, перед тем как исчезнуть, маленький истребитель, облитый чужеродной слюной, фрактальная сеть этой слюны прилипла к нему, вцепилась в его корпус, держалась за него, даже когда «Осколок» освободился от струны. Она видела, не веря своим глазам, как сеть начала пузыриться *сквозь* корпус «Осколка», она агрессивно пожирала металл и пластисталь, словно разновидность гиперо-

кисляющего грибка.

Пилот «Осколка» вскрикнул.

Вскрикнул на открытом канале, которым пользовался Пять Чертополох, вскрикнул, а потом заорал: «Убейте меня, убейте меня теперь, оно сожрет корабль, оно здесь со мной, не позволяйте ему прикасаться еще к кому-то».

Это был сознательный и отчаянный приступ храбрости.

Девять Гибискус помедлила. Она в своей жизни делала много чего, о чем потом жалела, будучи и пилотом, и капитаном, и капитаном Флота Десятого Тейкскалаантского легиона. Она делала много чего такого, поскольку была солдатом, а солдатская профессия влекла за собой необходимость совершения поступков определенной степени жестокости. Так же как звезды, которые по своей природе излучают радиацию, сжигающую и отравляющую, но еще дают жизнь и тепло. Но она никогда не отдавала приказа кораблю вести огонь по своим. Ни разу до этого дня.

На этом же канале связи раздался крик боли – все пилоты «Осколков» были связаны биофидбэком, все они чувствовали смерть корабля-сиблинга, пожираемого заживо. Рыдания. Звук прерывистого дыхания, гипервентиляции. Звук стоны, размноженный эхом, подхваченный другими голосами...

– Выполняйте приказ, – сказала Девять Гибискус. – Стреляйте по ней, как она просила.

Смертоносный огонь, точный и милосердный. Голубая

вспышка – и один тейкскалаанец превратился в прах.

Тишина на всех каналах связи. Девять Гибискус не слышала ничего, кроме ужасающе громкого биения ее собственного сердца.

– Что ж, – сказал наконец Двадцать Цикада, и голос его звучал потрясенно, как и у всех остальных, но *оптимистически* потрясенно, – мы узнали в этих людях приблизительно восемь новых качеств, о которых не знали десять минут назад.

Глава 2

[...] и конечно, ваша репутация опережает вас так же, как землетрясение опережает волну, затопляющую город; сотрясения вашего прибытия уже вызвали вибрацию в министерстве, словно все мы были сотворены из тетивы тлини, а вы были луком. Мы, конечно, сожалеем об отсутствии бывшего министра Девять Тяги – ее руководство было теплой шелковой перчаткой, а ее отставка – столь неожиданная! – равносильна снятию этой перчатки с руки, но что касается меня, то я с нетерпением жду встречи с персоной, которая была первым успешным губернатором системы Накхар. Нам предстоит большая работа. И я пребываю в предвкушении [...]

Письмо от третьего заместителя министра Одиннадцать Лавра министерства войны назначенному министру войны Три Азимут, датировано 21-м днем, 1 года, 1-го индикта Всетейкскалаанского императора Девятнадцать Тесло

Писать письма мертвецам – занятие неблагодарное; я бы сделала доброе дело для себя, если бы просто вела дневник, как половина императоров, которые спали в этой постели до меня. Но когда это я делала добрые дела для себя? А ты, по крайней мере, мертв – или теперь проще всего думать о тебе в таком ключе, – и все звезды

у меня в руках, Искандр, и мне ужасно просто позволять им выскользывать в пространства между пальцами. Особенно когда некоторые из них темнеют, съеденные столь удобной чужеродной угрозой твоего преемника. Ты спал здесь чаще меня, чаще, чем я сплю теперь, если говорить о сне, а не о ночах. Как часто ты желал, чтобы все удобное и привычное склонялось перед твоими капризами? Чаще или реже, чем наш император, лежащий без сна рядом с тобой?

*Частные записки Ее Великолепия Императора
Девятнадцать Тесло, без даты, заблокировано
и зашифровано*

Капитан «Острия ножа» Тридцать Восковая Печать сжимал в пальцах чашку кофе так, словно только эта чашка и могла скрыть дрожь его рук. Его лицо приобрело противный оттенок серого: Девять Гибискус пришла в голову овсянка, ее нижний слой, подгоревший в кастрюле, остатки рассыпчатой серо-белой массы, которую придется соскребать со дна.

– Это не язык, – сказал он во второй раз; такими были его первые слова, сказанные ей, когда по ее приказу его в целости и сохранности извлекли из корабля и доставили к ней в малый конференц-кабинет для доклада. – Со мной была Четырнадцать Костыль, она говорит на пяти языках, поэтому-то я и взял ее, на случай, если перехватим что-то, – но то, что мы перехватили, ничуть не походило на язык. Там не было поддающихся анализу фонем, сказала она. Это случи-

лось до того, как вражеский корабль появился словно из ниоткуда и стал нас преследовать. Она не продвинулась дальше чем «мы не можем производить подобные звуки».

«У меня нет средств для реализации сценария первичного контакта, – подумала Девять Гибискус, – особенно когда объект контакта выплевывает металлорастворяющие жидкости в моих подчиненных и не производит членораздельных звуков». Она была солдатом со стратегическим мышлением, за ее спиной стоял огромный кулак тейкскалаанской мощи, но при этом она оставалась *солдатом*. Первичный контакт должны были осуществлять дипломаты и люди, которые потом попадали в эпические поэмы.

– Если это не язык, то с чего вы взяли, что это вообще была коммуникация? – спросила она, сделав глоток кофе.

Тридцать Восковая Печать последовал ее примеру и тоже отпил из своей чашки. Это ее порадовало.

– Потому что эти звуки начались, только когда мы появились в зоне его видимости. Он реагировал на нас, яотлек... Когда я подвел «Острие ножа» поближе, трансляция зазвучала иначе, когда сдал назад, она снова изменилась, а когда я попытался проскользнуть с другой стороны карликового солнца и посмотреть, что случилось с нашей колонией Пелоа-2, он завизжал на нас, и тут появился этот корабль с обручами...

Нотки истерики в голосе Тридцать Восковая Печать тревожили. Это было не похоже на него. Он не стал бы капита-

ном разведчика, оснащенного оружием, если бы поддавался страхам. Корабль с обручами был ужасен, а его слюна была еще ужаснее, но все же такая реакция была неподобающей.

– Вы вернулись живым, капитан, – сказала Девять Гибискус ровным, даже одобрительным голосом. – Вы вернулись к нам домой, принесли перехваченное сообщение, и теперь мы имеем приблизительно восемь сведений об этих людях, о которых не знали до сегодняшнего дня. – Она говорила словами Двадцать Цикады, но капитан не знал этого. Не знал он и того, насколько она напугана, и никогда не узнает, если она будет осторожна. – Вы прекрасно выполнили поставленную перед вами задачу. Можете отдохнуть в ожидании новых приказов, если только не хотите сказать мне еще что-то, что я должна знать.

– Нет, сэр. Запись передана старшему офицеру связи Два Пена, если захотите прослушать. Но там вы не услышите ничего особенного. Мы не смогли подойти к Пелоа-2 достаточно близко, чтобы провести разведку, имеющую практическую ценность.

Девять Гибискус очень хотела прослушать запись, хотя, с другой стороны, при мысли о записи ее кожа покрывалась мурашками. Но у нее оставался еще час сорок пять минут до прилета Шестнадцать Мунрайз для *обсуждения стратегии*. Такая ни к чему не обязывающая повестка встречи должна была обеспечить Девять Гибискус некоторыми рычагами управления ситуацией с крайне несвоевременными интрига-

ми на Флоте, затеянными Шестнадцать Мунрайз, а потому требовалась вся информация, какую только можно было получить. В частности, была коммуникация языком или нет.

* * *

Под императорским дворцом располагалась целая сеть тоннелей, тайных и маленьких. В их честь было сочинено стихотворение, удачное, в прогулочном ритме. Там были такие слова: *в земле столько же корней, сколько цветов устремляется к небу / дневные слуги империи собирают цветы для дворца / среди них справедливость, наука, информация, война / но корни, что кормят нас, невидимы и сильны.* Восемь Антидоту больше всего нравились две части этого стихотворения: о том, как его подошвы ступают по выложенному плиткой полу туннеля в ритме с корнями в земле и цветением в небесах, а еще о том, что он вовсе не был дневным слугой. Дневные слуги собирали цветы для дворца. Восемь Антидот, одиноко бродивший по туннелям, единоличный наследник всего Тейкскалаана – ставший единоличным совсем недавно, а это что-то да значило, возможно, необходимость подумать о себе, – не нуждался в цветах. Он был погружен в почву, где безмолвные вещи становились сильнее.

Он бывал в туннелях десятки раз еще до того, как император – не нынешний, а тот, который его предок; важно было прояснить это в голове – увел его туда во время вос-

стания, случившегося незадолго до его смерти. Он достаточно времени провел в туннелях, чтобы научиться ориентироваться в них, знал тайные переходы, посты прослушивания и подглядывания. Его предок-император показал ему все это и позволил бывать внутри.

Это было одно из исключений, которые дозволял ему Шесть Путь, словно в награду, как своего рода пароль, существовавший между ними двумя, индульгенция. Восемь Антидот часто спрашивал себя о причинах такого поведения предка. Он задавал себе этот вопрос еще до того, как предок покончил с собой в храме солнца, сделав это во славу Тейкскалаана.

Здесь туннель сужался, резко уходил влево, и пахло тут сырой землей, дождем и подземными частями цветов. Восемь Антидот провел пальцами по стене, влажной от конденсации, и вообразил Шесть Путь, разгуливающего на такой же манер под дворцом, невысокого, не выше, чем сам он, одиннадцатилетнего. И у него тоже не возникало бы нужды нырять в узкие проходы в его одиннадцать лет. Если между Восемь Антидотом и его предком и существовали какие-то физические различия, то он пока не знал о них. Девяносто процентов сходства – высокий показатель для клона. А он видел еще и голограммы.

Но ведь Шесть Путь вырос не во дворце – верно? Все эти голограммы мальчишки с его лицом столетней давности были привезены с какой-то планеты, на которой росла трава,

зелено-серые растения высотой по его хилую грудь. Шесть Путь никогда здесь не был, только уже потом.

После узкой части тут шел ряд ступеней, долгий подъем в темноту. Теперь он знал дорогу даже вслепую; за прошедшие несколько недель он поднимался по этим ступеням семь раз. Сегодня был восьмой. Он уже вырос из тех лет, когда верят в нумерологическое везение, но восьмерки все равно казались ему подходящими цифрами: восемь раз на удачу, присущую именно ему. Ему и всем, кто разделял символический знак, обозначавший цифровое содержание его имени, а потому приносящий счастье и министру юриспруденции, которая технически была его законным родителем, поскольку взяла его в качестве приемного сына, как и десятки тысяч других детей – почему он больше и не верил в цифровую удачу, поразмыслив об этом должным образом. В потолке в конце этой лестницы была дверь. Восемь Антидот постучал в нее, она открылась, и он оказался подвале министерства войны.

Там его ждал Одиннадцать Лавр, высокий, с точеным, очень темным лицом и глубокими морщинами у глаз и рта, в форме министерства, которая отличалась от формы легионеров, но во многом с ней совпадала: это был не костюм, как в других министерствах, а оружейно-серые брюки и двубортный, на маленьких плоских золотых пуговицах, мундир, полы которого доходили до бедер. Он, казалось, никогда не был против посидеть в пыли министерского подвала в ожи-

дании Восемь Антидота. Он встал, бесцеремонно отряхнул пыль с брюк и сказал:

– Ну, как вы сегодня утром, Эликсир?

Восемь Антидот кое-чему научился у своего предка-императора, еще кое-чему у Девятнадцать Тесло, которая правила в нынешнее время и обещала заботиться о нем, даже если это убьет ее. Самое главное, что он узнал, вероятно, состояло в следующем: *не доверяй никому, кто способствует твоему хорошему настроению, если не знаешь, почему они это делают.*

Одиннадцать Лавр, который ожидал его раз в неделю в подвале и обучал премудростям работы с картографическим стратегическим столом и стрельбе из энергетического пистолета, был заместителем Третьей Ладони, одним из шести заместителей, подчинявшихся только министру. Одиннадцать Лавр называл его Эликсир, а не «ваше великопие», «со-император Восемь Антидот» или как-то еще, и Восемь Антидоту это искренне нравилось. По крайней мере, думал он, он *знает*, что ему это нравится. Это должно было помогать. Ему это нравилось, Одиннадцать Лавр определенно хотел, чтобы ему нравилось, и за этим могло крыться что-то плохое. Но *пока* ничего такого за этим не крылось. И сегодня он широко раскрыл глаза, улыбаясь, вылез из дыры в полу и проговорил:

– А я ее решил. Задачку с прошлой недели. Ту, которая про систему Каураан.

– Решили? – сказал Одиннадцать Лавр. – Прекрасно. Покажите мне, что, по вашему мнению, сделала капитан Флота на Каураане, чтобы одержать победу, и что ее действия говорят вам о ней. Мы можем немедленно подойти к картографу.

Это встревожило Восемь Антидота, слабое беспокойство поселилось в нем, как жужжание в уголке разума: Одиннадцать Лавр, человек, который участвовал в двадцати кампаниях и видел больше крови и выжженных звездами планет, чем Восемь Антидот мог себе представить, раз в неделю проводил день, развлекая одиннадцатилетнего мальчишку, который приходил через подвальную дверь. Конечно, тут были и смягчающие обстоятельства: самое очевидное состояло в том, что Восемь Антидот имел неплохие шансы через некоторое время стать императором всего Тейкскалаана, и шансы эти увеличивались еще и тем, что Шесть Путь, перед тем как принести себя в жертву, назвал единоличного наследника. Третий заместитель министра войны, который в гипотетическом будущем, возможно, видел себя самого министром, имел все основания отдавать свое время этому мальчику.

Кроме того, их пребывание здесь не было тайной. На пути в картографический кабинет – один из множества, Военное министерство было «садом тактика», как сказала Девятнадцать Тесло, и эти слова засели в его голове – Восемь Антидот и Одиннадцать Лавр прошли мимо не менее десятка солдат, четырех человек из административного персонала, одного уборщика и пяти камер наблюдения. Может, их было

больше, но Восемь Антидот других не заметил – возможно, он не заметил на пути еще столько же. Он не пытался скрыться. Он не делал ничего *секретного*, как и Одиннадцать Лавр.

Девятнадцать Тесло, Ее Великолепие Император, сказала, что Военное министерство представляет собой «сад тактика» сразу же после того как Восемь Антидот вернулся со своего первого путешествия по туннелям. Она пришла в его покои одна и показала голографические записи, сделанные городскими камерами наблюдения. На этих записях он увидел себя, шествующего по коридорам министерства, как жизнерадостная пичуга под множеством пристальных глаз. Он спросил ее, может быть, она считает, что ему не стоит расхаживать по министерству, а она ответила словами о тактиках и саде, сказала, чтобы поступал, как ему хочется, и ушла.

Иногда Восемь Антидот спрашивал себя, заслужит ли он со временем чье-нибудь доверие настолько, что ему не будут показывать доказательства их повсеместного наблюдения за ним.

В картографическом кабинете он чувствовал себя счастливым, настолько счастливым, что на короткое время отодвигал в сторону кучу накопившихся у него «почему». Одиннадцать Лавр несколькими взмахами рук вызвал систему Каураан, задачи прошлого занятия появились в лучах медленно вращающихся светильников, висящих в воздухе между полом и потолком. Каждый корабль Флота был оснащен таким столом для решения проблем еще до их возникнове-

ния. Насущная проблема сводилась к следующему: «Как капитан Флота в Каураане, используя единственный корабль, погасил восстание, прежде чем оно успело распространиться за южную оконечность континента?» При этом нужно было соблюсти два ограничительных условия: «Менее двух тысяч потерь со стороны Каураана и менее двух сотен потерь со стороны Тейкскалаана. Капитан не звала никого на помощь, использовала обычное оружие, каким оснащаются корабли этого класса. Противник превосходил ее численность в сорок раз, к тому же повстанцы Каураана захватили космопорт и использовали против нее тейкскалаанский корабль. Решите задачу».

Восемь Антидоту более всего нравились ограничительные условия. «Это произошло, значит оно возможно. Решите задачу».

– Приступайте, – сказал Одиннадцать Лавр. – Покажите мне, как капитан Флота Девять Гибискус из Десятого поступила в этом случае.

Восемь Антидот подошел к столу. Он микродвижением глаза за облачной привязкой вызвал карту и осторожно позволил имитации развиваться без каких-либо изменений в сторону того, что произошло, так что теперь Флот технически становился *его* Флотом, а он – Девять Гибискус. Он не послал ни одного «Осколка» навстречу Каураану, как это сделала и она, – в чем он почти не сомневался, – даже когда каураанские повстанцы поднялись с планеты, собираясь бе-

жать на украденных тейкскалаанских кораблях. Он дождался, когда украденный Флот вышел на расстояние прицельной дальности стрельбы. Они могли бы спокойно уничтожить корабль Девять Гибискус «Грузик для колеса», хотя он и был флагманом класса «Вечный».

– Тут есть единственное решение, которое я могу найти, – сказал он, не глядя на Одиннадцать Лавра, воображая вместо этого, что он – Военный министр или капитан Флота и разговаривает со своими подчиненными, со своими войсками. – Никто вообще не стрелял.

– Как это могло случиться? – спросил Одиннадцать Лавр, что означало «нет, ты ошибаешься». Восемь Антидот не улыбнулся, но чувствовал в себе огромное веселье, огромную сосредоточенность, как при пилотировании «Осколком», при переходе на вектор по его собственному выбору.

– В Каураане, – продолжил он, – восстание было небольшим. Взбунтовалась всего одна часть этнической группы. Но они были достаточно умны и знали, что мы держим гарнизон на этом южном континенте. Много кораблей. Достаточно, чтобы уничтожить корабль класса «Вечный», если не будет иного выхода. Бунтовщики были очень умны, когда сначала захватили порт, а не отправились в офисы губернатора провинции. Но я думаю, что там были не все из них. Недостаточно, чтобы не искать союзников там, где их можно найти.

– В этом что-то есть. – Одиннадцать Лавр понемногу на-

чал сдавать свои позиции. Восемь Антидот подумал, что, возможно, Одиннадцать Лавр просто дает ему больше пространства, чтобы он запутался в своих построениях, но он и не думал сдаваться, потому что знал: он прав.

– Итак, капитан Флота Девять Гибискус. Она заработала себе репутацию – подчиненные ради нее готовы на все, и эти отношения не просто взаимная любовь капитана и солдата, не просто *поэзия*. Я просмотрел ее предыдущие кампании и понял, что ее подчиненные могут... много чего. Могут, по моему мнению, натворить черт знает что, замминистра, если она прикажет.

Одиннадцать Лавр произвел звук, который несколько десятилетий назад можно было принять за смех.

– Вы и в самом деле провели глубокие исследования по ней. Я бы сказал, «черт знает что» – вполне справедливое описание. Продолжайте. Какого рода «черт знает что» приказала она натворить своим солдатам в Каураане?

– Допустим, она приказала кому-нибудь из них внедриться в команду мятежников, – сказал Восемь Антидот, – и верила, что они справятся. В таком случае, думаю, она позволила мятежникам поднять украденные корабли в космос так близко от ее корабля, потому что была уверена: мятежники не будут по ним стрелять – и убедила в этом своих людей. Мятеж тем временем сходил на нет, и повстанцев убивали на ими же украденных кораблях. Не было сделано ни единого выстрела – в этом не возникло необходимости. Она *уже*

одержала победу.

Экран картографа почернел. Восемь Антидот моргнул, остаточные изображения «Грузика для колеса» и каураанского солнца некоторое время оставались под его закрытыми веками.

– Это очень близко к истине, – сказал Одиннадцать Лавр. – Хорошая работа.

– Что я упустил? – спросил Восемь Антидот, потому что не мог удержаться. «Очень близко» его не устраивало. Особенно после слов «не было сделано ни одного выстрела», пришедших ему в голову посреди ночи, как вспышка солнечного света, как «я это знаю, я сам это видел». Он проснулся с этими словами на языке, словно с переспелым фруктом во рту.

– Внедрение в ряды противника – это часть флотской тактики, используемой при подавлении мятежа, вы правы, – сказал Одиннадцать Лавр. – Но кто должен нести ответственность? Кто отдает этот приказ, Эликсир, кто посылает наших людей лгать за нас?

– Разве не капитан Флота?

– Министр войны или заместитель министра по Третьей Ладони.

– Вы?

Третья Ладонь – для восточного направления, для... он пытался вспомнить. Дворец-Восток – в нем до воцарения жила Десять Тесло, там останавливались послы, там

располагалось министерство информации. Правда, это министерство было гражданским учреждением.

Одиннадцать Лавр ждал его ответа. Восемь Антидот ненавидел это, в таких ситуациях казалось, что ему потекают.

– Вы, – сказал он. – Третья Ладонь, потому что Третья Ладонь – это то, что осталось от военной части министерства информации.

– Точно. Я и объединение шпионов из наших солдат Третья из Шести раскинутых ладоней: разведка, контрразведка и внутренняя безопасность Флота. А теперь, Эликсир, кто разрешил Девять Гибискус отдать такой приказ – я или министр Три Азимут? Впрочем, нет, тогда министром все еще была Девять Тяга... И тем не менее, кто санкционировал ее действия?

– Никто, – понял Восемь Антидот. – У нее не было полномочий отдавать этот приказ. Но ее люди его выполнили.

– Вы будете первоклассным тактиком, когда станете взрослым, – сказал Одиннадцать Лавр, и Восемь Антидот почувствовал, как тепло разливается по его телу. У него покраснели щеки, и он опустил голову, чтобы Одиннадцать Лавр не увидел. – Все так. Она не получила разрешения, она просто *приняла решение*, и никто из ее подчиненных не задал по этому поводу ни одного вопроса.

Чернота картографического стола вдруг стала тяжелой, угрожающей.

– И где она теперь? – спросил Антидот Восемь. – Что с ней

стало после Каураана?

– Мы сделали ее яотлеком, – сказал Одиннадцать Лавр, словно такое случалось каждый день, – и как можно скорее отправили храбро умереть за Тейкскалаан и Ее Великолепие Императора.

* * *

Махит потребовались особо яростные угрызения совести, чтобы пожелать себе одиночества в собственной голове, такого одиночества, которое она знала, будучи ребенком: безо всяких имаго, наполненного предвкушением, а не переполненного воспоминаниями, которые только начинали ей принадлежать и были удвоены, искажены и пронизаны Тейкскалааном. Особо агрессивные угрызения совести также требовали, чтобы она лежала на кровати в своем яйцеобразном обиталище и с максимальной отрешенностью разглядывала успокаивающую грязно-белую кривизну потолка, не думая при этом, как глубоко она оказалась в заднице. Возможность часами рефлексировать о степени глубины ее пребывания в заднице была роскошью. В Городе у нее никогда не было времени посидеть один на один с растущим ужасом разоблачения: она все время пребывала в движении, иначе не получалось. Потолок был очень хороший и очень лселский, и никто здесь не мог посмотреть на нее; все информационные огни снаружи капсулы она переключила на «режим приватно-

сти, беспокоить только в случае чрезвычайной ситуации».

<В конечном счете тебе все равно придется выйти из этой капсулы>, – сказал Искандр. Махит переполнило ощущение, что ее укоряет кто-то из родителей или детсадовский воспитатель: «Так или иначе, Махит, тебе придется лечь в кровать».

– Я могла бы подождать неделю, – сказала она довольно громко. Никто здесь не мог ее слышать; никто не мог заметить, что она являет собой не одну цельную личность, а подозрительное, тайное и опасное слияние трех. – А потом украсть шаттл и попытаться добраться до врат Анхамемата, прежде чем Советник заметит, что я не явилась в назначенное время, и да, это дурацкая идея. Нет, я не стану воплощать ее в жизнь, и если бы я собиралась предать интересы Лсела ради тебя, Искандр, то я бы сделала это в Империи.

<А как насчет твоих интересов? Что, по-твоему, Амнардабат сделает с нами, когда узнает, что мы такое?>

«Тут возможны варианты, – подумала Махит ему в ответ. – В зависимости от того, повредила ли она нас в первый раз, и если да, то зачем она это сделала, по какой причине? Ты знал ее, Искандр, у тебя было больше времени, больше лет, чем у меня».

<Когда мы были в ее кабинете, ты не сомневалась, что это ее рук дело>.

«В ее кабинете я была испугана». Наступило выжидательное молчание, состояние неопределенности, которое было

не столько подтверждением, сколько разочарованием, а Махит чувствовала такую усталость оттого, что не обдумывала и половины своих мыслей.

«Теперь ты доволен, Искандр? Мне было страшно, а ты накачивал мою эндокринную систему травматической реакцией. Конечно, тогда я не сомневалась, что Амнардбат нас повредила! А теперь я одна и могу думать, и мне никак не справиться с тем, что было страшно, я должна...»

«Махит, – очень мягко сказал Искандр в ее мозгу. – Мы оба были испуганы. Все в порядке. Дыши».

Она вздохнула. Дыхание получилось коротким. Она поняла, что уже не менее минуты часто и прерывисто заглатывает воздух, и даже не заметила, когда это началось. Она сделала еще один вдох, и он тоже дался трудно: ее легкие словно не собирались расширяться, словно нет необходимости дышать полной грудью, словно она не в ловушке. Но именно в ловушку она и попала – даже в безопасности ее личной капсулы она пребывала в стопроцентной ловушке. Советник «Наследия» собиралась вскрыть ее, а она все еще не понимала, почему Амнардбат пыталась повредить ее, каким образом, хоть что-нибудь...

Она дышала глубоко, круговым дыханием – вдыхала через ноздри, выдыхала ртом. Не то чтобы это был ее осознанный выбор, но она знала – или Искандр знал – о благотворном, успокоительном свойстве такого дыхания. Он очень редко полностью завладевал их телом, и только когда это тре-

бовалось. В последний раз – по-крупному, в реальных обстоятельствах – он вывел их из разразившихся вокруг беспорядков без единой царапины, хотя в Городе вовсю бушевала толпа.

«Ну вот, – сказал Искандр тогда. – Кислород по-настоящему помогает прочистить мозги». Осколок того яркого, веселого человека, остатки ее первого имаго, поврежденный Искандр, который не помнил собственной смерти, помнил только длившиеся десятилетиями ожидания грядущей жизни на Тейкскалаане, а еще огромные амбиции и ум, которыми хотела владеть Махит, обитать в них, позволить им завладеть ею.

«Спасибо».

По телу разлилось тепло. Волоски на ее руках и ногах поднимались торчком и ложились пугливой волной, словно ее собственная неврология осторожно прикасалась к ней. Это тоже не входило в элементы имаго-подготовки, не было тем, что ожидаешь от процесса, когда человек получает живую память и жизненный опыт другого, частью которого становится. Ничто в образовании Махит не говорило ей о странном благе обитания в одном теле с... другом.

«Сентиментальность не способствует ясности мысли», – сказал Искандр.

С невыносимо докучливым другом.

Заразительный смех и злобный шип боли в локтевом нерве. Теперь эта боль не всегда была мерцающей. Иногда боле-

ло по-настоящему.

<Итак. Мы испуганы, и мы в ловушке, а поскольку ты не собираешься покинуть станцию, как герой какого-нибудь комикса вроде того, что ты купила... Что мы с тобой будем делать, Махит?>

Она села, прижалась спиной к удобной внутренней кризисной ее капсулы. «То, что нам следовало сделать, когда мы только вернулись, Искандр. Я думаю, мы должны сказать Декакел Ончу, что ее послания к тебе все-таки были прочитаны».

И она опять почувствовала себя живой – проснувшейся настолько, насколько ни разу не была после возвращения на Лсел. Быть проснувшейся в равной мере означало быть испуганной и восторженной. Она наблюдала примечательное сходство между тем, как искали риска их с Искандром способности; она всегда исходила из того, что это является необходимым предварительным условием для ксенофилии, которая влюбляла человека в культуру, медленно поедавшую культуру ее собственного народа. Но, может быть, дело было в чем-то более простом, в глубинном «не живется спокойно».

<Значит, ты все-таки решила быть политиком>, – сказал Искандр, и его тон был так близок ее мыслям, что между имаго и наследником не осталось никакого пространства – знак будущего размытия границ. На его слова отозвалось одно из ее собственных воспоминаний: Двенадцать Азалия в ее

посольских апартаментах в Городе, до того как все начало идти наперекосяк, до того как он погиб. Обращается к ней: «Значит, ты все-таки тоже политик».

«Лепесток», – подумала она с нежной скорбью. Нет, она сама его так не называла, это было ласковое прозвище, которое Три Саргасс дала человеку, названному в честь розовой экстравагантности одного цветка.

«Да, пожалуй, я решила быть политиком».

* * *

Это был не язык. Капитан «Острия ножа» в этом отношении оказался прав. Сигналы, посланные с вражеского корабля, перехваченные и записанные, могли быть плохой помеховой реакцией, воздействием космической радиации, усиленной до резкого треска. По крайней мере, так показалось Девять Гибискус, неопытной в подобных делах. Резкий, уродливый шум с намеком на грядущую головную боль; шум заканчивался криком, имевшим неприятный, маслянистый, обволакивающий язык привкус, который вызывал у нее тошноту. Синестезия не принадлежала к числу обычных неврологических странностей Девять Гибискус, а звук, который вызывал у людей аналогию со вкусом, был *в лучшем случае неприятным*, в худшем – выраженно болезненным.

Тем не менее она два раза прослушала его, подтверждая для себя, что «Острие ножа» был прав относительно пауз

в треске: даже если это не было языком, это было реакцией на то, что делал «Острие ножа». Значит, это коммуникация, та или иная ее разновидность. Она вызвала к себе Двадцать Цикаду в третий раз за день. Когда звук набирал высоту и громкость, ее адъютант морщился и прикрывал рот ладонью, глотал подступившую к горлу тошноту. Он всегда был чувствительнее к окружающей среде, чем Девять Гибискус. Она запоздало пожалела, что заставила его слушать это.

– ...не могу, – сказал он, овладев собой, – представить, что их рты имеют приятную форму, если они говорят вот так.

Девять Гибискус пожала плечами, вернее одним, опустив и затем подняв его.

– Они могут использовать искажатель. Или это машинная коммуникация, связь двух кораблей...

– Или они могут быть разговаривающими между собой машинами.

Она подумала, что, может быть, Двадцать Цикаде это придется по душе: машины, время от времени разговаривающие между собой способом, который тревожит человеческий гомеостаз, а не нечто органическое, которое может привести к повреждению другой органики с помощью речи. Если бы не дефицит времени – который еще усугубился теперь, когда она через час ждала Шестнадцать Мунрайз для стратегического снятия остроты в политических отношениях за обедом, – она бы спросила у него. Но вместо этого она сказала:

– Сомневаюсь. Плевок, сожравший тот «Осколок»...

Слышишь? Я уже называю его плевком. Слишком органическое вещество. Это не машины.

– Вы этого не знаете, – сказал Двадцать Цикада, и она кивнула.

– Я *ничего* не знаю. Нам нужен лингвист. Кто есть у нас на борту для переводов?

Двадцать Цикада откинулся к спинке стула, сплел пальцы за ровным куполом своей головы и крепко сомкнул веки, сверяясь с внутренним списком персонала. У него всегда была хорошая память на такие вещи.

– Квеквелиху Четырнадцать Шип – именно она и была на «Острие ножа». Но она переводчик, а не лингвист. Языки Внешнего Кольца. Она из ваших недошпионов, состояла в наземной команде в Каураане. Умная, но я думаю, что ее ум позволяет ей работать с людьми, а не со всяким не знаю чем.

– Только не она, – сказала Девять Гибискус. – Мне нужен кто-нибудь без каких-либо предубеждений, кто не слышал прежде про эту передачу сигнала.

Четырнадцать Шип была одним из недошпионов – настоящих шпионов у нее не было, если не считать самого Пчелиного Роя. Те, кто состоял в Третьей Ладони – «политические офицеры» на военном жаргоне, разведывательное подразделение министерства войны, – не принадлежали к сорту людей, которых какой угодно капитан Флота держал при себе для каких-то целей. Четырнадцать Шип была одним из ее

солдат, которых она выбрала за мягкую харизму, знание языков, способность становиться незаменимыми. Обычно это был кто-то в звании квеквелиху, не командный состав, но самый высокий уровень неофицерских званий для специалистов. Кто-то достаточно гибкий для независимой работы, но при этом достаточно крепкий физически для несения службы; как металл, который не становится хрупким, когда его сгибают. Иногда люди такого рода могут разговаривать с варварами так хорошо, что те забывают о тейкскалаанском происхождении своих собеседников, а вспоминают об этом, когда уже слишком поздно. Четырнадцать Шип специализировалась на варварах. Не на инородцах, не на чем-то, не только не цивилизованном, но и до человека не дотягивающем.

– Кто еще?

– Я мог бы пригласить остальную каураанскую команду...

– Мне не нужен человек, который может вызывать доверие у *людей*, Пчелиный Рой. Мне нужен тот, кто может говорить с инородцами, не открывая рта.

Двадцать Цикада снова прикрыл ладонью рот, но на сей раз, чтобы скрыть смешок.

– Тогда и вы не подходите, мой яотлек. Ведь вам доверяют только *люди*.

Ее люди и в самом деле доверяли ей. Десятый легион доверял ей, был готов умереть за нее, как она была готова умереть за них, – это был капитанский договор. Остальная часть этого Флота? Пока нет. Не с Шестнадцать Мунрайз и ее пись-

мом с выражением неудовольствия, уже прокладывающего путь в другие легионы. Девять Гибискус не могла привлечь переводчиков из других легионов, в этом она была почти уверена, пока не узнает о планах Шестнадцать Мунрайз и о том, как далеко все это могло пойти. Она не любила работать на неустойчивой почве без министра войны, к которому можно обратиться в крайней ситуации. Но, возможно, она слишком уж привыкла к этой палочке-выручалочке.

Возможно, пришло время узнать, каким яотлеком она хочет остаться в памяти за собственные заслуги.

Она села рядом с Двадцать Цикадой так, словно они были совсем зелеными кадетами, плечом к плечу, и сказала:

– Это работа для министерства информации.

Глава 3

Верхняя панель, две трети страницы: Капитан Камерон и спасенный архивист «Наследия» Эшаракир Лрут эсмутся друг к другу в тени превращенного в руины караван-сарая. Идет сильный снег. Эшаракир подкладывает в огонь бумаги и кодексы, которые хранила двадцать лет, одну за другой. Языки пламени похожи на слова, коречат панель: тейкскалаанская поэзия, документы «Наследия», может быть, даже пассаж из «Лселской летописи происхождения», узнаваемый, но слегка измененный. Тайная версия, которая может пережить грозу.

Нижняя панель, одна треть страницы: рука капитана Камерона выхватывает из огня горящие слова «История происхождения» и лицо Эшаракир. Она сама невозмутимость.

КАМЕРОН: Это необязательно... Эшаракир, какой смысл, если мы не можем сохранить то, что нашли... стойте...

ЭШАРАКИР ЛРУТ: Это мусор, капитан. Это драгоценно, но это не воспоминание. Вы что думали – пришли сюда за документами? Какой станицосельник станет спасать документы, если можно сохранить имаго-линшу, которая будет утрачена без него? Я – все, что вам нужно.

Расшифровка комикса «ОПАСНЫЙ ФРОНТИР!»

Том 1, дистрибуция – малая местная типография

[...] еда, дополнение к гидропонике (заменитель мяса, заменитель таурина) – двенадцать контейнеров; еда, дополнение к гидропонике (консервированные фрукты) – один контейнер; ракеты (реактивные снаряды, ручное оружие) – три контейнера; ракеты (реактивные снаряды, наземная артиллерия) – четыре пушки [...]
Ассигнования на снабжение Флота, сектор Западной дуги
(страница девять из двадцати двух)

Запрос поступил рано утром, а потому первым получила эти сведения третий заместитель министра информации, которая спала или не спала – снова – в своем кабинете. Три Саргасс увидела, как запрос мелькнул во внутренней сети, яркая серо-золотисто-красная повторяющаяся пульсация в верхнем левом квадранте на дисплее облачной привязки: послание *девятнадцатого приоритета* в цветах министерства войны. Такое не должно было вообще появиться в регулярной почте асекреты. Три месяца назад Три Саргасс точно бы его не увидела.

Три месяца назад, если бы Три Саргасс и достигла нынешнего высокого положения в министерстве, получив собственный крошечный кабинет с крошечным окном лишь этажом ниже кабинета самого министра, то спала бы она в своем доме и даже не узнала бы об этом послании. Теперь она оправдывала бессонницу, требующую клинического лечения, благотворным состоянием, которое позволяет ей ре-

шать проблемы, пока все остальные спят. Бессонница позволяла еще ночью сделать добрую половину работы, ожидавшей ее днем.

Запрос повторился еще раз, моргнул. Никто не принял его. Послания девятнадцатого приоритета давали о себе знать четыре раза и, не получив ответа, перемещались в частную облачную привязку первого заместителя министра. Делалось это, чтобы на любое срочное послание от персоны высокого уровня из другого министерства давался достаточно быстрый ответ, вместо того чтобы застрять в бюрократических проволочках на более низком административном уровне министерства информации. Если бы послание напомнило о себе еще один, последний раз, то Три Саргасс вполне могла бы забыть о нем, до тех пор пока проблему не уладят, о чем бы ни шла в нем речь. Уладят, как туман из пылицы, раздражающей у всех слизистые поверхности...

«Даже твои аллюзии становятся ужасными. Туман из пылицы? Это можно было положить в основу неплохого стихотворения...»

Два с половиной месяца назад Три Саргасс написала неплохое стихотворение: плач по близкому другу, умершему глупо и бесполезно, а теперь вот это. Туман из долбаной пылицы и изысканная тюремная камера вместо кабинета.

Она подняла зрачок, совершила микродвижение влево и подтвердила, что послание-запрос предназначено для нее.

Двадцать минут спустя, когда рассвет только-только на-

чал проникать в ее окно, проливаться на дисплей облачной привязки взбалмошными, ухудшающими видимость лучами, Три Саргасс добавила последние штрихи ко второй по уровню глупости идее за всю ее карьеру в министерстве информации. Она сделала это под решительно веселый голос четвертого заместителя Семь Монографии, который напевал себе под нос новейшую, попавшую в лучшую десятку аранжировку «Песни Рекламации №5» – эта долбаная песня оставалась в списке вот уже три недели, – несясь по коридору, что он проделывал каждое утро. Семь Монография, по крайней мере, прекрасно чувствовал интонацию и умел подражать, хотя у него при этом имелась нехорошая склонность – песню могло заесть у него в голове, и он долгое время пел ее всему офису... но никто не мог благозвучно пропеть две строки подряд без искусственной поддержки, а некоторым и пытаться не стоило. Третий заместитель министра, как и любой заместитель из шести, имел право допускать персонал министерства к просьбам девятнадцатого приоритета, а тут имела место целая просьба с половиной. Яотлеку Девять Гибискус где-то на границе Тейкскалаана требовался специалист по первичному контакту, обладающий дипломатическими навыками, – и требовался еще вчера. Для разговора с теми самыми непостижимыми инородцами, которых Махит Дзмаре использовала для предотвращения гражданской войны. Это произошло на глазах Три Саргасс, захваченной странной серьезностью своего посла-варвара.

Ее облачная привязка пульсировала светлым золотом, извещающая о полученном сообщении.

Патриций первого класса Три Саргасс, асекрета, Третий заместитель министра информации Четыре Алоэ, вы были переназначены. Ваше новое временное назначение – уполномоченный по неограниченному кругу вопросов, приписанный к Десятому легиону на корабле «Грузик для колеса» класса Вечный, командующий офицер яотлек Девять Гибискус. Прошу явиться в центральный космопорт для срочного полета отправлением 187.1.1-19А (СЕГОДНЯ). Ваш разряд жалованья остается без изменений, ваш допуск к секретным материалам остается без изменений; продолжительность командировки: три месяца с неограниченными продлениями. Объект назначения: Три Саргасс, третий заместитель министра информации Четыре Алоэ. По вопросам, касающимся этого назначения, прошу обращаться к субъекту назначения. Для принятия настоящего назначения ответьте на это послание...

Последний шанс, подумала Три Саргасс, последний шанс для пересмотра решения. Последний шанс не подставить себя под крайне утомительный дисциплинарный разговор по возвращении.

Она моргнула, соглашаясь на положительный ответ, пока не успела передумать. Она чувствовала что-то вроде головокружения, словно уже оказалась в невесомости и покинула

планету, и в то же время ощущала испуг, осознавая реальность происходящего. Она подумала об Одиннадцать Станке, ее поэтическом идеале, ее герое, авторе «Писем с нуминозного⁴ фронта», который в одиночестве находился среди инородцев – эбректы. Может ли быть, что ей достанется нечто худшее? Несомненно, но, может быть, не *сильно* хуже? «Пошел в задницу, еще посмотрим, кто кого», – прозвучало в голове навсегда смолкшим голосом Двенадцать Азалии, и она почувствовала радость вместе с горечью. Первая из глупейших ошибок в карьере Три Саргасс – вера, что министерство, которому служили она и Двенадцать Азалия, защитит их обоих во что бы то ни стало, даже перед лицом неминуемой войны. Какое же глупое решение породила эта вера! И умерла вследствие этого решения не она.

Не она и не Махит Дзmare. Махит, которая на полпути превращения в местную жительницу из варвара поцеловала Три Саргасс; Махит настолько отейкскалаанилась, что Три Саргасс и представить себе такого не могла. Махит до побега от всей концепции Тейкскалаана... Три Саргасс поняла, что ей не хватает Махит. Может быть, это стоит исправить, пока она губит свою только начинающуюся политическую карьеру во благо Империи.

⁴ Нуминозность (от *лат.* numen – божество, воля богов) – понятие, характеризующее сторону религиозного опыта, связанного с интенсивным переживанием таинственного и устрашающего божественного присутствия.

Когда Махит в последний раз позволила втянуть себя в интриги двора – и разве Лсел не возражал категорически против сравнений его с тейкскалаанским императорским дворцом, этой клоакой разрушительных козней и ударов в спину, негодяем в каждой хоть капельку антиимперской голограмм-проекционной драме, – она не отдавала себе отчета в беге времени. На сей раз, бесшумно идя в обуви на мягкой подошве по палубам станции, петляя преднамеренно случайным маршрутом в направлении к центральному корабельному ангару, она почти слышала, как ведут свой счет секунды. У нее было шесть дней, и ни секундой больше, до того как Советник Амнардбат вызовет ее в неврологический кабинет, до того как весь Лсел узнает, что у нее в голове была не одна, а целых две имаго-версии Искандра Агавна. Шесть дней в лучшем случае.

<А каким может быть худший вариант?>

«Мы умрем на столе». Вскрытые скальпелем в руке нейрохирурга из «Наследия», который дрогнет слегка, но достаточно для того, чтобы случайно – безусловно случайно! – перерезать ее спинной мозг. Хирургический шрам в том месте, где Пять Портик установила имаго-машину мертвого Искандра в черепную коробку Махит, побаливал. Она отрастила волосы, чтобы закрыть это место, ее мелкие кудряшки

теперь были гораздо длиннее, чем когда-либо за долгие годы.

<Я могу представить кое-что похуже >, – сказал Искандр со слабой ухмылкой.

«Не представляй».

В Городе тоже имелись часы. Она запустила их в то мгновение, когда начала расследовать смерть своего предшественника... или их задолго до этого запустил Искандр, когда пообещал умирающему в своем великолепии императору имаго-устройство и вечную жизнь. Это было все равно что привести в действие детонатор на взрывчатке. Но Махит не заметила ускорения времени, уменьшения числа вариантов, пока не пробыла в Тейкскалаане *долго*. По крайней мере, на сей раз она могла видеть надвигающуюся на нее пустую голую стену приближающегося дедлайна. Сейчас она бы уже не *удивилась*.

<Советник Ончу не имеет офиса, – пробормотал ей Искандр, когда перед ними открылся станционный ангар со множеством кораблей. – Во всяком случае, не имела, когда я ее знал. Ей нравится быть среди своих, без особого места, куда можно прийти...>

«Я не хочу никакой встречи, Искандр, я хочу разговора. Мы идем в бар».

Махит все еще ощущала его смех – ощущала его электрической пульсацией в нервах, как всегда с ней случалось; только на сей раз оно, дойдя до ее мизинцев, перешло в невропатическую боль в локтевом нерве. Она уже привыкла

к этому настолько, насколько возможно. Пока боль не распространяется, не превращается в онемение, все будет в порядке, решила она. Внешне она ничем себя на выдавала. О том, что случилось с ней и Искандром в Тейкскалаане, знали очень немногие, и все они были либо... ею и Искандром, цельной личностью, какую им иногда удавалось представлять собой, или остались в Тейкскалаане.

Она никогда прежде не бывала в этом баре. В молодости, в годы ученичества в ее привычки не входило шляться по барам, облюбованным пилотами. Ее способности к пространственной математике исключили вероятность имаго-пилота как пригодной пары на ранней стадии, Махит было не отделаться от чувства, что она для них недостаточно хороша и им это известно. Теперь эта эмоция казалась ей пережитком совсем другой себя, Махит-ребенка с детскими страхами и желаниями. Та Махит, какой она стала теперь, хотела выпивать – и выпивать с Декакел Ончу, которая была советником из тех, что любят общаться со *своими*. Этот бар был питейным заведением, которое выбрала Ончу, – голограммы с ее появлением в дверях этого заведения неоднократно появлялись в лселской новостной ленте, посвященной внутренним событиям.

Найти ее не составило труда. Публичные голограммы не лгали: Ончу оказалась в баре, в этом пространстве матового хрома, обильно прорезанного стеклом, граффити и остатками оригинального инкрустированного дизайна, алмазной

насечки вокруг округлых веерообразных рисунков. «Что это за цветы?» – подумала Махит. Она подумала это на тейкскалаанском и услышала в памяти отзвук сказанных Искандром слов о том, насколько популярен был такой рисунок при украшении пилотской палубы в дни, когда он мальчишкой совершенствовал на Лселе свои навыки. Махит помедлила, остановившись слева от двери, дожидаясь, когда дверь закроется за ней и она окажется в тени, и в этот момент в зал вошли несколько пилотов. Ончу была одета не как советник, а как астронавт: скальп выбрит, на губах яркая краска, как и на кромке ее бокала, вокруг глаз глубокие морщины, напоминающие солнечные лучи. Она не была вовлечена в беседу, а просто по-приятельски выпивала с мужчиной, сидевшим справа от нее. Оба пребывали в мирном молчании, а по другую сторону от Ончу стоял свободный стул.

<И как ты собираешься это обыграть?>

«Я думаю, – сказала Махит внутри собственного сознания, этого странного гулкого помещения, где она иногда бывала самой собой, а иногда другой собой, которая была также и Искандром Агавном, – что хочу, чтобы ты поздоровался».

Он не вошел в ее тело, как сделал это в Тейкскалаане, или чтобы вывести ее из бессмысленной паники в спальной капсуле – Искандр проскользнул вперед, помогая ее мышцам запомнить походку, которой они еще не пользовались, центр тяжести, которого у них прежде не было, улыбку шире улыбки Махит и манеру опираться на один локоть, садясь рядом

с советником Ончу.

– Советник, – сказал Искандр или Махит, пространства между ними по большому счету не было, мысль и действие частично разделились, – давно не виделись. Шестнадцать лет прошло?

Ончу моргнула. Моргнула еще раз, медленно прищурилась, потом вернула веки в нормальное состояние с выражением глубочайшей задумчивости на лице.

– По такому обращению вы могли бы быть несколькими из моих знакомых, – сказала она, – но на столь варварскую дерзость мог пойти только один человек. Привет тебе, Махит Дзмаре.

Махит улыбнулась улыбкой Искандра.

– Привет, советник Ончу, надеюсь, вы не будете возражать, если я выпью.

– Это бар пилотов, но мы не проверяем при входе на членство ваши имаго, – сказала Ончу. – Какую отраву предпочитаешь?

<Ахачотийю>.

«Ферментированные фрукты мы больше пить не будем. Мы на Лселе, если что, и я хотела поздороваться, а не разыгрывать из себя тейкскалаанку, чтобы произвести впечатление».

<Закажи выпивку. Она наблюдает за нами>.

– Водку, – сказала Махит. – Охлажденную, неразбавленную.

Ончу привычным жестом подозвала бармена, и он мгновенно принес рюмку и бутылку водки, настолько охлажденную, что наливалась она густо и вязко.

– Когда отравка подействует, может быть, ты мне понрависься.

– Только когда подействует?

Ончу ухмыльнулась, ее белые зубы выделялись на фоне красных губ.

– Что касается остального, то увидим. Забавно, Дзмаре, я думала, ты объявишься гораздо раньше, чем сейчас. Или вообще не объявишься.

Махит пожала плечами – это движение принадлежало бы скорее Искандру, чем ей самой.

– Извините, советник, что заставила вас ждать.

– Я не ждала.

Разговаривать с Декакел Ончу было все равно что пытаться держать под прицелом быстро вращающийся корабль: она сидела на месте, но выражение лица менялось с невообразимой скоростью. Поток воспоминаний, резкий, как едкий запах, как вкус текскалаанского чая, как свет в прежних кабинетах Девятнадцать Тесло, сказал Махит: «Будь зеркалом».

Она продолжила:

– Вы отправили мне... нет, не мне. Вы отправили несколько посланий послу Лсела. С сожалением отмечаю, что они попали к нынешнему, а не к прежнему.

Лицо Ончу вновь изменило выражение. Ее рот сузился,

одна из губ загнулась вверх в мимолетной, едва заметной улыбке, то ли досадливой, то ли довольной – улыбка пропала слишком быстро, и Махит не успела понять. Это заставило Махит задуматься о том, что чувствовала она сама каждый раз, когда мир двигался вокруг нее, менялся. Мир, Империя – оказалось невозможным избавиться от важности факта, что Тейкскалаан являет собой слияние двух миров, даже когда ты думаешь на языке станциосельников. Новая крупица информации грузом ужасающей ясности ложилась на свое место. Всплеск симпатии здесь не будет полезен, она это знала, но все равно чувствовала этот всплеск.

Черт бы побрал, всего лишь один визит в «Наследие» вернул Махит в то состояние бдительного наблюдателя, которое позволило ей выживать в Городе и от которого она так настойчиво пыталась избавиться с возвращением на Лсел, чтобы почувствовать себя дома. Ончу сделала глоток пива, не большой и не маленький, и кивнула.

– Интересно, – сказала она. – По твоему поведению до этого момента я и предположить не могла, что они окажутся еще где-то, кроме кабинета невостребованных писем.

– Я их прочла, – ответила Махит. – Очень обрадовалась прочесть и получить внешнее подтверждение тому, что отметила сама.

– Выпей свою водку, – сказала ей Ончу. – Мы сейчас с тобой прогуляемся.

<Ух ты, она в тебе заинтересована>, – пробормотал Ис-

кандр.

«Это хорошо, – сказала ему Махит, а потом, поскольку он так или иначе слышал все, что она думала, и она никогда не оставалась в одиночестве, добавила: – Посмотрим, означает ли эта «заинтересованность» пожелание скорейшей смерти».

От теплых уколов смеха имаго водка обожгла ее сильнее обычного.

– И куда мы пойдем, советник?

– Я, пожалуй, покажу тебе окрестности, – сказала Ончу. – Я в эту смену должна проинспектировать ангар. Идем, это в образовательных целях.

Махит и раньше бывала в ангаре Лсела, но всегда в качестве пассажира, покидающего станцию, или во время ежегодных учебно-тренировочных дней, которые были обязательны для каждого резидента. Вход в гулкое пространство, где смешивались звуки голосов, шагов и подвывания оборудования, а также громкого рева охлаждающих вентиляторов, с самим советником по пилотам давал совершенно иные ощущения. Никто не говорил Декакел Ончу, куда идти: она шла среди *своих* как человек, который никогда не стремился ни к собственному кабинету, ни к законодательной ответственности. Махит шла с ней плечом к плечу, остро ощущая себя здесь неуместной, если не чужеродной. Вокруг лежало так много частей космических аппаратов, так много ремонтников, работавших с ними и разбиравшихся в них не хуже, чем Махит разбиралась в тейкскалаанской системе стихосло-

жения.

– Итак, – сказала Ончу с достаточной громкостью, чтобы Махит услышала ее за ревом вентиляторов, – ты прочла мои письма и что подумала?

– Что у вас были серьезные основания послать мне такое предупреждение, – сказала Махит. – Если бы такое неавторизованное послание попало в руки посла Агавна, означало бы, что официальный посол нашей станции представляет для него опасность.

– Я знала, что сделала, – сказала Ончу. – Не надо доказывать, что ты достаточно компетентна, чтобы это понять.

Они неторопливо шли зигзагами по полу ангара, возвращались назад, снова шли вперед. Здесь размещалась половина кораблей малой дальности полета станции Лсел, их здесь разгружали и загружали обычными минералами и обогащенным молибденом. Или более необычным грузом – по крайней мере на взгляд Махит, а она знала, что менее информирована, чем ей хотелось бы, о стандартном наборе экспорта Лсела. Например, паллетами прессованных бурых водорослей, сушеной рыбы, риса... Большую часть этих паллет сопровождали тейкскалаанские бумаги, требуемые при импорте. Создавалось твердое впечатление, что Лсел кормит тейкскалаанские военные корабли, пересекающие Бардзравандский сектор, – те, что отправлялись на войну, которая началась почти одновременно с возвращением Махит на станцию.

«Война, которую начали мы», – пробормотал Искандр.

«Война, которую начал советник Тарац, чтобы сохранить нас», – подумала в ответ Махит, а потом перестала думать, потому что Декакел Ончу наблюдала за ней, наблюдала за каждым проявлением ее телесного языка. Наблюдала, не проявит ли себя Искандр. Или не он, а, например, не дадут ли о себе знать свидетельства повреждения имаго. Даже глядя на Махит, она двигалась среди своих людей, часто останавливаясь, чтобы прокомментировать ведущиеся работы или просто поприветствовать того или иного пилота или сервисного инженера.

«Некоторые императоры являются владыками очень узких пространств, которые они целиком заполняют собственной личностью», – подумала Махит. Когда они проходили мимо какого-то особо шумного места работ, она спросила напрямик:

– Почему у вас возникли подозрения насчет «Наследия»? Ончу фыркнула.

– Потому что это был не Тарац, а у остальных в Совете не было ни доступа, ни мотива. Кто еще, если не лицо, которое контролирует все наши воспоминания, чья задача состоит в том, чтобы обеспечивать безопасность и сплоченность?

– Культурную безопасность, – сказала Махит.

– Амнардбат – патриотка, – сказала Декакел Ончу, которая отправляла в бой корабли ради станции Лсел и, как казалось Махит, отдала бы жизнь за своих пилотов, а значит,

и за всю станцию в целом. Она подождала, не добавит ли советник что-нибудь еще. Пока они обе молчали, мир заполняли звуки ударов металла о металл.

– И я, как выяснилось, тоже, – продолжила Ончу, едва заметно пожав плечами. – «Наследие» не должно принимать таких однобоких решений касательно дипломатии. Мы – совет Шести, и узы разрывают Шахтеры, а не «Наследие».

– Что сделала со мной советник Амнардбат? – спросила Махит и позволила себе выразить расстройство по поводу своего вопроса с тем уровнем горести, с которым хотела. А хотела она по максимуму.

– Аа-аа, – сказала Ончу, – значит, она-таки добилась своего.

Махит чуть не рассмеялась, беспомощно и испуганно – значит, Ончу вовсе не была *уверена*, она только высказывала догадки о повреждении имаго и полагала, что мертвого Искандра стоит предупредить в любом случае.

– Кто-то добился и сделал это довольно эффективно, – удалось, наконец, сказать ей, на грани истерики. – Я думала, это моя вина, неврологический провал. Есть же случаи, когда, когда имаго не...

– Ты не одна, – сказала Ончу. – Ты двигаешься не как Махит Дзмаре, когда я впервые ее увидела.

Да, не так. Она наглядно продемонстрировала это в баре, может быть, и сейчас еще продолжает. Она сама толком не знала, *как* она двигается. Не знала, двигалась ли она как че-

ловек, которым была, пока еще оставалась одна.

– Часть ущерба оказалась обратимой, – сказала Махит, что было не совсем правдой. Точнее, не имело никакого отношения к правде.

– В менее сложных обстоятельствах я бы отправила тебя на тщательное медицинское обследование с целью возможного восстановления функции, – сказала Ончу. – Я не люблю терять имаго-линии вследствие неврологических повреждений и пилотов... С их профессией удар по голове – не редкость. Хорошо было бы найти способ восстановления линии, которая все же смогла сохраниться в том или виде после происшествия. По правде говоря, я в последнее время теряю много народа.

– В менее сложных обстоятельствах, – стала отвечать Махит, ощущая такую сухость, что ее язык, казалось, грозил присохнуть ко рту, – не будет и материала для обследования, разве нет?

Ончу беззвучно рассмеялась под вой металлорежущей машинки. Она сделала приветственное движение рукой, обращенное к металлорезу, который улыбнулся ей в ответ, знаком показал, что все идет как положено, и вернулся к своей работе.

– Мы страдаем под грузом сложности, Дзмаре. Скажи мне, что тебя в конечном счете сподвигло встать с кровати и прийти в ангар?

«То, что через шесть дней меня вскроют на хрен» – слыш-

ком откровенное признание? Она чувствовала себя жертвой на заклание. Так было и на Тейкскалаане – и вот к чему это привело: она дома, но уже никогда не будет чувствовать это место своим домом.

<Посмотри, к чему это привело Ее Великолепие Девятнадцать Тесло>.

Махит пропустила мимо ушей его слова. Искандр – она тоже, но в меньшей степени – не понаслышке знал, что такое спать с императорами. Спать с императорами или *будущими* императорами, пока они бодрствуют, сосредоточившись на работе. Так что, сколько бы Ончу ни волновала потеря слишком большого числа пилотов, избыточное количество смертей в черноте, где прятались инородцы Тараца, Махит могла полагаться на то, что Пилоты обеспечат ее безопасность в ходе раскрытия ее двойного имаго не более чем на «Наследие».

«Никто не может знать».

<Ты начинаешь понимать, почему я так и не вернулся>.

«Не сейчас, Искандр».

– «Наследие» зашевелилось, и я подумала, что мне тоже пора, – ответила она Ончу. – А теперь, может быть, скажете мне, какую цель вы преследовали, предупреждая обо мне Агавна?

Ончу сжала губы, образовалась темно-красная линия, похожая на след ножа.

– Патриотизм, – повторила она. – Спроси своего имаго –

если ты все еще можешь, если с тобой осталось нечто большее, чем мышечная память, – о Дарце Тараце и его «философии империи», а потом, если у тебя еще будут вопросы... Я выпиваю в баре каждую седьмую смену. Заглядывай.

«Дарц Тарац?...» – сделала внутренний запрос Махит.

В ответ она услышала: <Черт>.

* * *

Официальный обед на «Грузике для колеса» был строгим мероприятием: протокольный танец, предписанная последовательность событий от входа командующего офицера до финального возлияния в честь императора: несколько капель алкоголя, заменяющих кровь в этот падший век... Впрочем, Девять Гибискус была из тех капитанов Флота, которые предпочли бы выпустить в чашу свою кровь, чем ради этикета расстаться с последним глотком жидкости с торфяным привкусом. Но нынешний обед был очень скромным официальным обедом на четыре персоны за столом в конференц-кабинете, которому спешно придали величественный вид, поместив сюда знамена Десятого легиона и в цвет им черные с золотом эмалированные тарелки с рисунками звезд. Сама Девять Гибискус надела то, что было на ней, когда она слушала жуткие чужеродные шумы, – свою стандартную форму со звездами нового ранга на воротнике, вместо четырех звезд капитана Флота изогнутые петлицы яотлека,

как вершина императорского трона, срезанная и согнутая.

Сначала сели гости, затем Девять Гибискус и Двадцать Цикада вошли в кабинет и увидели Шестнадцать Мунрайз с ее адъютантом, икантилосом-прим Двенадцать Термояд. Они уже сидели перед пустыми тарелками в ожидании, как птицы-падальщики. Прежде она никогда не встречалась с Шестнадцать Мунрайз лично – только по голографу. Двадцать четвертый легион и ее собственный Десятый никогда не находились в одном секторе космического пространства до этой кампании. Шестнадцать Мунрайз была высокой, ее кожа и волосы принадлежали одной гамме цветов, словно вышли из-под одной пресс-формы, цветовой гамме луны, если бы та была монетой. Бледное лицо, длинные и прямые светлые волосы, получившие для этой официозной, церемониальной встречи свободу от косы, в которую она обычно их заплетала. Она, судя по официальным данным, была на полиндикта младше Девять Гибискус. Эти три с половиной года разницы означали, что, будучи кадетами, они не знали друг друга. Шестнадцать Мунрайз казалась одновременно безмятежной и страждущей.

– Яотлек Девять Гибискус, капитан Флота Десятого тейкскалаанского легиона, – пробормотал солдат, выступающий в качестве стюарда, и Шестнадцать Мунрайз с ее заместителем глубоко склонили головы над кончиками пальцев.

– Добро пожаловать на борт «Грузика для колеса», – сказала Девять Гибискус.

– Нас истинно встречают добром, – отчеканила установленный протоколом ответ Шестнадцать Мунрайз. – Вашему гостеприимству нет границ, как звездам, яотлек, и оно столь же светоносно.

Девять Гибискус села. Стол был невелик: четверка за ним чуть не касалась друг друга локтями – кроме Двадцать Цикады, который был слишком тощим, чтобы доставать до кого-либо. Солдат у двери почти незаметным жестом пригласил еще одного из ее подчиненных, который принес настоящий хлеб – на каждом корабле имелся небольшой запас муки и дрожжей, предназначенных для исключительных ритуалов гостеприимства, требовавших этих продуктов, – и прозрачный дистиллированный пшеничный спирт, настолько крепкий, что опьянить могло одно вдыхание его паров. *Звездоблеск*, императорская выпивка, тоже был на каждом корабле, а на некоторых его бывало больше, чем на других. Девять Гибискус вовремя пополняла запасы на «Грузике для колеса», и недостатка в напитке корабль не испытывал.

Планируя это стратегическое застолье, очевидный «я-знаю-что-ты-знаешь-что-я-знаю» отвлекающий маневр для Шестнадцать Мунрайз, чтобы та пережевала его вместе с поданным ей хлебом, Девять Гибискус собиралась начать с письма, которым Шестнадцать Мунрайз требовала объяснить, почему так долго откладывается сражение с врагом. Начать с того, что она знала о сложившейся ситуации и до официального получения письма, подрезать маленький по-

литический маневр Шестнадцать Мунрайз в коленях и оставить истекать кровью. Но ее намерения изменились после прослушивания инородцев. После того как на ее глазах их слюна пожрала один из ее собственных кораблей.

– Капитан Флота, – начала она. Шестнадцать Мунрайз чуть наклонила голову. – Около часа назад, пока вы еще были в пути, мы впервые вошли в боевое соприкосновение с противником.

Выражение на ее лице определенно изменилось, но не очень поддавалось толкованию. Двенадцать Термойд был куда красноречивее: он резко поставил свой бокал со звездоблеском на стол.

– И вы в это время устраиваете званый обед? – сказал он. – Почему вы не на мостике?

– Потому что вы – мои гости и капитаны Флота. А мои капитаны, в особенности нетерпеливые, – это наилучший инструментарий в кампании, которая вот-вот должна начаться по-настоящему, – отрезала Девять Гибискус.

В этом заключался намек на часть их встречи под названием «я-знаю-что-вы-сделали». Если она будет действовать достаточно быстро, то не придется переходить к откровенной головомойке. Шестнадцать Мунрайз имела звание капитана Флота, а Девять Гибискус в скором времени должна была понадобиться полная поддержка Двадцать четвертого легиона. Честно говоря, с учетом ситуации, в которой они оказались, понадобиться вполне могло и три раза по шесть ле-

гионов, а не стандартный набор яотлека из одной шестерки. Неизвестное количество инородцев – сила достаточно мощная, чтобы заставить замолчать целые планеты, а у нее только шесть легионов... Впрочем, ей и прежде доводилось сражаться с превосходящими силами противника.

– А кроме того, – продолжила она, оторвав зубами кусок от своего хлеба, – враг, который осмелился атаковать нас, был полностью нейтрализован. Мы не находимся в активной боевой ситуации, Двенадцать Термояд. Или вы считаете, что я стала бы рисковать вами и капитаном Флота, приглашая вас к себе на борт во время сражения?

– Нет, – ответила Шестнадцать Мунрайз, пресекая движением руки попытку заговорить со стороны своего подчиненного. – Даже если бы у вас было вдвое больше легионов, вы бы не стали выключать из игры один из них ради какого-то жалкого стратегического обеда, яотлек. Не настолько же вы глупы...

Это было слишком для женщины, которая формально подчинялась ей.

– Глупость не принадлежит к тем оскорблениям, которые мне обычно выкрикивают, – сказала она, отрывая еще один кусок хлеба. Хлеб был великолепно кислым на вкус, с корочкой достаточно твердой, чтобы повредить мягкое нёбо. За едой она могла показать зубы. Девять Гибискус уловила немного укоризненное выражение на лице Двадцать Цикады, но приличия вовсе не принадлежали к тем качествам,

которые она сейчас желала продемонстрировать. Нет, ей требовалось ощущение быстрого движения, жажды.

– Голограмма боя уже на вашем шаттле, сможете изучить по пути назад, капитан Флота, – продолжила она. – Двадцать четвертый прибудет на позицию и присоединится к атаке, если металлорастворяющие пленки от этих *существ* в нашу сторону продолжатся. Мы будем готовы, с вашей квалифицированной помощью. Двадцать Цикада, включите запись.

Она предупредила его, что сделает это, и не из соображений жестокости. Она отметила, что Двадцать Цикада не съел ни крошки, только сделал обязательный глоток звездоблеска, и надеялась, что сможет удержать свой хлеб в желудке, где тому и полагалось находиться.

– Вы перехватили передачу?.. – начала было Шестнадцать Мунрайз, но в этот момент воздух снова наполнился ужасающим шумом инородцев, и Девять Гибискус получила удовольствие от вида другой женщины, побледневшей больше своего стандартного цвета. Она резко сжала челюсти, ощутив приток желчи.

Когда все закончилось, Девять Гибискус сказала:

– Я послала запрос на переводчика из министерства информации.

– Тут нужен не переводчик, а веерный огневой вал, – сказал Двенадцать Термояд. – Тот, кто производит такой звук, не должен существовать.

– Предполагаю, то же самое они думают о вас и обо мне, –

сказал Двадцать Цикада голосом столь же сухим, как испаряющийся в бокале алкоголь. – Мы попытаемся поговорить с ними и узнать, вдруг есть что-то *другое*, что они могли бы получить от нас. Если только вам не нравится смотреть, как пилоты «Осколков» растворяются в своих кораблях, икантилос-прайм.

Девять Гибискус и мечтать не могла о лучшем заместителе, чем тот, который у нее был. Он не смотрел на нее, но она знала: ему об этом известно.

Шестнадцать Мунрайз положила ладони на стол. Уж не дрожат ли ее руки? – подумала Девять Гибискус. Или же Шестнадцать Мунрайз пытается предъявить свое право на пространство – прикасается к кораблю Девять Гибискус, кладет на него ладони?

– Яотлек, – сказала она, вкладывая в голос самый высокий уровень официоза. – Если даже оставить в стороне мнение подавляющего большинства Двадцать четвертого, который я здесь представляю, что переговоры с чем-то, что говорит таким вот образом, являются пустой тратой всего нашего времени, – на кой черт вам это долбаное министерство информации?

– А что – вы сами хотите поговорить с *ними*?

– Я бы хотела стрелять по ним. Без вмешательства кучки манипулятивных прохиндеев.

Ничто в личном деле капитана Двадцать четвертого не навело Девять Гибискус на мысль, что та более кровожад-

на, чем средний тейкскалаанский солдат. «Я бы их расстреляла», – подумала она. Что говорить, она бы расстреляла *что угодно*, приблизившееся к ней, включая и Шестнадцать Мунрайз собственной персоной. Ни одна из Шести Раскинутых Ладоней не была в восторге от министерства информации – информационники были гражданскими. Глаза бюрократии за пределами гиперврат, где Город не может увидеть. Глаза довольно часто смотрели на корабли Флота, тайно докладывали тому, кто был их хозяином – то ли министерству информации, которое оплело своими сетями безопасные планеты, согласно слухам, ходившим во Флоте, то ли Всему Тейкскалаану в лице императора, если верить пропаганде, которую распространяло министерство. Девять Гибискус обычно не верила пропаганде.

Министерство состояло из манипулятивных прохиндеев – словечко, произнесенное Шестнадцать Мунрайз, вполне сойдет, – но в ее легионе не было никого, кто мог бы научиться говорить с инородцами, обращавшими в пустыни планеты, населенные людьми.

И Шестнадцать Мунрайз, с ее прозрачной демонстрацией силы через озабоченное письмо, не вызывала доверия как союзник. С ее мгновенным негативом в адрес министерства информации, так похожим на разговор представителей Третьей Ладони, разведки Флота, с их привычкой подозревать в шпионской работе всех остальных. Третья Ладонь никогда не входила в число подразделений, с которыми Девять

Гибискус нравилось сотрудничать. Они были обструкционистами, настаивали на использовании только их методов, только их людей каждый раз, когда то или иное подразделение Флота уклонялось от прямого боевого столкновения или логистики, и предпринимали открытые психологические манипуляции. Девять Гибискус предпочитала отдавать те приказы, которые она так или иначе отдала бы, и не спрашивать разрешения у ближайшего политического чиновника.

Шестнадцать Мунрайз была, конечно, капитаном Флота, а не политическим чиновником, но... Девять Гибискус решила проверить ее послужной список на начальном этапе карьеры – кто знает, вдруг та когда-то подвизалась на этом поприще? Как бы то ни было, Девять Гибискус не могла позволить себе роскошь согласиться с ней. Не теперь. А может быть, и никогда.

– Министерство информации, – сказала Девять Гибискус, – имеет опыт разговоров с инородцами. Дерьмо вроде «Писем с нуминозного фронта», ксенофильной поэзии и философии не может засрать мозги главе министерства информации, потому что они засраны изначально. Пусть дипломатией занимаются они – это сэкономит нам время, которое можно будет потратить на получение максимального количества разведсведений, пока будем маневрировать. Я хочу, чтобы вы привели «Параболическую компрессию» на встречу с «Грузиком для колеса» с полным комплектом ваших «Осколков» и крейсером-невидимкой... как он назы-

вается, Двадцать Цикада? Высокоскоростной.

– «Обожженный фрагмент фарфора», – сказал Двадцать Цикада ровным, как у ИИ⁵ на облачной привязке, голосом. – Это прекрасный корабль, капитан Флота, вы должны гордиться таким приобретением. Где вы его взяли? Выторговали у Шестого Легиона?..

– Вы бы знали об этом, *Пчелиный Рой*, разве нет? – сказала Шестнадцать Мунрайз.

Черт бы ее взял, она не желала отступить ни на дюйм! Девять Гибискус шарахнула об стол своим бокалом со звездоблеском, оставив на дне лишь *долю Императора* – последний глоток.

– Он бы знал, – сказала она. – Мы собираемся вернуть себе Пелоа-2, даже если в темноте поджидают другие плюющиеся корабли. Вы присоединитесь к нам на «Обожженном фрагменте фарфора». Для проведения необходимой экспертизы обращайтесь к Десятому, хотя уверена, у вас есть соответствующий персонал. Это тейкскалаанский сектор. Давайте не забывать об этом в ожидании министерства информации.

– Это подачка, – сказала Шестнадцать Мунрайз ровным голосом. – Я же не дура, яотлек.

– Напротив, капитан Флота. Вы достаточно умны, чтобы понимать, что я делаю и что вы будете выглядеть победителем при встрече с соучастниками вашего заговора в Семна-

⁵ Сокращение от «искусственный интеллект».

дцатом и Шестом легионах. Вот действие, о котором вы просили. Вот мой план столкновения в большем масштабе. Вы получаете и то, и другое. Ну что, приступаем к работе?

Шестнадцать Мунрайз заставила ждать, затягивая напряженность между ними на еще несколько долгих и уродливых мгновений, после чего одним глотком допила содержимое бокала со звездоблеском. Последние капли пролились на стол и засверкали, как вражеский плевок.

– Двадцать четвертый выполнит ваш приказ, яотлек, – сказала она. – Для нас большая честь служить империи. Ваше гостеприимство было безукоризненным, вы мне очень напоминаете министра Девять Тягу.

Бывшего министра Девять Тягу, ее экс-начальника. В этом явно крылась суть слов Шестнадцать Мунрайз. Девять Гибискус не вполне понимала, чего та добивается. Пока не понимала, потому что отчасти в ушах все еще стрекотал чужеродный шум, а на ее глазах испарялся лучший алкоголь в империи, символический жест снятия напряжения. Пока не понимала, но в этом точно заключалась политика министерства здесь, на конце света; далеко тянувшиеся Ладони имели значение для политики в той же мере, что и огневая мощь. Это вызывало что-то вроде сожаления. Она не стала ничего говорить, только улыбнулась, ее глаза были широко открыты, когда она допивала собственную порцию звездоблеска. Подумала заученным назубок – «Пусть Его Великолепие увидит тысячу звезд» и тут же внутренне поправилась. «*Ее Ве-*

ликолепие».

– Четвертая смена, – сказала она Двадцать Цикаде вслед уходящим гостям. Восемнадцать часов прошло. – Смените экипаж на «Острие ножа» и подготовьте «Спящую цитадель» для продвижения капитана Флота в систему Пелоа.

* * *

Было нечто поистине прекрасное в том, как люди из космопорта Сокровенной области Города мгновенно убрались с пути Три Саргасс теперь, когда на ней была одежда специального уполномоченного. Тейкскалаанцы любили форму: идеально подогнанный костюм, сверкающий разными оттенками цвета. Яркость и пламя министерства информации никогда прежде не подводили ее, если нужно было произвести впечатление, – но перед костюмом уполномоченного с некоторым отзвуком военной формы, целиком сшитым из ткани цвета пламени, люди *цепенели*. Она была миниатюрной, а ее грудная клетка никогда не обещала стать достаточно широкой, чтобы ею можно было хвастаться, ей не светили ни мощные легкие оратора, ни его *содержание* – по крайней мере в физическом смысле, сколько бы стихов она ни декламировала при дворе. И несмотря на это, абсолютно никто не осмелился встать у нее на пути, хотя Сокровенная область была, как обычно, переполнена людскими толпами. Предприниматели, грузовые паллеты, солдаты, тысячи и тысячи тейкска-

лаанцев улетали к звездам, как семена, подхваченные ветром. Голова кружилась, глядя на них. Ею овладевало точно то же, что и во времена, когда она была еще практиканткой и прогуливала занятия: великолепное нарастающее ощущение, будто она сделала что-то наказуемое, но ей это сошло с рук.

Только это было целиком, полностью и совершенно законным. Она сама дала согласие.

Стоит отметить, что, сделав это, она оставила самовоспроизводящееся сообщение «Отсутствую» на двери своего кабинета, начертанное веселыми корявыми символическими знаками, и отправилась на свою квартиру, чтобы собрать нижнее белье и средства для волос, а также получить посылку с пятью одинаковыми униформами уполномоченного по неограниченному кругу вопросов. Все это время она подчеркнуто игнорировала все коммюнике, поступавшие через облачную привязку или инфокарты, потому что они могли иметь противоречащие приказы. Кроме того, она не стала мыть посуду перед отбытием в космопорт и неведомые края, но в этом не было ничего необычного. Она всю неделю не мыла посуду.

Тревожная мысль кольнула ее: оставление посуды немытой на целую неделю было стандартным признаком усталости агента министерства информации, небрежение посудой перед трехмесячной командировкой в зону боевых действий было одним из тех знаков, на которые хороший следова-

тель непременно обратит внимание. Три Саргасс могла точно представить этот разговор: «Вы на самом деле не собирались возвращаться, асекрета, верно?» – задал вопрос воображаемый следователь, а воображаемой будущей Три Саргасс пришлось бы пожать плечами и сказать: «Я не думала об этом, я готовилась служить Тейкскалаану», а потом им двоим предстояло решать, лжет она или нет.

Ничто из этого не было проблемой в текущий момент, и размышлять об этом было неприятно. Три Саргасс прошла через группу космических туристов, покидающих борт пассажирского лайнера, разбрасывая их, как листья, прошла мимо огромных, вкусно пахнущих контейнеров с фруктами в колючей коже, выгружаемых на паллеты, прямо к кораблю, который должен был доставить ее к первой остановке маршрута быстрее, чем любой другой из имеющихся в настоящий момент в порту Сокровенной области. Это был военный корабль. «Цветочный узор» специализировался на доставке лекарств и медицинского оборудования; он покидал Город с грузами, имеющими крайне ограниченный срок годности – как сильнодействующие ботанические лекарства прямо из лабораторий министерства науки, которые быстро выходили из строя, если задерживались на складах. Или с органами для трансплантации, как на данном конкретном корабле. С сердцами. Хорошими, свежими сердцами на льду, которые – если ее быстрая грубая прикидка близка к истине – явно были в избытке в Городе, но в дефиците на малой

планете рядом с первыми гипервратами, через которые и собиралась пролететь Три Саргасс.

Она проморгала направление облачной привязки микродвижениями глаза и так же глазами набрала послание капитану «Цветочного узора»: «официальный представитель правительства прибыл вас побеспокоить». Он не заставил себя долго ждать – двери ангара вскоре сложились мембранным веером. Вид у него был загнанный. «Отлично», – подумала Три Саргасс.

– Капитан Восемнадцать Гравитация, – сказала она, – я специальный уполномоченный Три Саргасс, и мне нужно, чтобы вы взяли меня вместе с вашим грузом, когда покинете орбиту.

– Уполномоченный, – он моргнул и склонился над кончиками пальцев, что давало ему достаточно времени, чтобы взять себя в руки.

– Мой корабль занимается медицинским снабжением, – продолжил он, выпрямившись. – Я не могу отклоняться от маршрута. Мой груз чувствителен ко времени. Я знаю, что по закону обязан доставлять уполномоченных туда, куда им надо, но...

– Вы направляетесь в систему Калатл. Мне тоже туда нужно, капитан. Вы в этом космопорту стартуете раньше остальных кораблей. – Иногда Три Саргасс было очень трудно не улыбаться варварской улыбкой, весело обнажая зубы. Она явно научилась этому у Махит. Тем не менее позыв остался

нереализованным – Три Саргасс его подавила.

– В таком случае я буду вынужден поместить вас в довольно тесный бокс в трюме, – сказал капитан Восемнадцать Гравитация, – если не возражаете. У нас нет пассажирских кают. Весь экипаж – я, мой первый заместитель и еще техник-икспланатль.

– Я очень миниатюрная, – довольно сказала Три Саргас. – Я сожмусь. Дайте мне место между коробками с сердцами, и меня это устроит.

Пару мгновений капитан, казалось, пытался сочинить ответ в таком же духе, но потом сдался.

– Мы покидаем орбиту через час сорок семь – прошу прощения, сорок шесть минут, – сказал он. – Если вы втиснетесь между сердцами через час и тридцать минут, то вы сможете перемещаться вместе с нами туда, куда будем перемещаться мы, Уполномоченный.

– Отлично, – ответила Три Саргасс. – Ваша услуга Тейкскалаану и Ее Великолепию Девятнадцать Тесло делает вам честь! До скорого.

Одного часа и тридцати минут вполне хватило, чтобы перекусить в одном из многочисленных баров космопорта, – Три Саргасс почувствовала, что в этом есть необходимость, если она не хочет в неподходящий момент задуматься о карпаччо⁶ из сердца медицинского назначения. «Тейкскалаан поглощает», – подумала она, а потом одернула себя: нет, Ма-

⁶ Название итальянского мясного блюда.

хит говорила *совсем не так*. Она спросит у нее, как именно, когда доберется до станции Лсел.

Лсел лежал на пути к войне. Фактически станция располагалась *рядом* с войной, как это и предполагала варвар, когда давала координаты их врага, считая это малой ценой за свободу ее станции и полагая, что существующие опасности оправдывают ее поступок. Так что Лсел в общем-то представлялся логичной остановкой, в особенности если предполагалось, что Три Саргасс должна научиться говорить с инородцами, – а именно это она и планировала сделать. Она могла использовать инородца, который умеет хорошо разговаривать с людьми. Варвары были следующими ближайшими к инородцам существами, а Махит была лучшей из варваров, каких когда-либо встречала Три Саргасс. К тому же Три Саргасс по ней скучала.

Исходя из предположения, что ей нескоро еще придется есть нормальную еду в Городе, она заказала в баре густой суп с лапшой, маслом чили и кусочками копченой говядины. Она развлекалась, рисуя свой маршрут с помощью одной из графически-векторных программ в облачной привязке: сперва до ближайших гиперврат на «Цветочном узоре», оттуда еще через несколько гиперврат на корабле, который окажется самым быстрым на данной остановке, потом сложное конечное плечо в обход двухмесячного маршрута на досветовых скоростях (обычная продолжительность пути до Лсела). Добравшись до места, она выйдет не в те врата, и ей

придется убеждать того, кто пилотировал корабль, доставить ее на станцию. *Не те* врата – Махит называла их «Дальние врата» – расположены гораздо ближе к Лселу, чем те, через которые обычно летали на станцию с территорий, надлежащим образом контролируемых Тейкскалааном. Дальние врата располагались за пределами владений Империи, и ей придется пересаживаться на нетейкскалаанские корабли, чтобы хоть каким-то образом добраться до станции, в особенности со стороны, не контролируемой Империей. Сторона Анхамематских врат являлась территорией, номинально контролируемой конфедерацией Верашк-Талай, имевшей абсурдную, по мнению Три Саргасс, привычку избирать себе руководителей народным голосованием. Пространство Верашк-Талай было плохо картографировано, и Анхамематские гиперврата вели в места, где какие-то непостижимые инородцы портили жизнь новому яотлеку Флота, творили такие дела, что пришлось обратиться за помощью в министерство информации, отдав предпочтение ему, а не военно-разведывательной службе Третьей Ладони...

– Добрый вечер, Три Саргасс, – раздался чей-то голос у нее за спиной, и вилка со звоном выпала из ее пальцев. Она повернулась.

– Вам стоит снижать интенсивность реакций испуга в зависимости от места, где вы находитесь, – сказала Пять Агат, когда-то лучшая ученица Девятнадцать Тесло и ее старший адъютант, а теперь одна из ее эзуазуакатов – одна из ее самых

преданных слуг, принесших присягу. Стиль одежды Пять Агат с повышением ее статуса не изменился. На ней по-прежнему было белое одеяние, как и на всех людях Десятьнацать Тесло – в подражание прежнему фирменному стилю их госпожи.

– Ваше превосходительство, – сказала Три Саргасс с наивысшей официозностью, какую ей удалось изобразить с лапшой во рту.

– Прожуйте свою пищу, – сказала ей Пять Агат, и Три Саргасс подумала, что та говорит с ней точно таким же тоном, с каким обращается к своему маленькому сыну Два Картограф – отсутствующе родительским. Три Саргасс один раз видела этого малыша, во время мятежа три месяца назад. Он был очень здоровый и умный для ребенка, который по желанию матери родился из матки. Она дожевала лапшу и проглотила.

– Что я могу для вас сделать, ваше превосходство?

– У Ее Великолепия к вам вопрос.

Ее первая реакция была абсолютно ужасающей: «Если я отправлюсь во Дворец-Земля, то опоздаю на корабль». Абсурдная мысль. Ее император хотела поговорить с ней, а она заботится исключительно о собственном отходе – в некоторой мере недозволенном – от всех обязанностей, которыми этот самый император наделил ее, проявляя свою благосклонность? Что-то с ней было не так, даже сама эта эмоция. Лучше сделать вид, что никаких задних мыслей у нее нет.

– Конечно, – сказала она и поманила ближайшего официанта. – Я только оплачу счет, а потом...

– В этом нет нужды, – сказала Пять Агат. – Вопрос вам могу задать я сама, а вы можете доесть ваше блюдо.

– Спрашивайте.

– Император хочет знать ваше мнение об Одиннадцать Лавре.

Три Саргасс моргнула, попыталась вызвать в уме весь список ее знакомых с именем Одиннадцать Лавр, мнение о котором хотела узнать император: решительно отвергла практиканта асекрету, служащего секретарем на восьмом этаже министерства, а также поэта-оратора, который месяцами потрясал столицу внутренними рифмами и умер, когда Три Саргасс было тринадцать, – после чего у нее остался только третий заместитель министра войны. Технически Три Саргасс имела тот же ранг, что и замминистра, хотя это тоже казалось нелепостью: Одиннадцать Лавр был героем войны, а она... она была только самой собой. Пока.

– Третья Ладонь? – спросила она, чтобы отсеять сомнения. Конечно, Третья Ладонь, избегаемый всеми мастер военного шпионажа, тот, которого по какой-то причине обходила стороной яотлек Девять Гибискус, предпочитая обращаться в министерство информации с его дипломатами.

– Если бы Девятнадцать Тесло хотела узнать ваши литературные предпочтения, то она отправила бы к вам порученца получше меня, – сказала Пять Агат с убийственной ирони-

ей. – Ненавижу этого поэта. Да, речь о замминистра. Вы его знаете?

– Я с ним пересекалась, – сказала Три Саргасс. – Мы если и говорили, то только по служебным делам. Вы – или Ее Великолепие – хотите узнать мое профессиональное мнение о нем, мнение министерства информации? Потому что если да, то я не смогу продолжать этот разговор в баре космопорта.

Пять Агат отрицательно покачала головой – нет, значит, это не профессиональный вопрос.

– Готовы ли вы поклясться на крови, что говорите правду, уполномоченный? Вы никогда не говорили с Одиннадцать Лавром на личные темы?

Профессиональный вопрос был бы для Три Саргасс менее тревожным. А тут речь шла о чем-то темном: сам факт, что эзузуакат просит ее принести клятву на крови в отсутствие у нее до этого каких-либо личных отношений с третьим заместителем министра войны, вызвал у Три Саргасс ощущение, будто у нее закружилась голова. Она упала во времени на три месяца назад, в дни, когда кризис престолонаследия сотрясал Тейкскалаан, уже стоявший на пороге гражданской войны, а она наблюдала смерть прежнего императора во всех подробностях на экране. Он был опустошен в храме солнца так, словно вылили воду из стакана, оставив всюду красные лужи. Съеденная ею лапша теперь свинцом лежала в ее желудке.

– Я готова поклясться, – сказала она. – Здесь или в любом месте, где пожелаете вы или Ее Великолепие. Я его не знаю, никогда не общалась с ним на личные темы. – Она подняла руку ладонью вверх. На ладони не было шрамов. Пока. Она бы предпочла никогда не приносить настолько серьезных клятв, чтобы требовалось надрезать ладонь. Даже ее клятва двухмесячной давности с Махит и Девятнадцать Тесло затянулась до невидимости. Организм не обращал внимания на размер обещания – только на глубину пореза.

– В этом нет нужды. Ваших слов достаточно, – сказала Пять Агат. – Вы там поосторожнее на передовой, Три Саргасс. Ее Великолепие хорошего мнения о вас, и мы все очень переживаем, когда она теряет кого-то, кого любит.

– Как это ужасно, – сказала Три Саргасс, но вовремя замолчала. Потом добавила: – Я удостоилась высокой чести?

– Поспешите на ваш корабль, – сказала Пять Агат. – «Цветочный узор»? У вас есть двадцать минут. Я бы на вашем месте бежала бегом. Насчет счета не беспокойтесь. Правительство заплатит.

Они, похоже, все время следили за ней, с того момента, когда она ответила согласием на запрос яотлека. Городские камеры наблюдения были излюбленным инструментом Девятнадцать Тесло и раньше, а теперь, когда она стала императором, у нее открылся доступ ко всему – к алгоритмам, к технике, к Солнечным, городской полиции, мимо которой прошла Три Саргасс на пути в космопорт. Полиция имела об-

щую разновидность доступа к алгоритмам, размышлять о которых у Три Саргасс не было ни малейшего желания. Все их глаза одинаковы, и ко всем имеет доступ император. Это выглядело почти великодушно. Почти. Если бы Три Саргасс приняла мысль, что она под защитой, а не под наблюдением.

Возможно, увидев ее импульсивное решение, император задумалась, не подкупил ли ее Одиннадцать Лавр? Какая сложная мысль. Нужно ей будет подумать над этим во время перелета. Время у нее будет, может, не в избытке, но достаточно. Военное министерство было одной из дырявых и едва залатанных частей правительства, оно все еще волновалось после ранней и столь вовремя случившейся отставки прежнего министра Девять Тяги. Три Саргасс оценила этот ход как способ дать Девять Тяге возможность убраться из Города без вреда для репутации, прежде чем ее уволит новый император, зная, что министр в критический момент поддерживала генерала из числа мятежников...

Большинство заместителей министра тоже ушло – на их место новый министр поставила новых людей. Остался только Одиннадцать Лавр. Может быть, за этим ничего и не стояло. А может быть, именно в этом и был сокрыт смысл.

– Спасибо за предупреждение, – сказала она Пять Агат. – И за оплату счета.

А потом побежала сломя голову, пока ее не остановил кто-нибудь еще.

Глава 4

Тейкскалаан, когда мы были в руках Первого Императора и летали в черноту, осваивали гиперврата, несли с собой наши семена цивилизации как клятвенную кровь из ладоней первооткрывателей планет – когда империя была Империей и занимала вселенную от одних гиперврат до других... Наши императоры были солдатами и все еще остаются солдатами, но империя, в которую входит галактическая сеть звезд в ее зубах, учится также произносить наши стихи на тысяче языков. Император может быть солдатом на поле переговоров и числиться среди наших самых выдающихся яотлеков. Потому что в последние века, которые близко подходят к нынешнему времени, Тейкскалаан правит в той же мере посредством слов, что и дел. Так это было при императоре Двенадцать Солнечной Вспышке, чья жизнь началась в Городе, втором ребенке ее предка Двенадцать Восхода, любимого советника императора Один Лаписа...

Тайная история императоров, 18-е издание, адаптированное для начальной школы

[...] рассмотрев последний отчет о состоянии эвакуационной процедуры Станции, включая и уровень подготовки жителей по быстрому развертыванию спасательных средств, линий снабжения и емкости наружных поселений

шахтного типа при приеме беженцев, предлагаю рассмотреть варианты, которые я отверг бы прежде на основании того, что это является нагнетанием страха: если мы будем вынуждены оставить Станцию окончательно, то как мы построим новую такого же размера, прежде чем иссякнут ресурсы для поддержания тридцати тысяч жителей в диаспоре? И где мы должны будем строить, если оставим Станцию в срочном порядке, избегая конфликта? Нижеследующая записка – это первоначальный список недостающих материалов...

***Внутренний исследовательский меморандум, адресованный Советнику по гидропонике, составлен аналитиком по жизнеобеспечению III Аджактс Керакел и командой, 67.1.1-19А
(Тейкскалаанское летоисчисление)***

«Ну, хорошо, – сказала Махит своему имаго, а потом задала прямой вопрос, мысленно скрежеща зубами: – Чего такого я не знаю о Дарце Тараце, что я должна знать?»

Она удалилась из ангара в свою спальную капсулу. Здесь было тихо, все углы сглажены, как в интимной приватности внутреннего ландшафта, который делят между собой имаго и преемник. Иногда она представляла себе это пространство комнатой, порой комнатой с неожиданными зеркалами. Она обнаружила, что разговор с имаго дается ей легче на тейкскалаанском, и не испытала особенного сожаления по этому поводу.

Не то чтобы говорить об этом было легко. Искандр был

химерой, призраком – имаго не представлял собой отдельную персону, но иногда Махит казалось, что она делится собой с могущественным, замкнутым чужеродцем. Вот и теперь прямой вопрос не принес ей никакой пользы: голоса Искандра в ответ она не услышала, всего лишь мерцание визуального воспоминания – руки на столе, серо-коричневые выступающие вены доходят до костяшек пальцев, отражение звезд сквозь окно Станции. Оно растворялось, стоило приглядеться внимательнее – имаго-память не всегда оказывалась доступной, в лучшем случае она была ассоциативной, не похожей на ее собственные живые воспоминания. Она могла вернуться в воспоминания Искандра и вытащить оттуда Дарца Тараца, как голографилем. Единственной переадресацией, которая работала таким образом, была переадресация накопленного опыта. Язык, декор, то, как она могла теперь решать дифференциальные уравнения с частными производными – потому что Искандр знал, как это делается, – матричная алгебра, шифры, основанные на том и на другом...

Но если он не хотел помогать и замолкал, она пугалась. Каждый раз. Она так отчаянно боялась оставаться одной, снова сломанной, пугалась этого ужасного червяка в самой ее сердцевине, боялась, что не было никакого намеренного повреждения имаго, что она просто сама сломалась, оказалась губительной для своего имаго, никогда не была с ним совместима, не была его наследником по праву...

<Бога ради, прекрати>, – сказал Искандр, и Махит шумно

выдохнула весь воздух из груди, складываясь пополам.

«Ты тоже мог бы перестать пугать меня».

«Это маловероятно, с учетом обстоятельств, нашей истории и продолжающейся неправомерной природы нашей связи в имаго-цепочке. Я уж не говорю о Дарце Тараце».

Махит не собиралась покупаться на наживку и начать восхищаться собой, получать удовольствие от ироничной и злобной разновидости юмора в его понимании, в особенности теперь, когда ей очень, очень было нужно, чтобы он перестал валять дурака и поделился с ней информацией, которой владел.

«Что ты сделал, Искандр? Вероятно, затеял бунт» – фрагмент воспоминания, ее первый час на Тейкскалаанской земле, когда она знала только границы того, насколько лселский посол может отклоняться от принятых норм.

«Выкладывай, Искандр, – приказала она. – Дарц Тарац, советник по шахтерам, который спас нас и эту станцию, пошлав мне координаты об инородцах, уничтожающих корабли, чтобы я передала это Тейкскалаану в обмен на нашу свободу. Это ведь твой патрон, как говорят абсолютно все, включая тебя самого. Давай уже, делись. Или, по крайней мере, дай мне посмотреть».

«Ты же знаешь, оно – мы – так не работает».

«Знаю. Дай мне посмотреть».

Комната с зеркалами, существовавшая в ее разуме, раскрылась, как цветок, поплыла по какому-то украшенному

драгоценностями бассейну во Дворце-Восток с голубыми лестницами, словно тонущими.

Никакой связующей нити памяти – никакого существования в личине Искандра, которое она ощущала вспышками под воздействием успокоительных средств и лазерного ножа, когда на место ее поврежденной имаго-машины устанавливали другую с тем же имаго, но старше. Не нарратив, передача изображения. Длительное знакомство с человеком, коим может быть антагонистичная дружба на расстоянии, осуществляемая через межпланетарные пространства. Они обменивались письмами, Искандр Агавн и Дарц Тарац, около двадцати лет, писали тем же шифром, на котором Тарац послал ей координаты инопланетного вторжения. Так долго обращаться в темноту к тому, кто тебе не нравится...

<Он нравился мне. Иногда>.

Он нравился Искандру в момент получения нового письма, нравился в предвкушении вызова, который будет брошен ему, в предвкушении удивления и необходимости сообразить, как ответить, как сохранить в тайне свои истинные намерения в Тейкскалаане. Нравилась Искандру и дерзость планов Дарца Тараца, равенство революционных мыслей, которое он находил в этой долгой, неторопливой переписке. Ему нравилось быть достаточно полезным для своего патрона на Лселе, быть частью его мечтаний о будущем Тейкскалаана, а также о будущем самого Искандра...

Махит так еще и не добралась до сути. Умолчание, пусто-

та. Утопание в синеве разворачивающегося ужаса, чего-то неразрешимого умственно, что было, возможно, всего лишь нежеланием Искандра показывать ей, каким, по представлениям Дарца Тараца, было будущее. А может быть, он не хотел показывать, как любил императора Шесть Путь за его разум и его тело – или, в конце концов, касаться своей преданности Лселу. Все это – все *его* – теперь должно было быть отдано. Она сосредоточилась, мысленно нажала – внутреннее давление, нечто вроде попытки вспомнить ритм стихотворения, порядок написания черточек символического знака, который она видела всего один раз, специальное слово в тейкскалаанском для ибиса, этой длинноногой птицы, которая опускала тонкие ноги в воду бассейнов Дворца-Восток, повреждая лотосы, та же синева...

Неприятные, колющие ощущения в ее локтевых нервах не были онемением или электрическим ожогом, они были фактической болью. «Идиопатия, – думала она, подавляя раздражающий шумок, – идиопатия и психосоматия, и, вероятно, дальше будет хуже, у нас вечно происходит что-то неприятное. Искандр...»

Руки она ощущала бесформенными, беспальными комками, словно боль сделала их невидимыми, бесчувственными.

Синева в стакане. Алкоголь с голубоватой окраской – <Джин, – донесся издалека голос Искандра, – голубизна происходит от цветка зеленого горошка в дистилляте, мена с этим познакомила Девятнадцать Тесло> – и самые пер-

вые проблески утреннего света, зачатки восхода пробиваются сквозь стекло, свет падает на зашифрованные письма Тараца. Искандр в своих – *их* – апартаментах в Городе. Ощущение удара безо всякой физической причины, эмоциональный тумак, мир – Империя – неожиданно дестабилизируется, и Искандр роняет стакан, разливая повсюду синеву, острые осколки стекла и запах можжевельника, поднимающийся тошнотворным ароматом.

«Тебе известно, что я лоббировал твоё назначение послом, потому что знал: ты будешь вести себя так, чтобы у Тейкскалаана возникла потребность в тебе, чтобы он тебе доверял, любил тебя, а через тебя – нас, – писал Тарац. – Но, возможно, тебе так и не удалось понять, зачем мне понадобилась столь ужасная вещь, как сосредоточение имперского желания на нашей Станции или на её представителе. Существует ли лучший способ приблизить нечто чудовищное к гибели, чем использовать его функции против него же самого? Тейкскалаан *хочет*; его доверие коренится в желании; и вот таким способом мы с тобой его уничтожим».

Слова были слишком прозрачны, чтобы быть органической памятью – они были высечены, слова, которые Искандр повторял, перечитывал, обдумывал так часто, что они стали частью его внутреннего нарратива. Были ли они на самом деле словами Тараца, не имело значения. Они были историей, которую Искандр рассказал себе, запомнились как правдивые слова, были связаны запахом, цветом и теперь стали

и ее воспоминанием, настолько же правдивым для нее, как и для ее имаго, живым воспоминанием чувства и образа.

Махит очень осторожно, словно касаясь языком раны, позволила себе задуматься: какая часть этих слов заставила Искандра отшатнуться и уронить свой стакан с джином? Слова «приблизить нечто чудовищное к его гибели» зацепили ее, вонзились колючкой в ее губу – эта фраза, которая может ранить.

<Это>, – сказал Искандр, вспышка мысли настолько близкая к ее собственной, что она больше походила на подтверждение, чем что-либо чужое или несовместимое. <Это, и «его доверие коренится в желании» – я знал, что делаю с Шесть Путем, но услышать это, облаченное в откровенные слова...>

«Услышать, что нет ничего из вашей любви друг к другу, очевидно».

<Человек делает вид, – пробормотал Искандр. – *Варвар* делает вид, что цивилизация может расти в ранние утренние часы между двумя людьми>.

Махит вообразила это, цивилизация – человечество – расцветает, как крохотные цветы между ртами в темноте, губами, которые целуют, говорят, строят. По-тейкскалаански это звучало великолепно.

«Ты мог бы стать поэтом, если бы не умер...»

<Нет. Ты бы могла, если бы до тебя посланцем не был я>.

Это жалило. Она отерла слезы с глаз тыльной стороной од-

ной онемевшей, болящей руки. И с каких это пор она начала плакать?.. Она словно прикоснулась к лицу рукавицей. Но боль была меньше, чем прежде, что давало некоторое утешение. Она старалась дышать медленно, обеспечивать ровный приток кислорода.

«Ты знал? – спросила она после долгой паузы. – Хотя бы подозревал, что советник по шахтерам использовал тебя как наживку, чтобы втянуть Тейкскалаан в войну, которую сегодня ведет Империя? Использовал тебя – и всю станцию вместе с тобой?»

Махит не получила прямого ответа; она получила эмоциональный эквивалент дрожи, постыдное чувство уклонения, необходимости думать о чем-то другом. Она получила это и приняла за «да», а еще за «хотел бы я этого не понять». Тишина в ее капсуле казалась пустой, угнетающе мрачной. Она способствовала началу этой войны, делала это из отчаяния и нужды, делала именно то, что Тарац всегда хотел от Искандра, то, от чего он всегда отказывался. Тягостное чувство вины поднималось по ее пищеводу. Неудивительно, что Искандр не хотел делиться этим с ней. Неудивительно, что у нее так сильно болели руки.

Сдавшись, с очень далекого расстояния, он сказал:

«Он хотел – полагаю, до сих пор хочет, – чтобы мы, станциосельники, были свободными. Это всегда стояло у него на первом месте. Попытка придумать нечто такое, чтобы мы сделались свободными, как если бы Двенадцать Солнечная

Вспышка вообще никогда не находила нас».

Махит попыталась вообразить, какой была бы станция Лсел, если бы тейкскалаанский император Двенадцать Солнечная Вспышка вообще никогда не нашла гиперврат, через которые проникла в этот сектор космического пространства. Если бы о том открытии не был написан исторический эпос автором, звавшимся Псевдо-Тринадцать Река, а Махит никогда бы не прочла этот эпос на занятиях по языку и не цитировала его имперским подданным, чтобы показать свою образованность. Обреченная на провал попытка. Она бы просто *не существовала*. Не было бы никакого созвездия эндокринной реакции и непрерывности памяти, в которых была бы хоть капля сходства с Махит Дзмаре. Подвиг воображения, который пытался совершить Тарац, был... другого эпитета кроме «героический» не подобрать.

Как события из какой-нибудь тейкскалаанской эпической поэмы – настолько героическим он был.

Махит рассмеялась, издав грубый звук, который перешел в кашель. Она закашлялась до слез и чуть не задохнулась в собственных нелепых жидкостях. Она вообще не была способна представить мир без Империи. Она думала по-тейкскалаански, метафорами имперского стиля и избыточными определениями. Весь этот разговор с имаго состоялся на их языке.

Она специально подумала на языке Станции: «Мы не свободны».

<Нет никакой чертовой свободы>, – на том же языке согласился с ней Искандр.

* * *

Человека внутри Дворца-Земля можно было увидеть тремя способами. Обычный способ, когда Восемь Антидот находился где-то с другими людьми и они смотрели на него глазами или через облачную привязку. При желании ему хорошо удавалось избегать обычного способа, помогало то, что он никогда не жил в других местах. Большинство персонала Ее Великолепия Девятнадцать Тесло пришло из Дворца-Восток и даже теперь, два месяца спустя, все еще плохо ориентировалось в коридорах. Помогало ему и то, что он был маленьким и, помимо ярко-золотой, красной и серой одежды, которой был полон его гардероб, туника и брюки, используемые им в повседневности, были пошиты из светло-серого материала, незаметного для глаза. Ему все время удавалось оставаться невидимым.

Но были и два других способа, и он пока не сообразил, как с ними справиться. Были Глаза Города с камерами слежения, местным трекингом, и ко всем ним имели доступ Солнечные, которые осуществляли перекрестную сверку любых ошибок, благодаря чему император каждую минуту точно знала, где он находится. Восемь Антидот как-то раз проверил свою одежду, нет ли на ней трекингового жучка, но ни-

чего похожего не нашел и почувствовал себя полным дураком: трекинг локации был алгоритмическим. Он узнал об этом от одного из своих тьюторов, одного из многих, присланных ему министром Восемь Петлей из Судебного ведомства – будто экономист был одним из подарков, о которых может мечтать ребенок. Город отслеживал его по изображению и местонахождению его облачной привязки, а также определял, где он *будет*, если на минуту терялся из виду. Эти данные были и в самом деле точны, он произвел математический подсчет для того же тьютора. Большую часть подсчета – некоторая часть все еще оставалась слишком трудной для него, он таких уравнений никогда не видел.

Третий способ *увидеть* человека был самым хитроумным. Человек становится видимым, когда задает вопросы, позволяя другому – обычно какому-нибудь взрослому – заглянуть ему в голову. А лицо, задавать вопросы которому было опаснее всего, звалось император Девятнадцать Тесло – и скорее всего, она использовала эти вопросы для того, чтобы понять, какие мысли в голове у Восемь Антидота, хотя сам он никогда свои мысли не озвучивал.

Выходило, что ему необходимо спросить ее о Каураанской кампании. Никто другой не сказал бы ему правду или сказал бы ему что-то, похожее на правду, но, по сути, отклонившееся от нее, как дерево, растущее у стены здания, где ему во все не место. Дерево, у которого такой вид, будто можно повиснуть на его ветвях и покачаться, но если попробуешь, вся

стена обрушится на тебя вместе с деревом.

Он пока не достиг успеха в том, чтобы прятать свои мысли при беседе без предварительной подготовки, это определено было правдой, и ничуть не утешительной. Правда вообще редко бывает утешением. И все же размышлять было полезно: даже если император знала, почему он задает вопросы, он учился на своих ошибках и в следующий раз действовал тоньше. Ему требовалась учеба. Ему уже стукнуло одиннадцать, а некоторым кадетам в министерстве войны едва перевалило за четырнадцать, и у них были обязанности, так что ему оставалось всего три года подождать, и он станет не кадетом, а наследником Империи. Или у него не будет трех лет, чтобы подготовиться.

Император находилась в Большом зале, как и обычно в середине дня: принимала представителей общественности и петиции, как это делал Шесть Путь до нее, иногда делала официальные заявления, а раз или два в неделю Восемь Антидот по просьбе императора садился у ее лучезарного солнцетрона копий и слушал просьбы, обращенные к ней. «Смотри, – говорила она. – Смотри, кто приходит просить о помощи, а кто нет». Сегодняшний день был не по расписанию. Сегодня он тихонько проскользнул в Большой зал в своей серой одежде и мягких туфлях – кроме него все остальное здесь сияло и имело узоры. Одежания императора отливали золотом и белизной, слои материи, стрелки отворотов перекликались со стрелками на троне, она говорила с каким-то

икспланатлем в маково-красном одеянии – в цвете врачей и ученых от медицины. «Красное для крови и облегчения боли» – гласили стихи в детской песенке о разных служителях дворца, а мелодия была слишком запоминающейся и чрезмерно веселой, по мнению Восемь Антидота. Он недоумевал, о чем Император собирается говорить с врачами или что они могут сказать ей.

Она была молода, не как его император-предок, который был при смерти и все время говорил с икспланатлем. Ей точно не нужен медик – и долго еще не понадобится.

Он подобрался поближе. Глаза Города, конечно, засекли его, но в этот момент он не пытался их обмануть; он просто хотел спокойствия. Он прижался спиной к стене и принялся раскачиваться из стороны в сторону между веерными сводами крыши, уходящими в пол. Он сидел там в тени, скрестив ноги. Серое, как тень, более темное пятно на плиточном полу, которого и нет здесь вовсе – только для того, чтобы слушать.

– ...узнайте, – прозвучал голос Девятнадцать Тесло. – Я не хочу слышать ваши предположения о том, что эта женщина умерла во время пожара в магазине Беллтаун-Два, потому что при ней было взрывное устройство, которое взорвалось раньше времени. Мне нужна ваша уверенность, и я хочу знать, кем она была. Было ли это ее устройство, предназначалось ли оно кому-то другому, или у нее вообще не было никакого взрывного устройства и она просто оказалась не

в том месте и не в то время.

У икспанатлей был несчастный вид – они смотрели друг на друга, словно оба пытались перестать быть обязанными говорить императору слова, которые та не желает слушать. Наконец женщина с лежащей на спине тройной косичкой пепельно-каштановых волос, тусклых на ярко-красной материи ее формы, сделала шаг вперед.

– Мы бы никогда не пришли, не закончив расследования, – сказала она, – если бы на том, что осталось от лица этой женщины, не сохранился отпечаток антиимператорского постера, одного из тех, что были повсюду в Городе перед недавними... *трудностями*, Ваше Великолепие.

Восемь Антидот мог отличить, когда Девятнадцать Тесло обращает внимание, потому что ей интересно, а не потому что обязана. Она вела себя так, что весь воздух вышел из помещения, даже такого большого, как это. Ее пальцы постукивали по подлокотнику трона – один, два, три, четыре, пять, – а потом снова замирали.

– Постер с изуродованным боевым флагом? – спросила она.

Икспанатль оторвала взгляд от руки императора, перевела на ее лицо. Кивнула.

– Постер был приклеен к ее лицу тем же клеем, которым их приклеивали к стенам.

– После смерти.

– Да, Ваше Великолепие. Кто-то прилепил этот постер

к трупу. До прибытия следователей.

– И нет визуальных записей этого таинственного осквернителя лиц трупов?

– Огонь уничтожил ближайший городской глаз, и...

Девятнадцать Тесло махнула рукой, прерывая ее.

– Отправляйтесь с этим в судебное ведомство. Что касается трупа, все дальнейшие действия должны проводиться на их территории, – сказала она. – К тому времени, когда вы туда придете, министр юстиции будет ждать вас. Скажите Восемь Петле то, что сейчас сказали мне. Тейкскалаан глубоко ценит вашу озабоченность и экспертизу.

Удаление этих людей от лучезарного солнцетрона копий было похоже на попытку космического корабля сойти с орбиты – для этого требовалось усилие. Восемь Антидот никогда не чувствовал подобной силы тяготения. Вероятно, это объяснялось тем, что он принадлежал этому месту, а они – нет.

– Восемь Антидот, можешь выйти из тени, – сказала император, и Восемь Антидот вздохнул.

Было бы хорошо, не будь у Девятнадцать Тесло такого острого глаза. Но это сделало бы ее менее хорошим императором. Об этом говорила вся известная ему поэзия: императоры видели весь Тейкскалаан, весь сразу, так почему они не могут увидеть одиннадцатилетнего парнишку в углу? Он поднялся и подошел к трону, размышляя: «Когда я стану императором, я тоже буду видеть?», но потом решил не думать

об этом сейчас. Он не этот вопрос хотел задать.

Не хотел он и спрашивать: «Что, кого-то убили?», но именно этот вопрос сорвался с его языка.

– К несчастью, людей все время убивают, – сказала император, и это прозвучало снисходительно. Это Восемь Антидот знал. Он уже не был ребенком.

– Большинство убийств не заканчиваются беседой трех судебно-медицинских экспертов с императором о трупe, – сказал он.

– Верно, – ответила ему император, ее широко раскрытые глаза улыбались. Восемь Антидот не верил ей, не знал ее на самом деле, но предок-император любил ее в достаточной мере, чтобы сделать владелицей лучезарного солнцетрона копий. Об этом стоило вспомнить, когда она улыбнулась ему, и у него возникло чувство, что он ничуть не против того, чтобы его видели так, как видят сейчас.

– Подойди сюда и сядь, маленький шпион, ты так или иначе уже все слышал, – она похлопала ладонью по широкому подлокотнику трона.

«Маленький шпион» и вполнину не воспринималось так приятно, как Эликсир, но зато было честнее. Восемь Антидот, подобно дворцовому певчему, уселся на подлокотник трона, словно специально приспособленный для этого – ширины вполне хватало, а еще одно удобство заключалось в том, что подлокотник можно было мигом покинуть. Сидя там, он посмотрел на Ее Великолепие, подождал, стараясь,

насколько это было в его силах, не допускать на лице никакого выражения.

– ...ты так похож на него, что даже эти твои вечные игры в прятки действуют на меня чуть ли не благотворно, – сказала император, и Восемь Антидот почувствовал прилив удовольствия: как же, она реагировала на него. Он знал, что походил на Шесть Путь. Знал, что еще больше будет похож на своего мертвого предка, когда станет постарше, и если будет немного наклонять голову направо, поднимать подбородок, скидывать брови...

...Девятнадцать Тесло отпрянула от него на дюйм, но тут же поймала себя на этом движении и замерла. «Интересно».

– Моему предку-императору пришлось бы сильно постараться, чтобы его стало не видно, – сказал он. – И вам тоже. Этот трон очень большой.

– Это очень большая империя, маленький шпион, – сказала Девятнадцать Тесло и откинулась на спинку трона. Восемь Антидот задумался, удобно ли здесь сидеть, если у тебя достаточно длинные ноги. Сидеть на троне, имея ноги одиннадцатилетнего мальчика, было не слишком удобно, он уже пробовал. Но у Девятнадцать Тесло вид был такой, будто она всю жизнь просидела на этом троне: солнечный венец с лучами-колючками, как императорская корона позади нее, цвета серого металла и золота. Как выглядел Шесть Путь. Как пилот, запечатленный на корабле...

– Я хотел спросить у вас кое-что, – сказал он, понимая,

что, задав сейчас свой вопрос, он раскроет, чему учил его Одиннадцать Лавр в министерстве войны. И тогда его тайное обучение прекратится, оно станет таким, как и все остальное. Станет просто частью его жизни, его жизни внутри дворца. Внутри его жизни.

Девятнадцать Тесло из глубин своего трона сказала:

– Я попытаюсь ответить.

– А что вам может помешать?

– Спрашивай, – сказала император, – и узнаешь.

Восемь Антидот вздохнул, продолжая сидеть на подлокотнике трона, втянул воздух через нос, согнулся в пояснице так, что его локти легли на колени, подбородок уперся в ладони.

– Почему вы выбрали капитана Флота Девять Гибискус на должность яотлека, Ваше Великолепие?

– Какой очаровательный вопрос. Ты думаешь о том, чтобы проводить свое время во Флоте?

Он не исключал этого. Он не думал об этом вслух, только в голове, где эта мысль могла обратиться в реальное желание, что-то такое, о чем можно спросить, но не получить. Но – может быть. Он постарается. Он же мог решать картографические пазлы, которые ему задавал Одиннадцать Лавр, даже самые трудные.

– Я еще слишком маленький, – сказал он.

– Это, насколько я понимаю, ненадолго, – сказала Девятнадцать Тесло, и это явно показалось ей забавным, в отли-

чие от Восемь Антидота. – Так что тебя интересует в связи с Девять Гибискус?

Он мог бы солгать.

Но тогда он не получит ответа на свой вопрос.

– Заместитель министра Одиннадцать Лавр говорит, что вы отправили ее умирать за Тейкскалаан. Как можно скорее. Девятнадцать Тесло чмокнула губами, задумалась.

– Откровенно говоря, – сказала она, – я бы предпочла, чтобы она вовсе не умирала быстро, если уж ее судьба умереть за нас.

На самом деле это не было ответом. Он попробовал еще раз.

– Это все из-за Каураана? То, что вы ее выбрали? – Еще один выданный секрет. Одиннадцать Лавр, наверное, теперь перестанет его любить, перестанет говорить важные вещи, если он все это собирается выбалтывать императору.

Император, не вставая с трона, протянула руку, теплой тяжестью положила ее на плечо Восемь Антидота. На ее руке были мозоли. Он знал истории про нее, о том, как она была солдатом, как встретила его предка-императора во время одной наземной кампании, когда они сражались шок-тростями и снарядами. На одной из планет, в грязи.

– Да, – сказала она. – Но не потому что считала ее слишком опасной, чтобы оставлять живой, маленький шпион. А потому что полагала, что, оставаясь живой, она может быть опасной.

К тому времени, когда Три Саргасс добралась до своей шестой по счету реквизированной правительством пассажирской полки, ее форма специального уполномоченного была уже упакована, а она сама облачилась в дорогой и неудобный космический комбинезон из черной шерсти, в котором выглядела обладательницей кучи денег и совершенно иного культурного бэкграунда, чем тот, который имела на самом деле. Она уже перелетела через шесть разных гиперврат на шести разных кораблях, и не один из этих кораблей не был приспособлен для комфортного полета пассажиров. Если она не надевала прилагавшийся к комбинезону жакет на шести молниях, немалая часть ее груди оставалась открытой. Она приобрела комбинезон во время остановки – пятой по счету – на Эскер-1, планете на Западной дуге, где она не бывала прежде: здесь обитало множество богатых семей, занимавшихся экспортно-импортными операциями, вроде той, из которой происходил Тридцать Шпорник, недавно пониженный в должности с высот до специального советника по торговле из-за попытки переворота. Эскер-1 осуществляла торговлю, а также хоровое пение, к которому Три Саргасс необъяснимым образом прониклась любовью. К хоровому пению – не к торговле, торговля была делом легким. Торговля позволила ей приобрести комбинезоны у на-

следника одной сказочно богатой семьи импортеров и сестра на корабль, стартовавший с планеты в одно место, в котором не следовало бы находиться имеющему хорошую репутацию работнику министерства информации, если только ее не отравили туда в командировку.

Эскер-1 располагалась в системе между тремя гипервратами, в двух из которых наблюдался довольно оживленный трафик в пространство Тейкскалаана и из него, а через третьи вас могли подбросить в какую-нибудь глухомань – до планетной системы, которую кто-то из императоров не поленился завоевать, но удовлетворился тем, что дал согласие на ее частичное присоединение к конфедерации Верашк-Талай... Система эта находилась в четырех днях пути на досветовых скоростях от тыльной стороны Анхамематских Врат или – в чем Три Саргасс была почти абсолютно уверена – сама представляла тыльную сторону Анхамематских Врат. Глухомань – вот куда попала Три Саргасс, и она с головокружительной тоской чувствовала, что и в самом деле покинула надлежащим образом упорядоченную и предсказуемую вселенную.

Возможно, дело было в количестве гиперврат, через которые она пролетела за три дня. Она никогда не перелетала через столько врат за такой короткий период времени и никак не могла выкинуть из головы давно избалованные во лжи таблоидные статьи, опубликованные пол-индикта назад. В этих статьях утверждалось, что частые перелеты через ги-

перврата калечат генетику и могут являться канцерогеном.

Может быть, дело еще и в том, что если Три Саргасс и покидала Город – для обязательного полета на отдаленный пограничный пост, как и всякий прилежный кадет-асекрета, который хотел получать только отличные оценки за свою учебную жизнь, – то за пределами Тейкскалаана никогда не была. За пределами мира. В местах, которые были *иными*. Где звезды восходили и садились по другим законами никто не склонялся над прижатыми друг к другу кончиками пальцев, говоря «привет», где слишком много людей улыбались, как Махит, одними зубами.

На помощь ей пришел этот нелепый комбинезон. Он позволял ей делать вид, будто она принадлежит к тому разряду людей, которым нравится здесь, в грязноватом, бедном ресурсами космопорту, наполненном варварами, ждущими подходящего корабля, чтобы выбраться из этой дыры. Не глубже в пространство Верашк-Талай – она, волей чертового случая, не разбирала их языков, хотя будучи кадетом прослушала обязательные шестимесячные курсы, но сдала экзамен и забыла все, что знала. Она специализировалась на политических вопросах и не собиралась становиться переговорщиком с маловраждебными в настоящее время правительствами. Ее нынешнее прискорбное владение верашкским или талайским ограничивалось умением задать вопрос о местонахождении уборной или сделать заказ в баре типа «одно большое пиво, пожалуйста» – скучающие кадеты

радостно выкрикивали эти фразы друг другу в коридорах.

Сейчас она заказала одно большое пиво и попыталась убедить инженера одного грузовика позволить ей забраться в трюм с тем грузом, который они доставляли в пространство станции. Каким бы ни был этот груз, корабль направлялся через обратные гиперврата и наверняка выкинул бы ее где-нибудь рядом со станцией Лсел. Через те самые гиперврата, через которые, как говорилось в разведданных, присланных Махит, сюда прибыли и те самые инородцы. Три Саргасс спрашивала себя, не боится ли этот инженер атаки инородцев или попадания в зону боевых действий. Может быть, и нет, но страх перед инородцами определенно мог быть причиной того, что Три Саргасс смогла найти только один корабль – больше никто не направлялся в края, куда ей нужно было попасть.

– Мне все равно, что у вас там в этих ящиках, – сказала она по-тейкскалаански. – Мне нужно попасть на ваш корабль, и только.

Инженер смотрела на нее с непроницаемым лицом. Не с вежливо-нейтральным, как это было свойственно тейкскалаанской цивилизации, а агрессивно-пустым.

– Путевой манифест выпущен только на груз, – сказала она, произнося слоги каждого слова подчеркнуто внятно. – Только на груз. Никаких лиц с планеты Эскер-1.

«Я не с Эскер-1, – подумала Саргасс, чувствуя крохотный водопад отчаяния внутри себя. – Я из министерства инфор-

мации». Но и это не могло ей помочь, только усугубило бы ситуацию. Если этот инженер не хочет брать богатого трейдера с Западной дуги, то уж агента министерства информации не возьмет тем более.

– Откуда я, не имеет значения, – попыталась она. – Важно то, куда я.

– Тут есть и другие грузовики. Идите – купите им пиво.

Другие грузовики и в самом деле были. Только ни один из них не летел этим маршрутом – на территорию Станции через выходные ворота. У нее ушло несколько часов, чтобы найти этот.

– Ваш грузовик самый быстрый и летит прямым курсом. – Три Саргасс попыталась изобразить улыбку станциосельника. Зубами. Проку от этого было мало – ее старания ничуть не тронули инженера. – Правда, я понятия не имею, что там в ваших ящиках, и знать не хочу. Я хочу, чтобы вы взяли меня через Анхамематские ворота.

– А что потом? – спросила инженер.

– А потом вы высадите меня вместе с грузом на станции Лсел.

– И что вы скажете таможенным агентам? Я думаю – нет. Я думаю, это плохая идея для вас и для нас.

Три Саргасс знала, как вести этот разговор в качестве агента министерства. Она знала, как вести это разговор на Эскер-1, где она была пассажиром из тейкскалаанского Города, а потому таинственной и интересной. Первое было

упражнением в социальном воздействии, второе – мошенничеством, слишком настойчивым, чтобы его игнорировать, и слишком скользким, чтобы ухватиться за него. Ни один из этих вариантов здесь не проходил. Ей всегда нравились чужаки, варвары. Но между «нравиться» и «уметь говорить» большая разница, а поэтому ей была нужна Махит...

У нее оставалась одна опция, хотя и сильно урезанная после приобретения ею этого нелепого комбинезона.

Она моргнула, принялась совершать микродвижения глазом за облачной привязкой и спроецировала на стол между собой и инженером мерцающую голограмму очень большого числа.

– Я думаю, идея вовсе не такая плохая, как вам кажется, – сказала она, – и мне нужен всего лишь адрес финансового института вашего грузовика, чтобы показать вам, почему... Может быть, у вас есть какие-либо долги, неуплаты за ремонт, о которых вы не хотели бы больше беспокоиться?

Лицо инженера впервые за время их разговора оживило. Она наморщила нос. Три Саргасс не была уверена, интерес это или же неудовольствие. Молчание продолжалось бесконечно. Три Саргасс подумала, что инженер беззвучно разговаривает со своим капитаном по частной линии, проверяет, будет ли достаточной названная сумма. Скорее всего, после этой операции Три Саргасс окажется на мели, а письма в министерства с просьбами пополнить ее кошелек вряд ли приведут к какому-нибудь результату. А если и приведут, то по

прошествии такой прорвы времени, что это вряд ли будет иметь значение. Может быть, она навсегда застрянет на этой планете черт знает где, и придется совершенствовать свой верашкский или талайский. Погружение в среду, конечно, поможет...

– Мы не будем нести за вас ответственность на Станции, – сказала, наконец, инженер. – И вы должны заплатить до того, как подниметесь на борт. Прямо сейчас.

* * *

Дарц Тарац пришел раньше нее и занял лучшее место в баре. На взгляд Искандра, он состарился и стал похожим на труп, – на ее взгляд, он всегда напоминал скелет. Выжженная под ноль оболочка человека, который первые десятилетия своей трудовой жизни провел на шахте астероида, а после этого стал политиком и все это время философски обосновывал разрушение империи и тихую революцию. Когда Махит его увидела, желудок дал знать о себе острым приступом тошноты, потом успокоился до состояния высшей боевой готовности, готовый в одно мгновение отреагировать на бедствие.

Она начинала думать, что это состояние уже становится для нее обычным, и эта мысль отнюдь не радовала.

Иногда она казалась себе Искандром по образу мыслей. В последнее время чаще, чем раньше.

Дарц Тарац сидел рядом с Декакел Ончу, и оба они допивали как минимум вторую порцию водки. Махит явно припозднилась.

Припозднилась и удивилась, поскольку ожидала увидеть здесь одну лишь Ончу – здесь, в том же самом баре их первой встречи; это было предложением советника в ответ на электронную записку, в которой Махит сообщала, что спросила своего имаго о Дарце Тараце. Дарц Тарац хотел, чтобы теперь война бушевала повсюду, кроме пространства вокруг Станции, и не соглашался использовать Лсел как наживку, чтобы отвлечь Тейкскалаан. Дарц Тарац, которому Искандр доверял больше, чем она, хотя она сделала то, что он хотел, а Искандр никогда этого не делал. Махит решила игнорировать все сигналы своей эндокринной системы, посылаемые на протяжении разговора, хотя и знала, что это решение непрактично и вряд ли физически осуществимо.

– Советники, – сказала она, садясь по другую сторону от Ончу, – вас вдвое больше, чем я предполагала увидеть.

– У Декакел вполне предсказуемые алкогольные привычки, Дзмаре, – сказал Тарац. – Если искать ее, то в этом баре, если при этом хочется поговорить с другом в менее формальной обстановке, чем офис советника. Я вижу, вы это уже и сами отметили.

Это была очевидная силовая игра – настолько очевидная, что Махит расстроилась на мгновение, почему это она не придумала чего-нибудь получше. Он назвал Декакел Ончу

по имени, намекая на давнюю и близкую дружбу между ними, а потом назвал Махит по фамилии и без титула, который все еще принадлежал ей по праву. Не было никакого посла в Тейкскалаане, спасшего станцию. Она была имаго-линией.

<Хватит уже игнорировать свои эндокринные реакции>.

«Заткнись, пожалуйста», – сказала она Искандру и помачала бармену.

– То же, что пьют советники, – сказала она, после чего повернулась к Тарацу и улыбнулась, испытывая некоторую злобную радость оттого, что ее оскаленные зубы будут теперь восприниматься как угроза, ведь такого рода улыбка во весь рот даже на Лселе была разновидностью угрозы. – Советник Ончу была настолько добра, что познакомила меня с лучшей водкой на Станции. Ну и пить с вами – одно удовольствие, советник.

Он был непроницаем. Ее это бесило – нет, не ее, а Искандра, двадцать лет его копившейся досады и соперничества с этим человеком. Он не ответил ей улыбкой.

– Вы вернулись домой из империи, – сказал он. Они говорили «через» Ончу, и та позволяла им, она лишь подалась назад, чтобы не быть препятствием. – Это необычно для вашей имаго-линии.

<Я остался в Тейкскалаане, *если ты не знаешь, что...*>

«Что ты совершил предательство, да, заткнись, мне нужно поговорить, и если я скажу то, что у тебя в голове, то мы оба будем в заднице, понял?»

Мурашки побежали у нее по спине – она почувствовала себя виноватой. Но Искандр исчез, отступил, и на мгновение Махит испытала ощущение пугающего одиночества. Пугающего ощущения *самой себя*, ее будто раздели донага на глазах толпы.

– Вы не знаете? – сказала она, продолжая улыбаться. – Мой имаго был поврежден. Кто знает, что я могу сделать. «Наследие» явно не знает.

Декакел Ончу рассмеялась и пододвинула Махит свой стакан – в нем еще оставалось полпорции водки, в которой плавали кубики льда, со звоном ударившиеся о стекло, что придало водке облачно-белый цвет.

– Расслабьтесь, – сказала она. – За Тарацем теперь должок – он поставит мне еще. Он поспорил со мной, что вы напуститесь на нас на манер Искандра Агавна, надменно и изворотливо. Я тебе говорила, Дарц, что она действует напрямик, когда ее загоняют в угол. И я была права, когда говорила о повреждении.

Махит взяла стакан, допила водку. Всю, вместе с кубиками льда, сделала это так быстро, что алкоголь обжег пищевод и ей едва удалось сдержать кашель. Когда стакан опустел, она, перевернув его вверх дном, поставила со стуком на стол. Стук получился достаточно громкий, чтобы придать ей уверенности в себе – чувства непотопляемости, полета.

– Советник, – сказала она, когда дыхание вернулось к ней. – Ваша коллега по пилотам посоветовала мне про-

консультироваться с моим имаго, прежде чем возвращаться к ней. Я так и сделала. И вот я здесь. «Наследие», вероятно, предпочло бы, чтобы наша встреча не состоялась, или, по меньшей мере, хотели бы заглянуть в мою черепную коробку. А как насчет вас?

Подошел бармен с водкой для Махит, но она отправила его к Ончу. Она играла, стукнув стаканом об стол. Играла в игру, кто тут сильнее. Она знала, что не она. Она допила водку Ончу, потому что попала в беду в «Наследии» и не знала, как выпутаться, но...

<Ну, мы так или иначе будем играть>, – пробормотал Искандр, и она с ним согласилась. Ончу приняла стакан без всяких слов.

Тарац протянул коричнево-серую руку, взял стакан, наклонил в одну, а потом в другую сторону.

– По зрелом размышлении, – сказал он, – я бы тоже хотел заглянуть к вам в черепную коробку. Если бы, конечно, мог увидеть мои собственные отчеты по вашей имаго-интеграции в сравнении с отчетами «Наследия». Интересно, что вы вернулись. Интересно, что вы сохраняете в достаточном для проверки состоянии вашу имаго-линию, невзирая на мнимое повреждение. Интересно, что вы после возвращения абсолютно ничем не занимали себя, хотя вам следовало бы сообщить кому-нибудь обо всех этих интригующих фактах.

Махит и глазом не моргнула. Ничуть. Нельзя было сказать, что она ничего не делала. Она пыталась вернуться

в свое нормальное состояние, вернуть себе ощущение собственного «я», образ жизни – любой жизни, – в которую вместились бы и станция Лсел и Тейкскалаан, два Искандра и одна она, каким бы все это ни было. Она, как ни крути, много думала, нарезая бессмысленные круги по станции, но ничего лучше не придумала. Физические движения пошли ей на пользу. Об этом речь шла и в психотерапевтических методиках, известных каждому ребенку на Лселе.

Она и глазом не моргнула.

– Что ж, значит, это увидит «Наследие», – сказала она.

Предложение. Если вы ничего не предпримете, ни один, ни другая, то Акнел Амнардбат разберет меня на части и я стану бесполезной для вас.

<Это больше похоже на прошение суду>.

<Мне и раньше везло с убежищами...>

<Это не Город. Тарац – не Девятнадцать Тесло>. Флэшбек: голубизна джина, темные руки Девятнадцать Тесло на ее (его) щеках, рисунок кожи на ее губах, вкус можжевельника. Запах можжевельника, когда Искандр узнал, что Тарац готов использовать Лсел как наживку, чтобы вовлечь Тейкскалаан в войну с некой силой, более крупной, чем станция.

Ончу задумчиво проговорила:

– Я некоторое время думала: может ли вообще «Наследие» легальным образом осуществить повреждение имаго-линии? С учетом того, что их компетенция в первую очередь – сохранять наши коллективные воспоминания.

Тарац кивнул ей.

– И каковы твои заключения, Декакел? Они же наверняка у тебя есть.

Махит он игнорировал полностью, и она не понимала почему.

– Мои заключения – не может, – сказала Декакел Ончу. – Но кто-нибудь из работников «Наследия» – даже его советник – безусловно может. Дарц, кто-то должен вырезать имаго-линию этой женщины и поместить в жесткий вакуум.

Против этого Махит ничуть не возражала. Может быть, пилоты помогут ей, если шахтеры не захотят – она теперь должна была найти способ показать свою огромную полезность, чтобы ее не отправили в заботливую хирургическую пасть аналитиков «Наследия», которые мгновенно поймут, что она осуществила незапланированную корректировку имаго-машины. А то и вовсе просто убьют на месте, чтобы скрыть таким образом повреждения, внесенные Амнардбат.

– Я согласен, – сказала Тарац. – Я знал ее предшественника, и он ни на что такое не пошел бы; а эта имаго-линия членов совета «Наследия» имеет протяженность в шесть поколений. Что-то пошло не так. Это... дело... с Дзmare – явление такого же порядка.

– Что касается меня, – сказала Махит с максимальными безразличием и невозмутимостью, какие ей удалось изобразить, – то я бы вообще не хотела иметь с «Наследием» никаких дел.

– Тогда вам следовало бы вернуться в Империю, – сказал Тарац, глядя ей прямо в глаза. Наконец-то он посмотрел ей в глаза.

– Вы потратили столько времени, чтобы убедить Искандра вернуться домой, – ответила она. – И вот я здесь.

Я здесь, вы прежде этого хотели.

Искандр огорченно пробормотал: <Он хотел, чтобы вернулся я и он мог бы мною управлять>. Желудок Махит реагировал так, будто она никогда в жизни не пила столько водки, сколько выпила сейчас, реагировал неторопливой, ползучей тошнотой. Было бы неплохо, будь этот эффект и правда от выпивки.

– Ваш имаго знает меня, – сказал Тарац, словно слышал слова Искандра с такой же четкостью, как она. – Вы сказали, что повреждения, которые вы чувствовали, были не столь сильны, чтобы вы утратили ощущение непрерывности, пусть и устаревшей, – я получил от него то, что хотел благодаря вашей хорошей работе. Если бы вы остались в Империи или пришли ко мне по возвращении и у вас было бы желание снова отправиться на прежнее место, я, возможно, и дальше нашел бы вам употребление.

Ей было нужно услышать эти слова от него. Произнесенные громко в этом баре, где полно пилотов, где кто-нибудь может его услышать.

– Что вы хотели от Искандра?

Карие глаза Дарца Тараца смотрели на нее самым ледя-

ным взглядом, какой Махит могла представить, карие, как пыль, как ржавчина в вакууме.

– Тейкскалаан начинает войну, – сказал он. – Прямо над нами. Через наши гиперврата постоянно проходят корабли, и ни один не останавливается здесь со своими легионерами, чтобы аннексировать эту Станцию.

– Долго это не продлится, – пробормотала Ончу. – Этот бесконечный поток.

– Это продлится долго, – сказал Тарац. – У них проблемы покруче, чем мы, и это весьма бодрит.

Махит сердито, отстраненно и холодно подумала, что Тарац слишком доволен собой, слишком доволен тем, *что* помог ей сделать в Городе. Он создал эту войну между Империей и более мощной, злобной силой за Дальними гипервратами, создал, чтобы иметь точку политического давления, ось, на которой можно провернуть кризис престолонаследия и одновременно отвлечь завоевательную войну от Станции. Он сделал все это, чтобы удовлетворить свое желание вовлечь Империю в разрушительный конфликт. Задуманное удалось, и эта мысль была ему слишком приятна, чтобы портить себе настроение, допуская вероятность правоты Ончу, которая говорила, что ни одна *сила*, будь то Тейкскалаан или инородцы, не оставит идею завоевывать богатыми ресурсами горнодобывающие станции.

– А как вы узнаете, не передумали ли они? – спросила она из чистой, аполитичной неприязни – если, конечно, о чем-

то, выходящем сейчас из ее рта, можно сказать, что в нем отсутствует политика. Империя явно изменила не только ее язык.

– По моим расчетам, у меня будет минут тридцать, чтобы поднять пилотов по тревоге, – сказала Декакел Ончу, – когда противник начнет расстреливать наши наиболее отдаленные горнодобывающие посты.

– До возвращения к нам Дзмаре, у нас, возможно, было бы более ясное представление о том, что происходит, даже из Города, – сказал Тарац.

В этом и была загвоздка, почему он не помогал ей, почему ему все равно, если Амнардбат убьет ее или разберет на части: он больше не знал, что происходит в голове у императора. Искандр Агавн был мертв, Махит Дзмаре вернулась домой, потерпев, как он это понимал, поражение. Был ли причинен вред ее имаго или нет, какой смысл в том, чтобы продемонстрировать особое к ней отношение и предлагать спасение?

– Я по-прежнему остаюсь послом в Тейкссалаане, – сказала она. Она не подала в отставку. Она взяла *отпуск*, просто длительный отпуск. Она пыталась вернуться домой.

<Ничего подобного>.

«Я знаю, знаю, но я хотела...»

Тарац пожал плечами – едва заметное усталое движение.

– Значит, остаетесь, хотя я сомневаюсь, что это продлится после вашего обследования в «Наследии».

– И тогда у вас вообще не будет глаз, никого, кто был бы знаком с новым императором и кто знает ее...

Даже ей самой собственный голос показался криком отчаяния. Но Тарац смотрел на нее, прямо в глаза, словно он она была куском молибденовой руды, чем-то, что можно поднести к свету и наблюдать отражающие грани. Она молчала. Заставила себя молчать.

– Вы правы, – сказал он наконец. – Вы к тому же довольно похожи на Искандра. Может быть, вы и есть Искандр в достаточной мере. – Еще одна пауза. Махит поймала себя на том, что ждет затаив дыхание. – Вы сделаете вот что, Махит Дзмаре: вы пойдете на запланированную встречу с Амнардбат и ее хирургами. Но там будут не ее хирурги. Хирурги будут мои.

Она затаила дыхание.

– Ваши? И что они сделают?

– Извлекут вашу имаго-машину, – сказал Дарц Тарац. – Фактически проверят ее на повреждения. И если машина пригодна к дальнейшему использованию, то установят ее в позвоночный столб нового посла в Тейкскалаане. Посла, которого выберу я и, возможно, Декакел. Какого-нибудь молодого человека, обладающего необходимыми способностями. Ваша имаго-машина определенно повреждена, Дзмаре, и самое главное, вы были выбором «Наследия». Лучше всего начать все заново.

На одно странное мгновение объективности Махит пока-

залось, что эта идея вовсе неплоха для нее. Прийти на обследование так, будто ей нечего скрывать; позволить Тарацу взять ее имаго-машину, все воспоминания двух Искандров и одной Махит. Полностью освободить ее от ответственности, от обязанностей представителя Лсела в Тейкскалаане, от необходимости изыскивать способ полюбить Тейкскалаан, будучи при этом станциосельником, и не задыхаться от этого. Стать свободной.

«Нет никакой чертовой свободы». На сей раз это был ее голос, не Искандра. Та же тональность. Подтверждение неясности.

– А что произойдет со мной в этом гипотетическом сценарии? – спросила она.

– Близится экзамен по проверке способностей, – сказал Тарац. – Пройдите его заново. Для новой имаго-линии или для чего угодно, что вам по душе. Вы вернулись на Станцию, так будьте же станциосельником. А все, что вы сделали и запомнили, будет навечно вписано в имаго-линию послгов.

Такого рода предложения делались людям, у которых обнаруживалась несовместимость с имаго, чья гендерная идентичность была сильнее, чем они думали, а потому межгендерная совместимость памяти оказывалась невыносимой. Или людям, которые были очень близки к сети отношений, накопленных их предшественником, и они не могли понять, как ориентироваться во всем этом без эмоционального урона. Или тем, чья имаго-линия была настолько весомой и про-

тяженной, что они не могли достаточно быстро интегрироваться и в стрессовых ситуациях ломались. Такой оказалась одна из ровесниц Махит. Инженер по гидропонике, которая получила имаго протяженностью памяти в тринадцать поколений. Она имела наивысшие оценки способностей в системном мышлении и станционной биологии, но просто разрушилась под таким гнетом. Через две недели ее лишили линии и позволили пересдать на способности через год.

Махит не знала, где та оказалась в конечном счете.

Предложение Дарца было плохим.

Она и вообразить не могла жизни без Искандра. Она не знала, насколько сильно – или слабо – они интегрированы, насколько силен ущерб повреждения; не знала, что останется от нее, если эту имаго-машину извлекут из ее черепа, как Пять Портик извлекла ту, прежнюю. Не говоря уже о несчастном, глупом парне, который получит гибрид из трех имаго – из двойной порции Искандра и одинарной того, что осталось от самой Махит, а также первого из их линии, переговорщика Тсагкел Амбак, которая существовала главным образом в виде чувства.

<Я бы утонул в нас>, – сказал какой-то из Искандров, а может быть, сразу оба – молодой и старый. Подобие общего страха, инстинкт самосохранения сущности, которой они были, все вместе.

К тому же она не доверяла Дарцу Тарацу, не верила, что он и в самом деле сделает то, что говорит. Она придет в ме-

дицинское отделение «Наследия», ляжет на операционный стол, а там в конечном счете все окажутся людьми Амнардбат. И что тогда? Тарац и Ончу – оба смотрели на нее. Она не знала, что написано на ее лице. Оно онемело, одеревенело.

– Не знаю, что сказать, – сказала она, потому что и в самом деле не знала.

– Я мог бы предложить вам место на одной из горных станций, – сказал Тарац. – Но это было бы расточительством, если только вы в области операционного и финансового анализа не превосходите обычного дипломатического работника.

– Амнардбат отозвала бы меня, – сказала Махит, потому что так оно и случилось бы. А еще потому, что не хотела жить *человеком Тараца*, который смог сохраниться благодаря его стараниям и получил место на астероидной станции, где его не видно и не слышно. Но какой выбор у нее был?

– Да, она бы это сделала, – сказал Тарац и замолчал.

Все предложения были плохими, и если Махит отвергнет все, то останется ни с чем. Она подала знак бармену. Если заказать еще водки, может быть, у нее будет шанс подумать и она сможет предложить что-то – что-то такое, в чем разбирается только *она*, что не будет сохранено в имаго-линии...

<Предложи ему меня, – сказал Искандр. – Те пятнадцать моих лет, что я отказывал ему. Скажи ему, что нас двое – два Искандра. И что я буду говорить с ним>.

Махат открыла рот.

На пилотской палубе Станции вдруг разом заработала вся

тревожная сигнализация опасного сближения.

Интерлюдия

Рассмотрим виды использования мяса.

В качестве еды: мясо, которое взрывается на наших языках, вкус крови и структура сопутствующих мясных волокон, тауриновый привкус и высокое содержание путресцина. Тело требует мяса, потому что тело и есть мясо, и мы под песни наслаждаемся не только созданием звездолетов и городов, исследованиями естественных процессов и разными версиями песен, но и простыми радостями принятия питательных веществ, энергией, вкусом.

Утилизация: некоторые тела в помете не пригодны для превращения в личности, и в конечном счете все тела стареют и прекращают существование. Но ничто созданное не теряется в пении общего «*мы*»: все тела, которые не являются личностями или перестали быть личностями, перерабатываются и снова используются, разделяются на компоненты, должным образом потребляются.

Навыки: все тела есть мясо; мясо, генетика и опыт каждого тела создают навыки. Рассматривать использование мяса таким образом есть приглашение рассматривать скорбь. Все тела стареют или получают неизлечимые повреждения и перестают быть голосом гармонии; познать потерю голоса значит познать скорбь, нужду, перейти от пения к стенаниям.

Но рассмотрение вариантов использования *этого* мяса –

дело методологически сложное. Этот тип мяса существует в двух разновидностях тел, их аккуратно извлекают из звездолетов, как клешня извлекает устрицу из раковины. Два тела не дали единого «мы» одновременно, хотя и произошли из одинаковой разновидности звездолетов. Звездолетов, которые происходят из войд-дома, построенного мясом по другую сторону гиперврат, ближайших к далекому от центра земля-дому «мы».

Они не личности.

Они *мыслят языком*.

Но реагируют они так, как если бы были личностями. Все время повторяется одна и та же последовательность: но только в том, как они летают на своих звездолетах, в их понимании вектора и тяги. Во всем остальном они не личности, они не слышат пения «мы», они только пища и навык. Кроме названной закономерности. Кроме пилотирования.

По прошествии некоторого времени они уже больше не навык, они только пища. Мы, *поющие*, размышляем: не принесет ли их вкус в нашу гармонию эту уникальную закономерность, является ли их вкус всего лишь вкусом, и это большая загадка.

* * *

Акнел Амнардбат проводит в одиночестве больше времени, чем следовало бы, и сама об этом прекрасно знает. Ведь

она в конечном счете советник «Наследия», у нее есть шесть голосов других советников «Наследия», вторящих ей за компанию по имаго-линии, а кроме этой цепочки воспоминаний она и есть «Наследие», культура, сообщество и все, что составляет станцию Лсел. Она помнит себя во времена, когда посещала любое самое глупое культурное событие, какое находила по Интранету Станции. Плохой документальный голографильм, новые виды музыки, детишки, читающие стихи в баре, выступление вокально-танцевальных ансамблей, танец в невесомости... В тот год она была покорена безымаговым реставратором, который предложил новый способ использования грибов, капсайцина и альдегидов для создания блюд, которые обеспечивали совершенно невероятный взрыв ощущений... Перед тем как стать советником, она изучила Станцию и знала ее, как собственное тело.

Теперь стало труднее, теперь она – «Наследие». Когда она приходит на какое-то событие, то это либо выражение официального одобрения, либо знак, что событие санкционировано. Она не знает, когда это началось, когда ей перестали доверять, даже когда она занималась чем-то, в чем и малейшего намека на тейкскалаанскую культурную инфильтрацию не было... ничего, что могло быть подвергнуто цензурированию...

Это не имеет значения. Теперь она – «Наследие», с ней вся станция Лсел, вся ее история и ее люди, за которыми нужно наблюдать. Она приходит в тайное сердце станции, репо-

зиторий имаго-машин, каждый раз, когда чувствует, что ее должность уж слишком категорично запирает ее в стеклянной клетке, не отпуская домой. Все воспоминания имаго-линий станции находятся здесь, где она стоит теперь, в безопасности под ее неусыпным надзором.

Эхо, вспышка имаго-памяти, быстро подавленные эмоции: *Кроме тех, что ты повредила.*

Акнел Амнардбат редко совершает ошибки. А если совершает, то признается в этом себе и считает себя провинившейся.

То, что она сделала с Махит Дзмаре, ошибкой не было. Она правильно поступила, когда удалила имаго-линию одурманенных Империей послов из сердца Лсела; никто не должен становиться наследником воспоминаний Искандра Агавна. Дзмаре была приемлемым конкурентом. Она была идеальной для него парой по способностям – могла бы стать еще одной такой, как он, даже без его воспоминаний. Отправка их обоих со станции было лучшим из решений.

Регулировка – ослабление – имаго-машины, которая стояла в стволовой части ее мозга, тоже было решением не из худших. Нового посла либо должно было закоротить где-нибудь, чтобы никто не смог помочь, либо полностью освободить ее от Искандра Агавна и посмотреть, чего она сможет там добиться.

<Повреждение>, – пробормотал один из голосов на ее имаго-линии, а она его проигнорировала.

Вот только Дзмаре вернулась с явно цельным имаго, и теперь Тейкскалаан приблизился к Лселу, как никогда, пожирал ресурсы Станции чревами военных кораблей при проходе через Бардзравандский сектор на пути к своей войне.

Акнел Амнарбдбат не совершает ошибок, которые отказывается признавать. Она признает и эту: ее ошибка состояла в том, что она представляла себе, будто Агавн и Дзмаре уже стали такими непохожими на других станциосельников, что никогда не захотят возвращаться домой. Она ошиблась: эта парочка отсутствовала не столь долго, чтобы у них возникло желание остаться там навсегда.

Это делает Дзмаре более опасной, чем она могла когда-либо стать, изображая посла. А теперь, когда она вернулась, вся ее имаго-линия способна распространять имперские идеи об уже реализованной колонизации на другие имаго-линии и живых станциосельников, носителей этих линий. Это делает их переносчиками инфекции, более изощренными, чем приближающийся военный корабль, но такими же опасными и ядовитыми для Лсела. Мозги людей должны оставаться свободными. Тела умирают, страдают, попадают в заключение – память остается. Во что превратится станция Лсел, если ее память будет засорена соблазнами тейкскалаанской культуры? Они и без того уже теряют немало линий – в последнее время в основном линий пилотов, которые исчезают в районе Дальних врат, убитые тем врагом, с которым сражается Тейкскалаан. «Или, – злобно и резко думает Ам-

нардбат, – убитые самими тейкскалаанцами под ложными предлогами». Они не могут позволить, чтобы от порчи гибли и другие.

Амнардбат планирует арестовать Дзмаре, если та не придет в назначенный срок на обследование специалистами по имаго-машинам. Даже Дарц Тарац не может возразить против законности ареста того, кто уклоняется от исполнения прямого приказа Советника. Закон вплетен во все лселские коды, в *мясо* самой культуры станции. Советник может отдавать экстренные команды, подлежащие исполнению.

А когда Дзмаре арестуют, Амнардбат будет иметь в полном распоряжении ее имаго-машину. Когда-то лселскими советниками становились капитаны и военачальники, и их слова означали смерть – или жизнь в черноте между звездами.

Может быть, им снова пора вернуть бразды правления.

Глава 5

Ряд практик, которые унижительно называют «культ гомеостата», происходят с одной планетарной системы, включающей две обитаемые планеты – Нелток и Позон и один обитаемый спутник Сеприй, и все вместе это Система Нелток. Нелтокцы называют свою наследственную религиозную практику «гомеостатическая медитация», или, на разговорном языке, «балансирование», и считают ее культурным артефактом (с сопутствующей регистрацией и защитами – см. пункт 32915-А в Регистре «Одобренных культурных артефактов» министерства). Однако Система Нелток уже восемь поколений находится в составе Тейкскалаана, и тейкскалаанцы, планетарные корни которых покоятся там же, не все являются приверженцами гомеостатической медитации. Активного приверженца этой практики можно узнать по татуировкам зелеными чернилами, которые приобретают форму фракталов на изображениях растущей плесени и молний; впрочем, есть и другие рисунки, навеянные природными явлениями...

Отрывок из «Сплетенные звездным светом: Пособие по синкретическим религиозным формам в пределах Тейкскалаана», автор Восемнадцать Дым, историк.

Приоритетное послание – ВСЕМ ПИЛОТАМ.

Движение в направлении Дальних врат в период тейкскалаанской военной активности в высшей степени не рекомендуется, и пока обычный запрет на перемещение военного транспорта приостановлен. Избегайте контакта с тейкскалаанскими кораблями. Избегайте разрешения визуально подтвердить номер, размер и вооружение лселских кораблей. Этот приказ действителен до его отмены Советником по пилотам для конкретного судна, маршрута или коммуникации – осторожность есть лучшая часть доблести – ПОДПИСАНА СОВЕТНИКОМ ПО ПИЛОТАМ (ДЕКАКЕЛ ОНЧУ)... повтор сообщения...

Приоритетное сообщение, распространяемое только на частотах, используемых пилотами в районе станции Лсел, и по Интранету пилотов.

54.1.1-19А (Тейкскалаанское летоисчисление)

В последний раз Девять Гибискус садилась за штурвал «Осколка», модель которого была на несколько поколений старше этого. Ее облачная привязка потратила чертову порчу времени на апдейт программы, а до этого даже не давала ей доступа в коллективное видение, общее для всех пилотов «Осколков». Вдобавок новая система биообратной связи, которая позволяла им реагировать как единый большой организм, была для нее абсолютно в новинку. Эта технология перекочевала во Флот из имперской полиции, а в Военное министерство – из министерства науки лет десять назад. Министр Девять Тяга – бывший министр Девять Тяга,

напомнила себе Девять Гибискус – была ярким приверженцем этой технологии, потому что видела, какие перемены произошли благодаря этой технологии у Солнечных на Жемчужине Мира. «Мгновенное реагирование, гиперкоммуникации», – сказала когда-то ей и другим офицерам бывший министр во время долгой ночи дружеского застолья. Она осуществила переработку этой технологии применительно к «Осколкам», она же разместила заказ в министерстве науки, и министр Десять Перл, к которому прилипло определение «тот, кто приносит паттерны в мир», будучи мастером алгоритмов, приспособил код к нуждам Девять Тяги. Теперь новая система была внедрена в программу взаимодействия интерфейсов «Осколков» с облачными привязками пилотов, а также в набор внешних электродов и магнитных сенсоров, встроенных в их вакуумные скафандры. Это обеспечивало искусственное ощущение коллективного местонахождения в пространстве или проприоцепцию, визуальное восприятие картинки мира в данной области и, как утверждали слухи, коллективную *боль*, коллективные инстинктивные рефлекс-ы реагирования на опасность. В результате после введения новой системы боевые потери сократились на девять процентов, и это привело в восторг Пятую Ладонь – вооружения и исследования. Но даже если бы Девять Гибискус находилась внутри «Осколка» и на ней был специальный вакуумный костюм, она не знала бы, что делать с этой новой проприоцепцией, разве что блевануть некстати, что явно бы-

ло наиболее частым побочным эффектом тренировок. Так что, возможно, лучше всего ей было держаться интерфейса «Осколка», а такую возможность ей предоставляла ее облачная привязка безо всякого взаимодействия с кораблем. Она села в свое капитанское кресло на мостике «Грузика для колеса», установила горизонтальный обзор для девяноста процентов случаев, приспособила облачную привязку к обоим глазам. Она ни в коем случае не собиралась позволять Шестнадцать Мунрайз атаковать Пелоа-2 без возможности чрезвычайно строгого наблюдения за ее действиями.

Ее люди могли в один клик отвлечь ее от взаимодействия с «Осколком», и тогда она вернется к обязанностям командующего. Но пока, поскольку ее флагманский корабль ничего не делал, только стоял на месте и получал разведсведения, она официально оставила командовать Двадцать Цикаду и заняла органы восприятия другими делами.

Она двигалась, будучи невидимой для других, вместе с пилотами «Осколков» в тени малого истребителя поддержки «Спящая цитадель» вслед за «Обожженным фрагментом фарфора» Шестнадцать Мунрайз в тишину, которая поглотила Пелоа-2. Она рассеянно спрашивала себя, не повлияет ли выход из строя системы связи на интерфейс «Осколка», и подумала, что было бы полезно это выяснить.

«Обожженный фрагмент фарфора» был красивым кораблем. Она видела через постоянно меняющую локацию системы обзора «Осколков», как он прорезает пространство,

словно обсидиановый клинок, поблескивающий чернотой. Крейсер-невидимка класса «Пирокласт» – если он не был гордостью Двадцать четвертого легиона, которым командовала Шестнадцать Мунрайз, то его следовало таким сделать. Корабль, вынырнувший из-за дальней стороны карликового солнца системы Пелоа, – в этом месте находился корабль «Острие ножа», когда их перехватил инопланетный корабль с тремя кольцами, – мог показаться всего лишь темным пятном на звездном поле. Он был почти невидим. Следом за ним двигалась «Спящая Цитадель», что позволяло Шестнадцать Мунрайз занять место во главе. Конечно, она приняла командование на себя; Девять Гибискус наверняка сделала бы то же самое. После коммуникационного блэкаута никто не видел Пелоа-2. Девять Гибискус не знала толком, что ожидала увидеть. Что угодно: от почерневшей, выгоревшей раковины до яркой, здоровой колонии, подвергшейся блокаде...

Ни того, ни другого она не увидела. Пелоа-2 выглядела, как предположительно и должна была выглядеть, судя по голограммам: маленькая планета, три континента, большая силикатная пустыня в центре самого большого из них, тейкскалаанская колония на южном окончании этой пустыни. Очертания обогатительных предприятий и производств по выпуску стекла для облачных привязок напоминали глифы, введенные в ландшафт. И весь чистый кварцевый песок, белый блеск вокруг колонии, был оправой для необработано-

го промышленного алмаза. На видимой им части колонии стоял день, а потому невозможно было определить, есть там электричество или нет. Обычный набор спутников все еще находился на орбите, но половина из них была погружена в темноту, и на самой планете не наблюдалось никакого движения, малые корабли не поднимались и не садились на ее поверхность. И инородцев нигде не было видно.

За шумом болтовни между «Осколками» она смогла различить голос Шестнадцать Мунрайз: «Медленно опускаемся на орбиту. Это кладбище».

Девять Гибискус не имела биофидбэка, чтобы прийти в содрогание, но ее все равно трясло, и она решила, что это следствие коллективного восприятия – пилоты всех «Осколков» ощущали эту ползучую, безмолвную необычность. «Это кладбище». Шестнадцать Мунрайз не ошиблась на этот счет. Когда они приблизились, «Спящая цитадель» уже прошла мимо погруженных в темноту спутников. Они представляли собой не более чем руины, разодранные, вскрытые, с оторванными частями. Девять Гибискус пыталась увидеть какую-то систему в этом разорении – может быть, инородцам требовался металл или сердечники реакторов, кислород, что угодно – и не смогла. Спутники просто выглядели разодранными на части. Разграбленными. Она поймала себя на мысли: «То, что в них полезного, они и хотели забрать. Оживляющую силу, то, что делало их имеющими *цель*, а не выброшенным на свалку мусором – вот что они

ищут».

Она понимала, что антропоморфизму угрозу, вкладывает смысл и причину в то, что вполне могло быть беспричинным разрушением. Эти инородцы не были людьми. Они даже варварами не были.

Снова ровный голос Шестнадцать Мунрайз, произнесенная ею команда:

– Остаться на орбите и на связи. Я отправляю разведку на поверхность: шесть «Осколков» со «Спящей цитадели» десять с «Фарфора». Приготовиться.

Риск. Девять Гибискус могла и не рисковать. Неудивительно, что Пелоа-2 не выходила на связь: все их инструменты коммуникации были уничтожены. Если спутники превратились в кладбище, то какого рода массовые разрушения могут обнаружиться на планете под ними? Но она отдала Шестнадцать Мунрайз приказ отвоевать эту колонию, бросила ей вызов – мол, справишься ли? Так что просто окружить планету тейкскалаанскими кораблями было недостаточно. Если на планете находились граждане Тейкскалаана, то они заслуживали спасения. Заслуживали защиты и возвращения в мир. Девять Гибискус перенесла внимание на полет пилотов «Осколков», спускающихся на поверхность через выгоревшую атмосферу. Все остальное она отвела на второй план, на периферийное видение через облачную привязку, на вспышки в темноте.

Они попытались связаться с космопортом на обычный ма-

нер – запросили посадочный вектор и соответствующее место между небесными сетями. «Осколки» садились на собственных двигателях, а не как гондолы с зерном или грузовики – их приходилось ловить. Такой способ посадки должен был использоваться как рутинный. Но ничто на этой планете не было рутинным.

Пелоа-2 не отозвалась на первый вызов. Не отозвалась и на второй, и на трансляцию по всем каналам требования очистить космопорт для посадки, поскольку суда Военного министерства имели приоритет над всеми остальными. Девять Гибискус предпочла бы пропустить это сообщение, поскольку многоканальная связь была делом слишком рискованным – даже кладбища могли посещаться тем, кто вырыл могилы. «Осколки» приземлились, где смогли, спустились через оранжево-пурпурное сияние плазмы, испытывая давление и тряску перегрузок во время торможения. Тем не менее само приземление прошло гладко: все пилоты совершали посадки и в гораздо более трудных ситуациях, в условиях радиомолчания и без векторного ориентирования – только за счет визуального выбора безопасного места для посадки.

В космопорте царили темнота и тишина – ни тейкскалаанцы, ни инородцы не вышли встречать шестнадцать кораблей. Один из приборов на инструментальных панелях «Осколков» сообщал пилоту, что температура за бортом почти пятьдесят градусов, на Пелоа-2 был летний полдень, и температура достигла границы человеческой переносимо-

сти. Девять Гибискус на мостике вдали от всего этого ощущала холодок, видя полную неподвижность, слыша полную тишину. Струйки кварцевой пыли поднимались над поверхностью, когда дул ветер, белая рябь в воздухе напоминала снежную метель.

В ее ушах раздался голос Шестнадцать Мунрайз:

– Выяснить, насколько плоха ситуация. Найти выживших, если удастся.

Такой же приказ могла бы отдать и Девять Гибискус. Какими бы ни были расхождения между ними, грело душу то, что Шестнадцать Мунрайз волновала судьба граждан Империи. Это давало надежду, что, может быть, между ними все-таки найдутся точки соприкосновения, которые позволят им скоординированно работать во время этой войны.

Она увидела, как люди выходят из «Осколков», и порадовалась, что на пилотах вакуумные костюмы с контролем температуры, а еще с обновленными интерфейсами, которые позволяют сохранить коллективное видение даже на поверхности планеты, вне зоны действия ИИ корабля, который сводит восприятие каждого в единое, общее. Она радовалась, пока пилоты не вошли внутрь здания космопорта и не увидели первые тела.

Девять Гибискус была солдатом. Она убила больше народа, чем могла сосчитать, – в условиях космического сражения их зачастую и сосчитать было невозможно, – и часть из них умирала у нее на глазах, она видела кровь, вонь дерьма

и выпавших внутренностей, жертвы, приносимые ни для кого и одновременно для всех. Она носила на лбу кровь своей первой жертвы в наземном бою, пока эта кровь не засохла и не отшелушилась. Это был старый ритуал, и тогда она ощущала себя текскалаанкой в большей мере, чем когда-либо в жизни: в двадцать лет, коронованная кровью, по колено в грязи на попытавшемся поднять восстание планетоиде...

...Но сейчас, глядя на тела, она мечтала никогда этого не видеть. Так *много* людей – в большинстве своем распоротых, умерших не чистой смертью от энергетического оружия, хотя и такие тоже встречались. Тейкскалаанцы превратились в частично почерневшие, частично расплавившиеся трупы, но по большей части распоротые, как вскрытые спутники, которые она только что видела. «Может быть, они едят крупных млекопитающих», – подумала она, и эта мысль показалась ей утешительной. Виды, которые считали людей добычей, представляли проблему, но те же эбректи поедали крупных млекопитающих, а тейкскалаанцам все равно удалось с ними поладить. Но внутренности распоротых тел не были съедены, они просто были оставлены в таком виде – и все. Их вспороли и бросили за ненадобностью. Значит, отбросы – не еда.

Очень легко было начать мыслить, как враги. А начав думать, как они, – испытывать к ним персональную ненависть. Лидер группы «Осколков», базирующихся на «Спящей цитадели», сделала знак своим и группе с «Фарфора»: «Вы

идите туда, мы сюда». Ее коллега из другой группы кивнул. Они побежали в темноте из соображений безопасности, полагаясь только на свое коллективное видение: если инородцы все еще находились здесь, то известие, что к ним заявились гости, было надежным способом быстро оказаться убитыми. Внимание Девять Гибискус было привлечено к группе, состоявшей из ее людей. Они знали, что она с ними, наблюдает. Она надеялась, что это приободрит их, бегущих по руинам Пелоа-2. Их капитан Флота видит происходящее так же, как и они.

Прошло несколько часов, прежде чем она начала понимать, что здесь понадобилось инородцам, кроме удовольствия разрушать ради разрушения. Несколько часов обнаружения мертвых тейкскалаанцев, группы за группой, мертвых уже несколько дней, здание за зданием, наполненные трупами. Вторгнувшиеся силы были ужасающе хороши в резне. Ей придется проверить списки – она попросит Двадцать Цикаду, он знает, как это сделать. На Пелоа-2 было около полутора тысяч колонистов, может быть, даже около двух тысяч. Крохотная колония, где располагалась знаменитая фабрика, на которой мелкозернистый песок, полный редких кристаллических добавок, превращали в подобие стекла, используемого в облачных привязках, стекла гибкого и практически неразрушимого. Пелоа-2 находилась на границе тейкскалаанской территории, здесь было слишком жарко для большинства людей, чтобы заниматься чем-то большим, чем ко-

роткие инженерные наезды ради прибавки к их обычному жалованью в министерстве войны. Причина, по которой все эти люди были теперь мертвы, как стало ясно теперь Девять Гибискус, состояла в том, что инородцы разбирались в логистике и понимали, что делать с колонией, осваивающей единственный ресурс.

Отрезать от энергоснабжения и взять то, что она успела произвести.

Центральный производственный этаж, на котором прежде стояли высокие стеллажи, наполненные стеклом для облачных привязок в ожидании прыжка через гиперврата в сторону более густонаселенной части вселенной, был совершенно пуст. Здесь все оставалось целым, кроме мощностей для производства листов стекла. Само же стекло исчезло, словно вернулось в свое прежнее состояние – в кварцевую пыль, которую унес ветер.

Значит, они, эти враги Тейкскалаана, были голодны, и теперь известно по меньшей мере одно их желание – забрать ресурс, необходимый Империи, и не допустить продолжения работ. Они не могли знать, что были и другие планеты, которые изготавливали стекло для облачных привязок, другие пустыни с нужной смесью минералов. Впрочем, они были правы: Пелоа-2 стоила колонизации, это стало ясно, когда империя обнаружила ее и ресурс планеты, эти конкретные минеральные добавки. В войне с Тейкскалааном этот ресурс – любой ресурс – следовало сделать для империи недо-

ступным. Изъять. В их расчетах люди, находившиеся здесь, не имели значения.

«Как, черт побери, буду я говорить с этими нелюдями, даже имея помощника из министерства информации?» – Девять Гибискус задумалась и переключилась из коллективной сети «Осколков» в нормальность «Грузика для колеса», где никто пока не стал наполовину выпотрошенным трупом.

– Заканчивайте операцию, – сказала она Шестнадцать Мунрайз по коммуникационному прибору узкополосной связи. – Возвращайте людей, обоснуйте на орбитальном периметре Пелоа и скажите легиону, чтобы подготовился к погребальному обряду для всей этой чертовой планеты.

* * *

Станция Лсел оказалась *маленькой*. Маленькой и очень красивой – вращающийся бриллиант в богатой звездной оправе; две спицы и плотный полукруглый фриз палуб в их середине. Три Саргасс не могла понять, как можно жить на такой станции – словно постоянно живешь на военном корабле, на самом крупном военном корабле, когда-либо существовавшем во Вселенной, однако станция понравилась ей с первого взгляда.

Станция нравилась ей примерно до момента, когда грузовик, которому она заплатила баснословную сумму, чтобы провести на нем одиннадцать холодных часов, пришварто-

вался к одной из этих спиц и началась выгрузка ящиков с... О содержимом ящиков сообщали надписи на верашк-талайском, Три Саргасс не была уверена, правильно ли помнит слово «рыба» на этом языке. Замороженная рыба? Рыбный порошок? Кому было нужно столько ящиков с рыбным порошком здесь, на этой *псевдопланете*, сотворенной из металла? Она выгрузилась вместе с ящиками все еще в комбинезоне, приобретенном на Эскер-1. Не успела она выйти из грузовика, как высокий варвар схватил ее, прижал к стене и потребовал информацию. Говорил он при этом на очень силлабическом и непроизносимом языке Махит. Три Саргасс не понимала, о какой информации идет речь, к тому же стена была металлической и больно давила ей на спину, а инженер грузовика ограничивалась лишь тем, что стояла бесполезным столбом неподалеку и всей своей позой выражала одно: «Я же вас предупреждала».

Может быть, ей стоило облачиться в одеяния специально уполномоченного.

– Я уполномоченный Три Саргасс из министерства информации Тейкскалаана, – громко сказала она на своем языке, – и вы совершаете преступление, ведя себя так против неприкосновенного представителя. Отпустите меня.

Варвар явно понимал по-тейкскалаански. Он отпустил ее и нажал какую-то кнопку на плоском экране, заменявшем ему облачную привязку, после чего раздался довольно громкий звук тревоги. Резкий, из трех повторяющихся нот,

словно начало песни в клубе любителей нойзкора Беллтауна
Шесть.

– Вы кто? – спросила инженер грузовика.

Три Саргасс помахала руками у своих ушей, давая понять: «Я вас не слышу, кто-то включил тревогу, к тому же этот вопрос ужасен с учетом всех обстоятельств».

– Это что я такое доставил сюда? – спросил капитан грузовика, и вопрос прозвучал оскорбительно. Три Саргасс была персоной, а не «что». Она пожала плечами. Улыбнулась, с широко раскрытыми по-тейксалаански глазами. Убедились, что ее багаж при ней. Варвар, схвативший ее, сказал на вполне приемлемом тейксалаанском:

– Не двигайтесь. – Она и не двигалась.

Ее душа ушла в пятки. Если звук тревоги будет продолжаться еще долго, то она испугается по-настоящему. Если ее поместят в тюрьму на станции Лсел, это будет воспрепятствованием исполнению ее миссии, не говоря уже о том, что она никогда не была в тюрьме, если не считать нескольких жутких часов в министерстве во время восстания. Она вообще не должна была прилететь сюда...

В другом конце ангара возникло движение. Варвар, включивший сигнал тревоги, вызвал этим сигналом еще нескольких варваров – важных персон, если судить по вниманию, с каким их появление было воспринято станциосельниками, разгружавшими грузовик и другие только что прибывшие корабли. Три Саргасс почувствовала атмосферу, возникшую

в ангаре; хотя она и была напугана, хотя сигнал тревоги звучал так громко, ее подготовка не отказала даже здесь, за пределами Империи, среди незнакомых людей. Один из новопришедших поднял руку, и сигнал тревоги прекратился.

Три Саргасс резко выдохнула в тишину. Зажмурила глаза на долю секунды, сжала веки, пока не увидела фосфены⁷, а потом распрямила плечи. Подумала: «Ну вот, пришло время поговорить о том, как мне попасть к Махит Дзмаре, даже если для того чтобы пробраться через этих станциосельников, мне придется скрутить язык спиралью». Она открыла глаза.

И увидела, что Махит стоит перед ней, а рядом с ней старик и средних лет женщина, похожая на коршуна.

Выглядела Махит ужасно, но вместе с тем казалась отдохнувшей. Она была, как всегда, высокая, расслабленная и светло-оливковая, с теми же кудрявыми волосами – они теперь отросли, ниспадали щупальцами ей на шею, обрамляли лицо, касались скул, делали их еще заостреннее – острыми, как ее нос. Она больше не производила впечатление человека, которого можно легко сбить с ног, страдающего бессонницей и потрясенного. Нет, она выглядела удивленной, рассерженной и немного измученной тошнотой. «Моя варварка», – с нежностью подумала Три Саргасс, что было совершенно неуместно.

⁷ Зрительное ощущение, возникающее у человека без воздействия света на глаз.

– Привет, – сказала она и снова попыталась улыбнуться, как станциосельник.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Махит, и ей было приятно услышать слова на ее родном языке, произнесенные с таким изяществом. – Три Саргасс, у меня создалось впечатление, что ты служила замминистра и в твои привычки не входила роль контрабанды, перевозимой на грузовике...

– Вы ее знаете, – сказала похожая на коршуна женщина, и ее слова, казалось, прозвучали обвинительно. Конечно, Махит наверняка оказалась внутри очередного политического скандала – она просто притягивала их. Три Саргасс это прекрасно знала на собственном опыте.

– Это асекрета Три Саргасс, – начала Махит, и Три Саргасс почувствовала полное, особенное удовольствие оттого, что ее представили. Они словно поменялись ролями, координатор по делам культуры и варвар, ведь теперь она находилась на планете Махит – то есть *станции*. – Патриций первого класса, третий заместитель тейкскалаанского министра информации. Мой прежний координатор по делам культуры.

– Самая интересная работа из всех, что у меня были, – добавила Три Саргасс, думая: «Кроме разве что той, что я делаю в данный момент». Она наклонилась над кончиками пальцев перед этими странными варварами. – Я буду вам признательна, Махит, если вы будете настолько добры, что представите мне ваших... спутников.

Дипломатия была прекрасным убежищем. Ей сопутство-

вали ритуалы, и ни один из них не подразумевал ареста. Обычно.

Выражение Махит сменилось с немного болезненного на смесь разочарования и удовольствия. Она была так выразительна! Остальные станциосельники, казалось, не отставали от нее в этом смысле: двое, с которыми пришла Махит, судя по их виду, явно что-то замышляли, были настороженными и внимательными. Не столько недовольными, сколько готовыми к любым поворотам.

– Вам оказано высокое почтение, Три Саргасс; эти двое – члены нашего управляющего Совета. Дарц Тарац, советник по шахтерам, – она выкинула руку в сторону худосочного старика справа от нее. – И Декакел Ончу, советник по пилотам. Я полагаю, вы – ее проблема, поскольку вы находитесь в ее гараже. Незаконно находитесь.

Три Саргасс самым извиняющимся голосом спросила:

– Советники, вы понимаете по-тейкскалаански?

Ей точно нужно надлежащим образом освоить язык станциосельников, чтобы знать больше пары слов, и неважно, что в языке Махит есть шумы, противные цивилизованному речевому аппарату.

Коршунолицая женщина Ончу кивнула. Один раз. Она пока не произнесла ни слова – в этом не было нужды; все в ней требовало, чтобы Три Саргасс скорейшим образом оправдалась или была выброшена в ближайший воздушный шлюз, два из которых были видны прямо из ангара.

– Приношу глубочайшие извинения за столь неприемлемый метод моего прибытия, – продолжила Три Саргасс, – но мне было необходимо попасть на станцию Лсел как можно скорее. Я не нашла никакой возможности превзойти досветовые скорости, кроме как воспользовавшись Анхамематскими вратами, а не обычным способом. Я прекрасно понимаю, что, возможно, нарушила договоры между двумя нашими народами, не сообщив о моем намерении, но поверьте мне, я прибыла сюда не втайне и не в целях, которые могут еще больше нарушить взаимопонимание между нами. В этом нет злого умысла.

Брови советника Ончу были не менее выразительны, чем все остальное в ней. Брови взметнулись чуть ли не к месту, где должна была проходить линия волос, если бы советник не брила голову наголо.

– Зачем вы тогда здесь? – спросила она. Ее тейкскалаанский был более чем приемлемым. – Что требует таких сумасшедших скоростей? Почему нас не поставили в известность о ситуации, которая вынудит вас выбрать такой метод попадания на нашу территорию, замминистра?

Многое оказывалось проще, когда она была всего лишь асекретой. Люди почему-то ожидают, что у замминистра есть подчиненные, возможность передавать сообщения ускоренной почтой и, вероятно, извещать о своих планах межсистемных перелетов заранее.

– Мне нужно, – сказала Три Саргасс, решив, что ясность –

одна из сторон отваги, – позаимствовать у вас посла. – Она показала на Махит, которая вперилась в нее неподвижным взглядом на тейкскалаанский манер. – Она ведь до сих пор посол, верно?

* * *

Закрывая дверь спальни, Восемь Антидот мог притвориться, что остался наедине с самим собой. Но он знал, что до уединения далеко: в его спальне размещались два глаза-камеры, и ему было известно об их существовании. Еще один глаз находился в ванной и благородно смотрел в сторону окна, а не на душевую или унитаз. Эта камера берегла его от непрошенных гостей, которые могли похитить наследника императора, а не подглядывала, как он принимает душ, стоя спиной к окну, гениталиями в сторону угла душевой кабинки. Тем не менее, когда он закрывал дверь, возникало ощущение одиночества.

Восемь Антидот попросил голопроектор показать эпизод из «Рассвета с надвигающимися тучами». Это была многосерийная драма с совершенно немислимым бюджетом на костюмы и декорациями, воздвигнутыми отчасти на реальном историческом боевом корабле, музейном экспонате, построенном четыре столетия назад. Министерство войны дало специальное разрешение использовать корабль во время съемок. Эпизод, который смотрел Восемь Антидот, был из

пятого сезона, а общее число сезонов составляло шесть. Пятый сезон назывался «Солнечный свет растворяет щупальца тумана» и был частью истории, в которой император Два Солнцепек начала кампанию отчуждения легионерского корабля узурпатора, которая продлилась год. Это произошло после первичного контакта с эбректи и возвращения через те самые врата, через которые она спасалась бегством, но только для того, чтобы на другой стороне опять столкнуться со своим прежним эзузуаком, несостоявшимся узурпатором Одиннадцать Тучей. Это была любимая серия Восемь Антидота, вернее сказать, была любимой до всей этой истории с восстанием и узурпацией в прошлом году. Теперь смотреть эту серию ему было тяжелее, но она его заводила, возбуждала и интересовала. И немного пугала.

Во всяком случае, так он чувствовал после разговора с императором о Девять Гибискус на Каураане и новой войне.

Одиннадцать Туча, то есть актриса, игравшая ее, почти уговорила своих капитанов подтвердить клятву верности и признание ее императором. Это, конечно, означало, что она не может взять и сдаться Два Солнцепек, хотя они выросли вместе и любили друг друга. Эпизод был весьма драматичным, с флешбэками, в которых Одиннадцать Туча и Два Солнцепек лежали вместе в постели во Дворце-Земля, до того как отношения между ними испортились. Сексом они занимались довольно театрально. Восемь Антидот знал, что дети его возраста не должны смотреть фильмы вроде «Рас-

света с надвигающимися тучами», а потому существовала иная версия истории Два Солнцепек и Одиннадцать Тучи, без секса и без крови. Она называлась «Стеклянный ключ» и имела соответствующую маркировку, разрешавшую просмотр детям, но сценарий там был ужасный.

Кроме того, Восемь Антидот не имел никаких ограничений по доступу к медиа. Он не раз видел, как люди занимаются сексом на голопроекционных роликах. Это казалось ему делом грязным, к тому же оно вынуждало совершать потом всякие глупости.

Но, вероятно, яотлек Девять Гибискус увязла в безнадежной войне не по причине секса. Восемь Антидоту казалось, что это в большей мере имеет отношение к политике – политикой занимались все, а вот сексом лишь немногие. Он продолжал обдумывать слова императора о том, что Девять Гибискус может оказаться слишком хорошей, чтобы остаться живой. Это было так непохоже на мысли, которые внушал ему Одиннадцать Лавр – что есть нечто очень опасное в ней и в преданности ей людей, а потому лучше бы ей благородно умереть.

Если она умрет благородно, с ней не случится ничего похожего на то, что случилось с Одиннадцать Тучей, а через нее и с тейкскалаанцами. Преданные ей легионы не смогут убедить Девять Гибискус стать императором, если убеждать будет некого.

Но ему это представлялось ужасным транжирством –

позволить кому-то, кто может одержать победу над Каураном, умереть, чтобы предотвратить *возможное* нежелательное развитие событий. Не все оставалось таким, как четыре столетия назад. Девятнадцать Тесло даже толком не знала Девять Гибискус. Восемь Антидот полагал, что они вряд ли встречались лично более одного раза.

Не все походило на голодраму. Даже если голодрама представляла собой визуализацию романа, который был версией эпической поэмы, все еще исполняемой на концертах во дворце. Что-то было новым, а еще *недавним*. Как, например, прошлый яотлек Один Молния и его преданные легионы, а также смерть предка-императора Восемь Антидота. Может быть, в этом заключалась часть сути. Не позволять никому из приближенных, кто достаточно долго находился рядом с императором, любил его и хорошо знал, как Один Молния, допускать мысль, что императором может стать он, а не Девятнадцать Тесло.

Или он. Ему не хотелось думать об этом.

Иногда, если он чувствовал себя по-настоящему ужасно и одновременно заинтересованно, когда его донимали тошнота и досада, он обращался к сводкам новостей в день беспорядков, смотрел на изображения умирающего Шесть Пути. Он все время задавался вопросом, будет ли он выглядеть так же, когда состарится, когда будет умирать. Будет ли на его лице точно такое выражение. Вероятно. Все равно что увидеть будущее.

В следующий раз, когда он пойдет к Одиннадцать Лавру, решил Восемь Антидот, он непременно узнает, как *на самом деле* идет война.

* * *

Это место было не худшим из тех, где Три Саргасс приходилось сидеть вместе с Махит. Пожалуй, худшим местом был бункер под дворцом, где они смотрели, как Шесть Путь умирает в прямом эфире. А может, и нет, ведь тогда все закончилось поцелуями. Даже с учетом того, что Три Саргасс в любой момент была готова расплакаться и почти наверняка испортила этим момент. Это случилось всего один раз. Если Махит не станет упоминать об этом поцелуе, она точно тоже не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.